

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Т. А. ТРИПОЛЬСКАЯ

**ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЙ ДИСКУРС:
КОГНИТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

НОВОСИБИРСК 1999

УДК 413
ББК 81.411.2
Т 678

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета

Трипольская Т. А.

Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. – 166с.

ISBN 5–85921–147–3

В монографии исследуется актуальное для современной лингвистики понятие эмотивно-оценочного дискурса в аспекте его лексического структурирования. Организация эмотивно-оценочного дискурса базируется на трех типах информации, которыми располагает говорящий субъект: об аксиологических ориентирах социума и связанных с ними эмоциях; о коммуникативных стратегиях и путях построения речевых актов, в которых воплощается эмотивно-оценочное освоение мира (сценарных фреймах); о семантической, стилистической и прагматической специфике эмотивно-оценочного слова.

Когнитивно-прагматическое описание эмотивно-оценочного дискурса включает исследование ценностных концептов и связанных с ними эмоций, находящих лексическое воплощение, а также изучение структуры интенций говорящих, выражаемых в эмотивно-оценочном дискурсе.

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена

И.А.Мартьянова;

кандидат филологических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета

И.П.Матханова

УДК 413
ББК 81.411.2

ISBN 5–85921–147–3

© Трипольская Т.А., 1999

Эмотивно-оценочный дискурс: определение, признаки, пути исследования

Современная лингвистика, встраиваясь в антропоцентрическую научную парадигму, сосредоточивает свое внимание на говорящем человеке, изучая его как языковую личность (ЯЛ): "как индивидуума... со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками; как типового представителя данной языковой общности...; и как представителя рода человеческого, неотъемлемым свойством которого является использование...естественного языка" [Караулов 1997: 671].

Исследование языка, ставящее во главу угла человеческий фактор, неизбежно обращается к текстам, в которых ЯЛ имеет свое непосредственное воплощение, к текстам, "погруженным в жизнь" [Арутюнова 1990: 136-137], – к дискурсу.

Понятие дискурса – одно из самых популярных в современной лингвистике. Оно оказывается предпочтительным (ср. традиционные язык, текст, речь, речевое произведение), когда предметом описания являются языковые единицы в аспекте их коммуникативной и когнитивной значимости. Поэтому можно сказать, что дискурс – это не новый объект лингвистики, но новый подход, взгляд на язык в антропоцентрической исследовательской парадигме.

Одной из первых работ, в которой представлено понятие дискурса, является "Французская стилистика" Ш. Балли. Он понимал его как речь, отражающую субъективную психологию человека, речь, которая не может быть отчуждена от говорящего человека: "Даже самые отвлеченные вещи предстают в речи пропущенными сквозь призму наших нужд, потребностей и желаний в смутном свете субъективного восприятия" [Балли 1961: 328].

Эти мысли положены в основу определения, представленного Н.Д. Арутюновой в ЛЭС: дискурс определяется как связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; речь рассматривается как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания [1990: 36 –137]. В Словаре лингвистических терминов [1996] под дискурсом понимается речевое произведение, рассматриваемое во всей полноте своего выражения (словесного и паралингвистического) и устремления, с учетом всех внеязыковых факторов (социальных, культурных, психологических), существенных для успешного речевого взаимодействия.

В свете такого понимания становится целесообразной постановка вопроса о тех специфических свойствах речевого произведения, которые зависят от антропоцентрических факторов. Влияние указанных факторов столь значительно, что Ю.С. Степанов пишет о дискурсе как особом языке: "Дискурс – "язык в языке". Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном итоге – особый мир" [Степанов 1995: 44].

Безусловно, понятия "особого лексикона, особой семантики, особых правил словоупотребления" требуют своей разработки и конкретизации.

В настоящее время предпринимаются попытки выделить составляющие из интегрального понятия **дискурс**. Выявлены разновидности речевых произведений, характеризующихся специфическими языковыми чертами, которые мотивированы личностью говорящего, его интенциями, мнениями, социокультурным статусом, сферой деятельности и фактором адресата. Так появились работы, посвященные изучению современного научного дискурса [Ванхала-Анишевски 1996], политического дискурса [Какорина 1997], дискурса определенного социума [Голубева-Монаткина 1997, Земская 1997, Крысин 1989], дискурса конкретной языковой личности [Ляпон 1995].

В русле подобной "аспектуации" (по аналогии с общей и поаспектной языковой картиной мира – визуальной, слуховой, звуковой; детской и взрослой и др.) сложного целого представляется возможным выделить **эмотивно-оценочный дискурс** (ЭОД) говорящего социума и отдельной языковой личности. ЭОД является составной частью дискурса в целом, вычленяемой ввиду важности сферы квалификативной и эмоциональной деятельности человека по ориентации в мире и его упорядочиванию. Все основные виды человеческих потребностей, удовлетворяемых в общении, так или иначе связаны с ЭОД: потребность в человеческих связях, в самоутверждении, в привязанностях, в самоосознании и в системе ориентации. Это речевые произведения, цель которых выразить эмоциональное состояние и эмотивную оценку субъекта с помощью эмотивно-оценочной лексики. ЭОД легко вычленяется, поскольку его специфической чертой является насыщенность эмотивно-оценочной лексикой. С другой стороны, эти фрагменты дискурса органично связаны с ближайшими "соседями" (речевыми произведениями, содержащими оценочные суждения и мнения, и фрагментами, направленными на **описание** эмоционального состояния субъекта или выражение эмоций иными языковыми средствами [Пиотровская 1994]) и более отдаленными, соотносимыми с ЭОД, например, тематически, но не содержащими эмотивно-оценочной лексики. Можно сказать, что ЭОД как бы

разлит над дискурсом говорящих в целом, естественно встраиваясь в него и взаимодействуя с ним.

Что же позволяет видеть в ЭОД "особый язык"? Как видно из определений дискурса в разных источниках, это речевые произведения, обнаруживающие влияние широкого спектра экстралингвистических факторов и являющиеся воплощением сложной системы знаний говорящего социума. Как один из типов (разновидностей) дискурса ЭОД представляет собой систему, которая определяется ценностной картиной мира, включающей представления говорящих о ценностях (заметно изменяющиеся в последнее десятилетие), знаниями об условиях успешной коммуникации, а также информацией о семантико-прагматической специфике эмотивно-оценочного слова. Особенности нашего менталитета, специфика эмоциональных состояний и реакций на факты и явления действительности, правила языковой коммуникации, а также особенности языковых средств, предназначенных для вербализации эмоций и оценок (например, лексическая система языка), обеспечивают своеобразие ЭОД, который мы определяем как "особый язык", предназначенный для вербализации аксиологической и эмоциональной интерпретации действительности говорящим субъектом и организованный с помощью эмотивно-оценочной лексики.

Основные признаки эмотивно-оценочного дискурса

1. Доминирующая лексическая черта ЭОД – наличие эмотивно-оценочной лексики (ЭОЛ). Скопление этих лексических единиц на пространстве текстовых фрагментов отмечалось многими исследователями [Лукьянова 1986, Шаховский 1987, Петрищева 1984, Сорокин 1985, Маслова 1991 и др.]. Объясняется это, с нашей точки зрения, комплексом причин: стремлением к экспрессивности; желанием выразить эмоциональное состояние и связанное с ним отношение к действительности – чем выше эмоциональный накал говорящего, тем частотнее и однообразнее эмотивная лексика в его речи; закономерностями порождения речи (одновременным возбуждением значительного участка вербальных сетей в языковом сознании говорящего, в данном случае – участка эмотивно-оценочных значений, связанных теснейшими смысловыми связями); а также комплексным характером [Изард 1980, Ортони, Клоур, Коллинз 1996] переживаемых индивидом эмоций.

В.И. Шаховским выявлены компоненты эмотивного текста и некоторые закономерности его организации. К компонентам, организующим этот тип текст, он относит эмотивную лексику и фразеологию, набор эмотивных конструкций, а также эмоциональную ситуацию, которая включает эмоциональную пресуппозицию, эмоциональные намерения, эмоциональные позиции коммуникантов и их общий эмоциональный настрой. В качестве закономерностей организации эмотивного текста выделены следующие: невозможность появления эмотивов в

нейтральном тексте, регулярность отрицательной связи в эмотивном тексте, "плотность эмотивов", а также эмотивно-просодическое оформление текстового фрагмента [Шаховский 1987: 145-159]. Очевидно, что учет выявленных закономерностей построения эмотивного текста необходим в исследовании ЭОД. Введение же тех параметров, которые являются определяющими для дискурса, позволит существенно дополнить и уточнить выделенные характеристики.

Целенаправленный анализ ЭОД показывает, что "плотность" ЭОЛ в дискурсе не является универсальным свойством. Разные типы эмотивно-оценочного дискурса тяготеют к разным количественным и качественным характеристикам эмотивно-оценочной лексики: её "плотность" отличается высокой степенью, когда основная интенция говорящего – выразить свое эмоциональное состояние; когда он преследует иные цели коммуникации, количество эмотивно-оценочных слов резко снижается. Тем не менее, одна-две единицы, становясь коммуникативной доминантой высказывания, определяют общую эмотивно-оценочную тональность текста. В связи с этой особенностью ЭОД можно выделить разные типы его лексического структурирования (о понятии лексического структурирования текста см.: [Степанова 1985, 1990, 1996, 1997, Сулименко 1994, 1996, Черняк 1989, Болотнова 1994]): 1) наблюдается скопление ЭОЛ, которая дублирует, усиливает, варьирует эмотивно-оценочное содержание, способствуя выражению эмоционального состояния и отношения и повышая экспрессивность ЭОД; 2) одно-два эмотивно-оценочных слова (ЭОС) либо занимают инициальную позицию, либо финальную. Обе позиции В.Г. Гак считает сильными в эмоционально-оценочном высказывании и тексте [Гак 1997]. Лексическое структурирование ЭОД в отмеченных ситуациях разворачивается по разным моделям: когда ЭОС занимает инициальную позицию, в лексической организации фрагмента ЭОД наблюдается развитие "заявленных" смыслов по всем возможным направлениям – мотивация эмотивно-оценочного содержания, его детализация и нюансировка, а также возможная экспликация речевых намерений говорящего, предпочитающего единицу альтернативной зоны словаря. Когда ЭОС занимает финальную (вершинную) позицию, предтекст обеспечивает адекватное прочтение его денотативных и коннотативных смыслов. В лексической парадигме дискурса ЭОЛ вступает в синтагматические отношения с "соседями" по текстовому пространству, строящиеся на основании процессов согласования, несогласования и рассогласования [Гак 1998] по денотативным и коннотативным семам.

2. ЭОД отличается высокой степенью экспрессивности, которая есть результат взаимодействия эмотивно-оценочной лексики и нейтральной (закон сложения смыслов). Языковые механизмы экспрессивности достаточно глубоко и полно описаны в современной лингвистике [Человеческий фактор... 1991].

3. ЭОД характеризуется полиинтенциональностью, которая обеспечивается спецификой эмотивно-оценочного значения, его многофункциональностью. Структура интенций языковой личности (в разных ее проявлениях) представляет собой полевое образование, центр которого занимает интенция выражения эмоционального состояния и эмотивной оценки. Прочие интенции говорящих, воплощаемые в ЭОД, так или иначе связаны с основными.

4. ЭОД отличается гетерогенной структурой, включающей эмотивную оценку действительности (вещного мира и человека во всем многообразии его внешних, внутренних, поведенческих проявлений), самооценку (в том числе и оценку своего речевого поведения), а также чужую оценку как особый тип эмотивно-оценочного освоения действительности. Эти типы эмотивно-оценочной интерпретации действительности отличаются особым набором ЭОЛ, речевыми стратегиями, интенциональным "рисунком" и пребывают в отношении корреляции в системе дискурса языковой личности (в разных формах ее существования).

5. Для ЭОД характерны полярность и категоричность эмотивно-оценочного содержания, а также преобладание негативных фрагментов ЭОД (так же, как и преобладание отрицательных оценочных единиц в лексической системе языка, отмечаемое всеми исследователями), которое отражает специфику менталитета говорящего социума : стремление к "идеалу" реализуется через неприятие и отрицание негативных сторон действительности.

Выделенные признаки не являются рядопологаемыми: они отражают особенности лексического структурирования ЭОД, его интенциональную и структурную гетерогенность, а также "содержательные" характеристики: преобладающий знак эмотивно-оценочного содержания, уровень его категоричности и поляризованности.

Принципы описания эмотивно-оценочного дискурса

ЭОД является объектом исследования как прагматики (сложная структура интенций), так и когнитивной лингвистики, так как базируется на представлениях ценностной парадигмы говорящего социума.

Направление в описании ЭОД в настоящем исследовании задается его основными характеристиками: его специфика определяется факторами прагматического и когнитивного характера, следовательно, эти аспекты и становятся доминирующими в его интерпретации. Так, в ЛЭС Н.Д. Арутюнова отмечает, что "одной стороной дискурс обращен к прагматической ситуации, которая привлекается для определения связности дискурса, его коммуникативной адекватности, для выявления его импликаций и пресуппозиций, для его интерпретации... Другой своей стороной дискурс обращен к ментальным процессам участ-

ников коммуникации: этнографическим, психологическим, социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи..." [ЛЭС 1990: 137].

Мы предполагаем осуществить комплексный подход к описанию ЭОД, включающий исследование прагматических и когнитивных оснований.

В лингвистической интерпретации оценки последних лет выделяются два подхода: семантико-прагматический и логико-когнитивный (последний реализуется на материале рационально-оценочных высказываний, суждений, мнений, не затрагивая проблем эмотивной оценки). А именно эмотивная оценка находится на пересечении интересов указанных лингвистических направлений: с одной стороны, ЭОЛ имеет "встроенную" прагматику [Шаховский 1991: 220], с другой – актуальными являются проблемы когнитивной лингвистики применительно к понятию категоризации эмоций и аксиологической деятельности человека. Е.С. Кубрякова считает, что именно когнитивная лингвистика в связи с современной прагматикой обогатит наши представления об эмоциях и оценках [Кубрякова 1991: 5-6].

Взяв эту гипотезу за отправную точку исследования, мы попытаемся рассмотреть проблему речевых стратегий говорящего, отраженных в ЭОД, не только с позиций современной прагматики (теории речевых актов и теории речевых жанров), но и увязывая основные прагматические понятия с категориями когнитивной лингвистики.

Проблемы прагматики и когнитивистики, традиционно относящиеся к разным направлениям лингвистики, органично переплетаются и фокусируются на понятии языковой личности, в структуре которой неразрывно связаны когнитивный и коммуникативно-прагматический уровни. В последние годы предпринимаются попытки найти и описать "точки соприкосновения" и взаимодействия этих уровней в организации языкового сознания, во-первых, в теории и практике анализа языковой личности, во-вторых, в общей теории коммуникативно-языкового взаимодействия [Ван Дейк 1989, Логический анализ...1991].

Существенным для такого исследования ЭОД будет то, что в основе представлений говорящего коллектива об успешности эмотивно-оценочных речевых актов лежат когнитивные процессы. Как считает Т.А. ван Дейк, философское и лингвистическое изучение прагматики требует анализа ее оснований. В качестве одного из главных компонентов общей теории коммуникативно-языкового взаимодействия выступает когнитивная теория языка. Эта теория должна не только открыть доступ к процессам и структурам, обеспечивающим продуцирование, понимание, запоминание и другие виды когнитивной деятельности, но и объяснить, как происходит планирование, производство и понимание речевых актов. Условия успешности речевых актов, сформулированные в прагматике, имеют, как правило, когнитивную основу [Ван Дейк 1989].

Т.А. ван Дейк, вслед за М. Минским [1979] и Ч. Филмором [1988], вводит понятие концептуального фрейма (или сценария), который организует наше речевое поведение и позволяет правильно интерпретировать поведение, в том числе и речевое, других людей [1989]. Опираясь на понимание речевого акта как фрейма определенного типа, рассмотрим ЭОД в контексте когнитивной лингвистики.

Современная лингвистика не располагает исчерпывающей моделью когнитивного уровня языковой способности (тезаурусного уровня), однако имеются представления о типах информации, хранящейся в сознании, об их организации и взаимодействии. Так, Ю.Н. Караулов считает, что "единицы когнитивного уровня разнородны, как анизотропным является само когнитивное пространство: среди них могут быть и научные понятия, и просто слова, приобретшие статус обобщения, символы, за которыми скрывается целая область знаний, и образы, картины и "осколки" фраз..." [Караулов 1987: 172].

Центральным понятием концептуального анализа является **концепт**, понимаемый нами как "оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга... всей картины мира, отраженной в человеческой психике... информация может включать как сведения об объективном положении дел в мире, так и сведения о воображаемых мирах и возможном положении дел в этих мирах. Эти сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира" [Кубрякова, Демьянков... 1996: 90].

Для исследования ЭОД наиболее существенными представляются три типа когнитивной информации:

1) знания о ценностных ориентирах ("что такое хорошо и что такое плохо"), неразрывно связанные с обобщенными представлениями об эмоциях. Эти знания "организованы" вокруг некоего концепта (например, морально нравственные концепты), актуального для говорящего коллектива; чем гуще сеть языковых знаков, отражающих эмотивно-оценочную интерпретацию данного понятия, тем актуальнее оно для носителей языка;

2) информация о типах речевого поведения, о речевых стратегиях, о путях построения речевых актов, в которых воплощается эмотивно-оценочное освоение мира. Именно этот тип знаний Т.А. ван Дейк называет когнитивным (сценарным) фреймом;

3) знания собственно лингвистического характера, предполагающие освоение семантической, стилистической и прагматической специфики эмотивно-оценочного слова.

В процессе порождения ЭОД взаимодействуют разные виды знаний, обуславливая конкретные речевые стратегии и выбор языковых знаков говорящим субъектом.

Следуя сформулированным принципам описания ЭОД, мы выделили области лингвистического знания, которые включаются в исследование такого типа. Это определило направление и композицию работы. **Она содержит описание ценностных концептов и связанных с ними эмоций, находящих лексическое воплощение, а также изучение структуры интенций языковой личности, выражаемых в ЭОД.**

Исследование природы концепта базируется на описании способов его представления в языковой системе. Из этого следует что, анализ специфических морально-нравственных, интеллектуальных и прочих концептов целесообразно начинать с лексики, в которой они воплощаются. Мы имеем в виду обращение к словарям разных типов с целью возможно более полного представления данной информации. Кроме того, исследуемые элементы эмотивно-оценочной картины мира имеют свое непосредственное воплощение в определенном фразеологическом и пословично-поговорочном материале. Качественный и количественный анализ лексических группировок, манифестирующих тот или иной фрагмент концептуальной системы человека, позволяет наметить основные, ядерные элементы представления говорящих о том или ином действительном или воображаемом положении дел.

Обращаясь к различным лексикографическим источникам, мы отдаем себе отчет в том, что словари содержат информацию о том или ином понятии, погруженном в эмотивно-оценочный контекст (семантизированный в большинстве случаев недостаточно полно и адекватно), прочие же элементы социального, культурно-исторического и коммуникативного плана в словаре представлены фрагментарно. Поэтому закономерно обращение к текстам соответствующей ориентации, которое позволит выявить эти элементы в возможно полном объеме. Таким образом, текст становится инструментом описания фрагментов концептуальной картины мира говорящего социума.

Представленное выше понимание когнитивных основ текстопорождения опирается на исследования текста в русле коммуникативной лексикологии, в частности, с точки зрения его лексической организации (В.В. Степанова, В.Д. Черняк, Н.Е. Сулименко, Н.А. Болотнова, Р.А. Смулаковская, Л.И. Толстых и др.).

Именно в русле этого направления коммуникативной лексикологии, с опорой на основные принципы описания текстовой лексической парадигмы, будет предпринято исследование эмотивно-оценочного дискурса, понимаемого как лексическая парадигма, в которой доминирующие позиции занимает ЭОЛ. Для настоящего исследования понятие лексической организации текста актуально в

свете концептуального анализа основных элементов эмотивно-оценочной картины мира, а также для сопоставительного анализа ее усредненного варианта с индивидуальным. Иными словами, опираясь на работы представителей Санкт-Петербургской лексикологической школы (РГПУ им. Герцена), мы анализируем лексическую парадигму ЭОД и таким образом делаем ее (лексическую парадигму) своего рода инструментом концептуального и семантико-прагматического анализа дискурса.

Результатом подобных лингвистических процедур, направленных на выявление природы и содержания тех или иных концептуальных областей, стало представление фрагментов языковой эмотивно-оценочной картины мира говорящего социума, а также описание механизмов эмоционального и ценностного освоения действительности (по данным лексического структурирования ЭОД). Исследование эмотивно-оценочных речевых актов как фреймов определенного типа позволило выявить структуру интенций ЭОД, наметив в ней ядерные и связанные с ними периферийные интенции, воплощаемые говорящим субъектом с помощью ЭОЛ.

1. Ценностные концепты в языковой картине мира

1.1. Эмотивно-оценочная картина мира говорящего социума

Понимание дискурса как "особого мира" ставит исследователя перед вопросом о соотношении понятий "дискурс" и "картина (модель) мира" с конструирующими ее концептами.

Как было сказано выше, специфику ЭОД определяют три основных вида информации, которой располагает говорящий социум. Одним из этих типов "знаний" являются так называемые фоновые знания, а применительно к описываемой ситуации – знания о ценностных ориентирах говорящих, об их ценностной парадигме и увязываемых с нею типовых представлениях об эмоциях. Иными словами, одним из определяющих факторов порождения ЭОД является ценностная картина мира, которая представляет собой составную часть целостной языковой картины мира говорящего коллектива.

В современных исследованиях это понятие стало важным, и во многих работах делается попытка выявить суть этого лингвистического феномена, который, безусловно, связан с соответствующими представлениями дисциплин антропоцентрической ориентации. Так, выделяются формы существования картины мира, ее предназначение, попытки классификаций картин мира, а также выявляются основные признаки этого феномена [Постовалова 1988]. Кроме проблем общетеоретического плана, можно отметить и успешные попытки поаспектного описания языковой картины мира: специфика звуковой картины мира [Сулименко 1992], особенности временных и пространственных представлений говорящих [Яковлева 1994, 1996], образы основных эмоций, а также образ человека по данным языка [Вежбицкая 1996, Арутюнова 1976, 1997, 1998, Апресян 1995, Шаховский 1995а, Воркачев 1992, 1995], описание культурных концептов [Логический анализ языка 1991]. В этом русле вполне оправданной является попытка лингвистической интерпретации эмотивно-оценочного аспекта языковой картины мира. Эта задача, естественно, пересекается с описанием ценностной парадигмы говорящих, однако имеет и свою специфику.

В последнее время в научный оборот вошло понятие ценностной картины мира, описание которой подготовлено серьезными исследованиями логической и лингвистической сторон оценки [Ивин 1970, Стивенсон 1985, Хэар 1985, Киселева 1978, Вольф 1985, 1996, Телия 1986, Арутюнова 1988, Фрумкина 1989, Маркелова 1996 и др.], а также формируется представление об эмоциональной картине мира говорящего социума [Вежбицкая 1996, Апресян 1995, Арутюнова 1997, Телия 1986, 1996, Шаховский 1994, 1995а, 1995б, 1998].

Ценностный мир всякой национальной культуры имеет свой исторически сложившийся характер, некий лишь этой культуре присущий образ. Притом об-

раз не аморфный, бесструктурный, но целостный и органичный. Ценностный мир национальной культуры существует как объективная реальность [Щученко 1995]. Он находит свое отражение и в присущем каждой нации особом типе ментальности. Ментальность – “это относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурными традициями какого-нибудь сообщества” [Гуревич П.С. 1996: 59]. Приведем еще одно понимание ментальности, которое представляется более “близким” к кругу обсуждаемых в работе проблем: “Ментальность – не философские, научные или эстетические системы, а тот уровень общественного сознания, на котором **мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания**” (выделено нами. – Т.Т.) [Гуревич А.Я. 1993: 59]. Ментальность отражает привычки, пристрастия, коллективные шаблоны и стереотипы, включая в себя ценностные ориентации и предпочтения. Понятие ментальности соотносимо с понятием картины мира, различия же усматриваются, например, в том, что картина мира – “осознанное представление, зафиксированное в конкретных произведениях культуры, а ментальность не рефлексирована сознанием, но в большей степени переживается (эмоционально) и реализуется (поведенчески)” [Кондаков 1997: 186]. В формировании как особого типа ментальности, так и картины мира важную роль играет язык, который отражает “дух” народа, его мировоззрение (В.Гумбольдт). Он формирует языковую картину мира – “выражаемые в языке значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается всем носителям языка” [Апресян 1995: 350].

Ценностная картина мира, объективно выделяемая в языковой картине мира, содержит систему моральных ценностей, этических норм и поведенческих правил. Ценностная картина мира в языке реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными и известными литературными сюжетами [Карасик 1991, 1992].

В этой структуре особое место принадлежит ценностям наиболее фундаментальным: характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения. Эти ориентиры возникают, по мнению П.С. Гуревича, не только на основе знаний и интуиции, но и собственного жизненного опыта, они представляют собой личностно окрашенное отношение к миру [1996: 120].

Таким образом, в сегодняшних представлениях лингвистов, психологов и культурологов о ценностной картине мира (ценностном аспекте языковой картины мира, ценностной парадигме) можно выделить следующее: ценностная картина мира является фрагментом более общей системы представлений гово-

рящих о мире, отраженной в языке; она представляет собой упорядоченное множество оценочных суждений, отражающих ценностные ориентации социума; в ценностной картине мира наиболее ярко отражаются специфические черты национального менталитета; ценности делятся на внешние и внутренние (социально и персонально обусловленные), между ними нет жесткой границы.

Ценностная парадигма, или оценочная шкала, говорящего социума является определяющей и достаточно устойчивой величиной, формирующей аксиологические ориентиры индивида (ср.: персональные конструкты в гештальтпсихологии – наиболее устойчивые, трудно меняющиеся структуры психики индивида). Предполагается, что каждый человек характеризуется определенной оценочной шкалой, с помощью которой он отражает мир и находит себе место в этом мире. "Эта внутренняя субстанция – оценочная "призма" – является структурным имплицитным свойством личности и мощным фактором самоопределения" [Безносков 1982: 8]. Индивидуальные особенности оценочной шкалы проявляются в субъективных вариантах эмотивно-оценочных значений.

В описании эмотивно-оценочной картины мира мы предполагаем интерпретировать так называемый усредненный вариант, отражающий фрагменты языкового сознания современного социума, который является своеобразным инвариантом по отношению к личностным проявлениям эмотивно-оценочной парадигмы. Параметры, по которым будут характеризоваться усредненная и индивидуальные модели, следующие:

"Центр тяжести" эмотивно-оценочной парадигмы – та зона эмотивно-оценочных значений, которая чаще других востребуется говорящим социумом и индивидом.

Масштаб или балльность эмотивно-оценочной шкалы, предпочитаемая говорящими. Она может быть двухбалльной, "черно-белой", или же более сложной, реализующей весь спектр оценочных значений.

Степень поляризации оценок или максимальная широта диапазона обычно используемых оценок [Безносков 1982: 11-12].

Степень зависимости аксиологической деятельности субъекта от его эмоционального состояния и эмоционального типа личности.

Психологи сделали интересные выводы относительно типов личностей, так или иначе проявляющих себя в аксиологической деятельности. Люди с малым числом качеств (конструктов) оценивают себя и окружающих преимущественно в позитивном ключе и высоко идентифицируют себя со многими людьми из ближайшего круга общения. На другом полюсе находятся люди, которые обладают широким диапазоном критериев для оценки, более критично воспринимают себя и окружающих, мало идентифицируют себя с ними. Можно предположить, что высокая когнитивность, сложность, будучи характеристикой познавательного стиля личности, приводит к подчеркиванию различий между со-

бой и другими людьми, к более полному выделению свойств другого человека и себя, среди которых положительные качества слиты с отрицательными. Это повышает неопределенность ситуации и порождает тревожность. Для лиц с низкой когнитивной сложностью характерны высокая позитивность, высокая экстремальность оценки, низкая амбивалентность. Отсюда следует категоричность оценочных речевых поступков. Для такого типа личностей свойственна двухбалльная система оценок, процент позитивных оценок более высок, портрет "хорошего человека" более стереотипен, по сравнению с описанием "плохого человека" [Эмоциональные и познавательные...1990].

Таким образом, мы приступаем к описанию фрагментов эмотивно-оценочной картины мира, учитывая представления лингвистов об ее устройстве, организации, составляющих элементах, а также выводы психологов о соотношении коллективной шкалы оценок и индивидуальных ее преломлений с психологическим типом личностей.

Исследование наивной картины мира в современной лингвистике разворачивается в двух основных направлениях.

Во-первых, исследуются отдельные характерные для данного языка концепты, своего рода лингво-культурные изоглоссы и пучки изоглосс. Это прежде всего "стереотипы" языкового и более широкого культурного сознания; ср. типично русские концепты **душа, тоска, судьба, задушевность, удаль, воля, даль, авось**. С другой стороны, это специфические коннотации неспецифических концептов; ср., например, многократно описанную символику цветообозначений в разных культурах.

Во-вторых, ведутся поиск и реконструкция присущего языку цельного, хотя и "наивного", донаучного взгляда на мир [Апресян 1995: 350-352].

В исследовании любых фрагментов ЯКМ ведущей является лексическая система языка. "Отображенная в лексических единицах – словах и словосочетаниях – абстракция представляет собой "отсроченное" мышление, вербально выраженное знание внешнего мира". И далее: "Лексико-семантическая система больше, чем какая-либо другая, обеспечивает функционирование языка как средства общения" [Уфимцева 1988: 136, 138]. Основным содержательным элементом языковой картины мира, по Ю.Н.Караулову, является семантическое поле, а единицами концептуальной модели мира – константы сознания. Концептуальная модель мира содержит информацию, представленную в понятиях, а в основе языковой модели мира лежат знания, закрепленные в семантических категориях, семантических полях, составленных из слов и словосочетаний, по-разному структурированных в границах этого поля того или другого конкретного языка [Караулов 1976].

"Считается, что лучший доступ к описанию и определению природы концепта обеспечивает язык" [Кубрякова, Демьянков и др. 1996: 90]. Однако дискуссионным остается вопрос, какая именно концептуальная информация и в каком виде имеется в языке. Компромиссная точка зрения состоит в том, что часть концептуальной информации имеет языковую "привязку", т.е. способы ее языкового выражения, но часть этой информации представляется в психике иным образом, т.е. ментальными репрезентациями другого типа [Кубрякова, Демьянков и др. 1996: 91].

Разнородные типы информации (языковой и неязыковой) каким-то образом взаимодействуют в сознании индивида. Р. Джекендофф считает, что в человеческом сознании должен существовать такой уровень представления о мире, на котором языковая информация совмещается и сравнивается с информацией, полученной по другим каналам. Такой единый уровень, на котором языковые, сенсорные и моторные виды информации совместно обрабатываются и взаимодействуют, называется концептуальным. С этой точки зрения семантические феномены в языке – это те концепты, которые получили свое языковое воплощение [Jackendoff 1975: 3].

Эмотивно-оценочная лексика отражает уникальное сочетание информации об аксиологических ориентирах социума, а также и о связанных с ними типовых эмоциях, причем связь эта не является механической – разные виды эмоций по-разному видоизменяют, корректируют, искажают высказывания о ценностях [Трипольская 1998].

В современной лингвистике имеются глубокие и детальные исследования, посвященные инвентаризации и семантико-стилистическому и лексикографическому описанию данного фрагмента словаря. Это прежде всего исследование основных лексико-семантических и тематических групп, семантических полей эмотивно-оценочной лексики литературного и диалектного языков (Вайгла, Войтик, Харченко, Лаврентьева, Гутман, Литвин, Черемисина, Лукьянова, Бабенко, Рыжкина, Трипольская, Новоселова, Булыгина, Храмцова, Проскурякова и др). Поэтому, приступая к описанию фрагментов эмотивно-оценочной картины мира, мы имеем дело с построенной лингвистами моделью лексической подсистемы, которая фрагментарно уже подготовлена для лексикографирования в словарях активного типа. Лексика в настоящем исследовании является средством экспликации ценностной парадигмы и увязываемых с нею эмоций, которые характеризуют говорящий социум, иными словами, изучая лексическую подсистему языка, мы имеем возможность вскрыть механизмы формирования и функционирования концептуальной модели мира (той особой сферы знаний, которая в совокупности с другими определяет специфику эмотивно-оценочного дискурса), поскольку, как считает Ю.Н. Караулов, составляющие

языковой и концептуальной моделей мира "восходят к одному источнику, складываясь из структуры словаря, увязанной с ней и растворенной в ней грамматики и идеологии, помогающей установить зависимость между разрозненными элементами и воссоздать целостную картину" [Караулов 1976: 274] .

Эмотивно-оценочный словарь русского литературного языка представляет собой достаточно объемный лексический фрагмент: около 1000 существительных со значением лица [Трипольская 1985], около 860 прилагательных [Булыгина 1991] и т.д. Он представлен всеми знаменательными частями речи, а также разными структурно-семантическими разрядами слов (семантическими и словообразовательными дериватами и непроизводными словами) [Трипольская 1985]. ЭОЛ соотносится со всеми тематическими областями русского тезауруса, непосредственно ориентированными на человека (одним из признаков ЭОЛ называют антропоцентризм). Поэтому описание эмотивно-оценочной парадигмы как элемента когнитивного уровня усредненной языковой личности, видимо, должно осуществляться поэтапно.

Предметом специального лингвистического анализа в нашей работе является эмотивно-оценочные концепты **глупость** и **подлость** как имеющие особую значимость в эмотивно-оценочной картине мира говорящего социума. Показателями их актуальности являются следующие:

1) множественность эмотивно-оценочных единиц, воплощающих указанные понятия, в лексической системе языка и частота употребления их в речи говорящего социума (например, слово *дурак* является одной из самых частотных реакций – 802 – на различные стимулы в РАС) свидетельствуют о высокой степени актуальности указанных представлений для говорящего коллектива;

2) многообразие эмотивно-оценочных смыслов, связанных с этими понятиями, говорит также о значимости данных фрагментов в эмотивно-оценочной парадигме социума;

3) понятие **глупость** является центром так называемых интеллектуальных характеристик человека, а **подлость** (нечестность, непорядочность) занимает ведущее положение в системе морально-нравственных ориентиров человека. Каждое из них оказывается связанным с множеством других характеристик личности, которые, пересекаясь, образуют "портрет" индивида, представляющего собой относительно стабильную организацию мотивационных predispositions, которые возникают в процессе деятельности из взаимодействия между биологическими побуждениями, социальным и физическим окружением и условиями [Платонов 1986, Симонов 1984]. Таким образом, исследование данных фрагментов языковой картины мира позволит наметить ее контуры в целом;

4) "Каждое понятие "говорит" особым языком. Такой частный язык располагает характерным для него синтаксисом, своим – ограниченным и устойчивым – лексиконом, основанным на образах и аналогиях, своей фразеологией... Такого рода язык и открывает доступ к соответствующему понятию" [Логический анализ языка 1991: 3]. "Язык" указанных понятий, с одной стороны, позволяет уточнить отношение к ним говорящих, а с другой стороны, помогает вскрыть представление о взаимоотношениях разных свойств и качеств личности в наивной картине мира. За этими понятиями стоит лексическая система языка во всем ее многообразии: разные части речи, различные структурно-семантические разряды слов, и это представляется важным, так как "через вербальные образы и языковые модели происходит дополнительное видение мира. Эти модели выступают как побочный источник познания, осмысления реальности и дополняют нашу общую картину знаний, корректирует ее" [Брутян 1976: 228].

Исходя из того, что "каждое понятие "говорит" особым языком", мы выявили необходимый фрагмент лексики с помощью толковых (БАС, МАС, СО), системных (словари синонимов, антонимов, словообразовательные), фразеологических словарей, а также РАС и РСС, намечая при этом всевозможные типы смысловых отношений в указанном пространстве вербальных сетей. Поскольку РАС является достаточно новым словарем, о его роли в лингвистических исследованиях вообще и в описании эмотивно-оценочной картины мира в частности следует сказать особо.

РАС входит в лингвистику как источник разноаспектного изучения языковой системы и языкового сознания "усредненного" носителя русского языка. Создатели словаря в предисловии заявили об основных типах информации, которую могут получить из словаря специалисты различных областей, так или иначе ориентированных на говорящего человека. Лингвисты, осваивая словарь как источник новых знаний антропоцентрического плана, выявляют и расширяют его возможности. Таковыми, например, являются попытки описать представления об эмоциях и их детерминированности в сознании говорящих [Мягкова 1996], смоделировать те или иные фрагменты картины мира, в том числе и ее ценностные аспекты. Видимо, РАС помогает и в коррекции различных типов семантизации в толковых словарях, особенно в случаях затруднений, вызванных широкой вариативностью и диффузностью эмотивно-оценочного значения. По данным этого словаря можно моделировать образ говорящего человека и его наивную картину мира.

"Язык" исследуемых понятий извлекается путем многоступенчатых процедур анализа словарного комплекса, состоящего из слова-стимула и блока слов-реакций. Важен и информативно богат анализ второго, четвертого и шестого

томов словаря, в которых к определенному слову-реакции дается весь набор слов-стимулов, вызвавших эту реакцию к жизни. Кроме того, существенным является обращение к словарной интерпретации синонимо-антонимического окружения исследуемых единиц.

Таким образом, Русский ассоциативный словарь является источником разных типов информации антропоцентрического плана, а его освоение лингвистами дает широкие возможности изучения человеческого фактора в языке.

Вторым источником информации об особенностях данных представлений в наивной картине мира является эмотивно-оценочный дискурс, те его фрагменты, которые отражают эмоциональное отношение говорящих к отклонениям от нормы в интеллектуальной и морально-этической областях.

Если исходить из представления о системном устройстве ценностной картины мира говорящего социума [Щученко 1995, Карасик 1992 и др.], то логично предположить, что и ее фрагменты, отдельные концептуальные области, будут каким-то образом структурированы, организованы. Так, по мнению Э. Рош, "...интуитивное представление о языковом концепте состоит в том, что он объединяет признаки и свойства разного веса". Эту же мысль находим у Д. Герарта: "Языковые концепты устроены прототипически, т.е. неравномерно, по принципу центр – периферия" [Цит по: Рахилина 1998: 228]. Одно из открытий когнитивной психологии состоит в том, что когнитивная деятельность требует сочетания двух принципов: структурной стабильности и гибкой приспособляемости. Иными словами, для ее эффективности, с одной стороны, требуется – по крайней мере на какое-то время – сохранять постоянный способ организации системы категорий, а с другой стороны, система должна быть достаточно гибкой, чтобы иметь возможность приспособляться к изменениям [Рахилина 1998]. Можно также предположить, что для выявления национальной специфики говорящего социума наиболее важным будет периферийная зона этой системы, поскольку ее ядро должно отражать ценностные универсалии, характерные для мыслящего человека различных языковых ориентаций. Поэтому исследование лексического воплощения того или иного фрагмента понятийной системы будет охватывать возможно более широко периферийную зону денотативного и коннотативного содержания, включая и личностные смыслы, языковых единиц.

1.2. Концепт *подлость* в эмотивно-оценочной картине мира

Ученые, изучавшие русский национальный характер, постоянно подчеркивали стремление русских к "этической манере выражения"... Так же поступают и многие русские мыслители, которые противопоставляют моральную ориентацию русских рациональной ориентации западноевропейцев... Любовь к моральным суждениям безусловно является одной из самых характерных черт русской литературы... Каждого англосаксонского читателя русских романов поражает,

вероятно, обилие абсолютных моральных суждений, в особенно относящихся к людям – по большей части к адресату, но нередко также и к другим лицам Русское *подлец* ... никоим образом не является табуированным ... русские точно так же эмоциональны и склонны к крайностям при выражении морального восторга, как и при выражении морального осуждения [Вежбицкая 1996: 17, 79, 83].

Действительно, *подлец, подлый, подлость* и их многочисленные синонимы очень частотны в русской речи применительно к адресату, третьим лицам и к самому говорящему. Даже учитывая многочисленные семантические модификации слова **подлец**, (**подлец** – бран. О том, чье поведение в чем-либо не устраивает говорящего; ср.: *А мы всегда защищали Ярика, из-за него разыгрывались сражения, ведь он был принадлежностью нашего класса... Вдруг кто-нибудь орал: "Ярку бьют! – мы мчались сломя голову на второй этаж... где **подлецы** распорядились нашим Яриком: **валтузили** его в уголке или же **заставляли в лошадином качестве возить какого-нибудь ухаля на закорках"** (Ю. Трифонов. *Дом на набережной*) ; **подлец** – с восхищением (оценочная энантиосемия) о ком-то, проявившем себя с положительной, быть может, неожиданной стороны; ср.: – *Говорят, тут солдатик один ложки из дерева режет. **Ловко режет, подлец**, и продает недорого* (Б. Васильев. *Были и небыли*) ; *Мигуев поглядел на младенца. – Спит, – прошептал он. – Ишь ты, нос у **подлеца** с горбинкой, отцовский* (А. Чехов. *Беззаконие*), **преобладающими будут эмотивно-оценочные характеристики человеческой подлости в разных формах ее проявления.***

Толковые словари следующим образом интерпретируют семантику основных единиц данного словообразовательного гнезда: **подлый** – *низкий, бесчестный; выражающий низость, бесчестность*; **подлость** – *свойство по прил. подлый*; **подлец** – *подлый, низкий, бесчестный человек, негодяй*; **бесчестный** – *нарушающий требования чести, честности; нечестный, недобросовестный*; **низкий** – *бесчестный, подлый* (МАС); **подлый** – *низкий в нравственном отношении, бесчестный человек* (СО).

Известна попытка А. Вежбицкой семантизировать на основе языка семантических примитивов эти морально-нравственные оценки: "Чтобы эксплицировать различия между ними (между словами **подлец, негодяй** и **мерзавец**. – Т.Т.), можно предложить для каждого из них дополнительные смысловые компоненты....для слова мерзавец... – выражение "Я не хочу быть рядом с этим человеком", для слова подлец – компоненты "X не такой, как другие люди" и "X может делать плохие вещи, которые другие люди делать не могут", для слова негодяй – компоненты "нельзя думать: X будет делать хорошие вещи", "можно думать: X будет делать плохие вещи" [Вежбицкая 1996: 83].

Однако подобные истолкования трех ключевых для этого понятия слов не помогают представить контуры анализируемого морально-этического концепта и едва ли будут полезны в лексикографической практике вне задач построения универсального метаязыка семантических описаний.

Как и многие другие эмотивно-оценочные единицы, данные отличаются крайне расплывчатыми и не несущими прагматической информации дефинициями. Однако этим "языком говорит" определенное понятие, которое в эмотивно-оценочной парадигме должно иметь более или менее определенные очертания, поскольку это ключевое представление морально-нравственного кодекса. Безусловно, оно претерпевает какие-то изменения во времени (XIX век – 30-е, 60-е, 90-е годы XX века), но стержень этого ведущего понятия ценностной картины мира остается единым. Именно здесь пролегает граница между порядочным и непорядочным, хорошим и плохим, достойным и недостойным человеком. Ср.: – *Знаете, кстати, разницу между хорошим и плохим человеком? Хороший человек подлости делает неохотно* (В. Гроссман. *Жизнь и судьба*). Такое "мягкое" отношение к подлости сформировал XX век, когда пошатнулись морально-нравственные устои общества, едва ли такое отношение к подлости мы встретим в литературе XIX века.

Выделим лексический фрагмент, отражающий представление о человеческой подлости, используя сплошную выборку эмотивно-оценочных существительных со значением лица и прилагательных из БАС, а также другие лексикографические источники: *Подлый, подлость, подлец, подличать, подло, низость, низкий, низко, бесчестный, бессовестный, ни стыда ни совести, гнусность, гнусный, гнусно, негодный, негодяй, мерзавец, мерзкий, мерзко, мерзость, подонок, проходимец, прохвост, прохиндей, жулик, прощелыга, свинья, сволочь и др.*

Компоненты "бесчестный" и "низкий в нравственном отношении" в том или ином ранге присутствуют в семантике перечисленных единиц, по данным лексикографических источников. Однако в реальной коммуникации круг этих лексем существенно расширяется. Можно предположить, что сема "подлость" актуализируется в эмотивных оценках, характеризующих разные качества личности, которые говорящие расценивают как подлые. Иными словами, **подлец** и его синонимы относятся к эмотивно-оценочным единицам, основания оценки которых имплицитны (ср. класс общеоценочных и частнооценочных единиц, которые выделяют Е.М. Вольф 1985 и Н.Д. Арутюнова 1988): некто является **подлецом**, потому что... В семантике слова **подлец** и его синонимов компонент "бесчестный" связан с целым рядом скрытых, производных [Никитин 1983, Стернин 1985] сем. Эту имплицитную информацию нам предстоит выявить. Задачей настоящего раздела работы является описание морально-нравственного концепта **подлость** в эмотивно-оценочной парадигме социума. Под описанием

указанного концепта мы имеем в виду выявление, во-первых, оснований этой эмотивной оценки, во-вторых, качество оценочного и эмотивного содержания, им соответствующего, а также меру строгости, категоричности и последовательности оценивающего субъекта.

Применительно к описанию эмотивно-оценочного словаря, выражающего идею морально-нравственного несоответствия, эту задачу можно сформулировать следующим образом: с помощью дефиниционного и семантико-прагматического анализа ЭОД уточнить, конкретизировать семантику обще-оценочных, универсальных единиц и выявить основания оценок. Предметом собственно лингвистического анализа являются скрытые, производные, потенциальные компоненты семантики указанного фрагмента эмотивно-оценочного словаря.

Обратимся к материалам РАС. Слова **подлый, подлость, подлец** стимулируют множественные реакции негативного плана. Блок реакций не является однородным, в нем выделяются следующие зоны:

1. Зона отрицательной оценки и отрицательного эмоционального отношения (гадкий, мерзкий, негодяй, подонок, нехороший, плохой, противный, противно, гадость, плохо, очень плохой человек и др.).

2. Зона оснований отрицательной оценки: а) **трусость** (трус, трусливый, трусость); б) **предательство** (изменник, предатель, предательство, донос, предательский); в) **ложь** (обман, ложь, проходимец, жулик, вор); г) **злость** (злоба, злой, злость); д) **коварство** (исподтишка, коварный, подкарауливать, подстроит, удар ножом в спину).

3. Зона реакций адресата на соответствующий поступок или поведение (надо избавляться, не прощается, не прощать, нет прощения, я запомню, ненавижу, обида и др.).

Все выделенные зоны реакций на слова с корнем подл- являются значимыми в свете поставленных нами задач. Так, на основе данных РАС мы можем моделировать наше представление о подлости, подлом человеке, поступке и поведении. Доминирующими основаниями для квалификации человека, поступка, поведения как подлых являются **предательство, трусость, ложь и коварство (действия исподтишка)**.

Все указанные свойства и действия личности так или иначе связаны в нашем сознании с бесчестием, несовместимы с честью и благородством. Однако, если некто совершает предательство, язык фиксирует наше отношение к этому событию с помощью следующих лексем: *предатель, изменник, иуда, стучать, предавать, стукач, доносить, доносчик, кляузник* и др.; если человек отличается лживостью, его характеризуют с помощью эмотивных оценок *лжец, вран, лгун, болтун, трепач, трепло, ботало* и др. Очевидно, когда эти личностные или поведенческие качества расцениваются как подлые, они сопровождаются

дополнительными характеристиками: предательство является не вынужденным, но расчетливым, трусость приводит к трагическим последствиям для других, ложь отличается особым коварством и преследует корыстные цели. Выдвинутые предположения нуждаются в обосновании, как нуждаются в дополнительной проверке и результаты дефиниционного анализа. Как уже говорилось выше, важнейшим источником описания природы и содержания концепта является текст как продукт речемыслительной деятельности [Колшанский 1990, Сулименко 1996] Данные семантико-прагматического исследования ЭОД подтверждают это. Ср.:

1. Основание "предательство":

*Между тем из-за поворота вышел Леня Гурьянов, бывший университетский стукач... Я отозвался с неожиданным радушием. Еще один подонок застал меня врасплох. Вечно не успеваю сосредоточиться (С. Довлатов. Заповедник); Я обогнул его, повернулся и говорю: – А ты – дерьмо, Гурьяныч! Дерьмо, невежда и подлец! И вечно будешь подлецом, даже если тебя назначат старшим лейтенантом... Знаешь, почему ты стучишь? Потому что тебя не любят женщины... К оскорблениям Гурьянов не подготовился. А потому заговорил естественным человеческим тоном: – **Унизить товарища** – самое легкое. Ты же знаешь, как это все получилось... (С. Довлатов. Заповедник); Прохвост Шпиглер все-таки **подло продал** его этому **дельцу** (М. Михеев. Встреча); – После того, как прохвост Лаваль **отдал** итальянцам Абиссинию, союзники покидают нас /о предательской, непорядочной сделке. – Т.Т./ (А. Арбузов. Европейская хроника); – Он сам первый начал! – закричал мальчик в красной рубашке раздраженным детским голосом, – он подлец, он давеча в классе Красоткина **перочинным ножиком пырнул, кровь потекла**. Красоткин только **фискалить** не хотел, а этого надо убить... Вы еще не знаете, Карамазов, какой он **подлый**, его убить мало... – А какой он? – спросил Алеша. – **Фискал** что ли? (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы); Заметил, подлец! – подумал Пустяков. – По **роже вижу**, что заметил! А он, мерзавец, **клязник**. Завтра же **донесет** директору (А. Чехов. Рассказы).*

Эмотивно-оценочные единицы **стучач** – прост. презр. Доносчик; **фискал** – доносчик, ябедник; **фискалить** – доносить, ябедничать, быть фискалом; **доносить** – сделать донос; **донос** – тайное сообщение властям, начальству, содержащее обвинение кого-л. в чем-л.; **клязник** – разг., пренебр. Тот, кто занимается кляузами; **кляуза** – разг., пренебр. Мелочная придирчивая жалоба, донос; **стучать** – доносить; **продавать** – совершать предательство, измену из корыстных побуждений (МАС) мотивируют характеристику **подлец (подонок, прохвост)**, актуализируя семы "постоянно", "образ жизни", "корыстные побуждения", а также эмотивное отношение "презрение".

Характерны и сочетаемостные возможности эмотивных оценок с корнем подл- : *подлый предатель, подлый доносчик, подлый иуда, продажный подлец*.

Таким образом, предательство, фискальство, доносительство расцениваются говорящим социумом как бесчестный, подлый поступок.

2. Основание "трусость":

В русскоязычной картине мира сложился неоднозначный с точки зрения эмоционального отношения образ такого качества личности, как трусость. С одной стороны, это свойство характерно для любого человека (осторожность, опасливость, боязливость, трусость). Ср.: *Нет такого человека на свете, который был бы сплошь злодеем или сплошь добродетельным, сплошь трусом или сплошь храбрецом* (М. Салтыков-Щедрин. Петербургские театры).

С другой, трусость явно не входит в список моральных ценностей любого общества. В принципе оцениваясь отрицательно, это качество предполагает ситуативный подход: кто, в какой ситуации проявил трусость, какие последствия имело поведение субъекта для окружающих. Так, отношение к проявившему трусость существенным образом зависит от пола и возраста человека. Ср. эмотивно-оценочные единицы **трус** и **трусиха**, которые имеют в словарях идентичные толкования (**трусиха** – женск. к **трус** – МАС), весьма различаются по эмотивно-оценочному содержанию. Чтобы подтвердить это положение, сравним функционирование существительных **трус**, **трусиха**, **трусиха** в реальной коммуникации:

– *Здоровый, сильный и скрывается здесь? **Трус!*** (С. Залыгин. Тропы Алтая); *Я бы вообще запретил эти дуэли!* – крикнул Ленский. – **Трус**, – сказал Онегин. – *А ты – лодырь, шулер, развратник, циник* (В. Шукшин. До третьих петухов); *Значит, вы еще и **трус** к тому же?* (Ильф и Петров. Золотой теленок); *В меру и черны и русы, пряча взгляды, пряча вкусы, боком, тенью, в стороне – **пресмыкаются трусы** в славной смелыми стране* (В. Маяковский. Трус);

Будучи эмотивно-оценочной характеристикой мужчины, **трус**, **трусливый**, **трусость** выражают разную степень неодобрения, а также весьма широкую гамму негативных эмоций: от презрения до пренебрежения и презрительной жалости. В приведенных примерах негативная эмотивно-оценочная семантика характеристик трусости поддерживается и другими языковыми средствами. Ср.: **пресмыкаться** – раболепствовать, угодничать, унижаться; **угодничать** – льстивым, угодливым поведением стараться расположить к себе; **прячаться** – скрываться от других в каком-либо месте (МАС).

Эмоциональное отношение к трусости зависит, безусловно, и от оценивающего субъекта. Так, более категоричными будут эмотивные оценки молодых людей и женщин (*Недостаток смелости менее всего извиняется молодыми людьми, которые в храбрости обыкновенно видят верх человеческих досто-*

инств (А. Пушкин. Выстрел). Обвинение в трусости представляется молодым людям особенно оскорбительным:

– **Ты просто трус!** – **Я трус?! Да я тебе покажу...** (разг. речь; муж., около 30); – Я этого жука знаю, – медленно сказал Капелькин, – отпусти его, может руки попортить. – Учти, **я не из пугливых**, – заметил Алексей (В. Аксенов. Коллеги); – Я вижу вы сильно напугались. – Какой вздор! – мгновенно воспламенился Бромберг. – Чушь какая! Слава богу, **я не из пугливых!** (Стругацкие. Жук в муравейнике); **Обзывают меня бабой. Говорят, что я струсил...** (А. Чехов. Письма родным); – А когда я вижу мужчин в ботинках, **ведущих себя как бабы**, мне кажется, что война никогда не кончится; – Остался потому, что **баба** (прячется в тылу от фронта – Т.Т.), а я за **бабой** быть замужем не могу (Героиня – военврач, в 41-ом ушедшая на фронт. – Т.Т.) (К. Симонов. Солдатами не рождаются).

В приведенных высказываниях примечательной является реакция адресата: реальные угрозы в ответ на оскорбление (в ответ на **труса**), отрицание своей трусости (**я не из пугливых**), обвинение в трусости расценивается как оскорбление (**обзывать** – назвать каким-нибудь обидным, бранным словом – МАС). Причем в примере из "Жука в муравейнике" речь идет о ситуативном испуге (–Я вижу, вы сильно напугались...), это не обвинение в трусости, присущей герою (ср.: Я вижу, вы трус...), тем не менее ответ категоричный, человек не желает слышать даже намек на трусость в свой адрес.

Женские же эмотивные оценки мужской трусости отличаются особой категоричностью и выражают презрение. Так, МАС дает следующее толкование этому слову: баба – разг. презр. О слабом, нерешительном мужчине, мальчике. Специальное исследование семантики существительных со значением лица [Трипольская 1985] позволяет семантизацию эмотивной оценки дополнить и конкретизировать: о слабом, нерешительном, трусливом мужчине, а также склонном к болтливости и сплетням. Презр.-пренебр.

"Женская" трусость погружена в менее однозначный эмотивно-оценочный контекст. Диапазон оценочных суждений и вызванных ими эмоций весьма разнообразен, но крайнее неодобрение, связанное с презрением, встречается не часто, и не оно определяет семантико-прагматическую специфику слов **трусиха**, **трусиха**.

Побоялась, что Лопарев подумает о ней плохо, решит, что она лентяйка и трусиха (С. Залыгин. Тропы Алтая); Ой! Верочка, зачем ты лезешь в эту путаницу? ...Сними же руку с этой железяки! **Беги!** Вон идет такси. **Трусиха**, посмотри на его лицо. Боксер устал. Любимый парень! Она пойдет с ним куда угодно... (В. Аксенов. Коллеги).

В первом примере **трусиха** – явно не престижная характеристика, говорящей не хочется выглядеть таковой в глазах окружающих, однако об эмоциональном отношении презрения мы говорить не можем, героиня осознает, что трусихи могут не нравиться, не вызывать уважения, но не более. Во втором примере это самооценка, семантика которой, возможно, включает осуждение, порицание себя за отсутствие храбрости. Когда же эмотивно-оценочная единица адресуется женщине мужчиной, отрицательные коннотации угасают, а слово передает, скорее, положительную гамму эмоций (от ласковой укоризны до понимающего снисхождения). Женщинам и детям "положено" быть слабыми, тогда мужчине проще выглядеть храбрым. Ср.: – **Трусихка! Перепугалась какого-то мальчишку с поросычьими глазками!** (С. Залыгин. *Тропы Алтая*);

Трусихка употребляется в основном по отношению к детям и женщинам. По отношению к мужчинам это возможно, чтобы выразить ласково-шутливое отношение. В этих случаях речь не идет о каких-то серьезных проявлениях трусости.

Что же касается реакции адресата на предъявление ей характеристик трусливого человека, то она в большинстве случаев противоположна той, которую демонстрируют адресаты-мужчины. Ср.:

– *Ерш! Что ты полез? Ведь они могли тебя избить. – Это еще как сказать!* – усмехнулся Максимов. – *Да ты испугалась?* – **Конечно, испугалась.** *Еще бы, ведь ты был один* (В. Аксенов. *Коллеги*); – *А ты, оказывается, трусиха! Вот бы не подумал...* – **Трусиха? Да уж, точно, трусиха...** (разг. речь; жен.; высшее).

Адресат подтверждает отсутствие храбрости, не испытывая при этом морального дискомфорта.

Подтверждением сказанного о семантико-прагматических различиях мужских и женских характеристик трусости может служить специфический тест на сочетаемость с первым лицом. Этот тест известен как тест Э. Вендлера, который выделил с его помощью "причудливые" глаголы, которые, с одной стороны, очевидным образом являются глаголами говорения, а с другой – не отмечены "остиновской меткой", то есть вообще не употребляются в первом лице единственного числа настоящего времени [Вендлер 1985: 243]. Оказывается, однокоренные эмотивные оценки типа **трус** и **трусиха**, **модник** и **модница** и др., которые толкуются МАС и БАС как семантические эквиваленты (в учетом разницы в поле), по-разному "реагируют" на сочетаемость с местоимением "я" [Трипольская 1991]. Нормально воспринимаются выражения типа "Я такая трусиха /модница, болтушка, тряпичница, кокетка и др.", а высказывания типа "Я такой трус, модник, болтун / франт, щеголь и др." представляются искусственными. Конечно, возможна такая коммуникативная ситуация, в которой "Я такой

трус..." будет восприниматься адекватно. Например, речь идет о посещении зубного врача. Однако если говорить о признании трусости как черты своего характера, трудно представить ситуацию, когда не во внутреннем монологе героя прозвучит признание в таком пороке, как трусость. Это же распространяется и на некоторые другие характеристики лица (см. выше). Показательно, что "запрет" на сочетаемость снимается, когда есть указание на причину того или иного несоответствия норме субъекта оценки, или подчеркивается ситуативный характер эмотивной оценки, или рассматриваются возможные пути преодоления нежелательного положения дел.

Семантико-прагматическое описание эмотивно-оценочного дискурса, а также специальный тест на сочетаемость с первым лицом свидетельствуют, что в ценностной картине мира такой недостаток, как трусость, имеет неоднозначную интерпретацию, а именно: он относится к извинительным или даже привлекательным чертам женщин и детей, однако несовместим с представлением о достойном мужчине. Проявить трусость – значит уронить собственное достоинство, совершить бесчестный поступок. Видимо, когда говорящие усматривают в понятии подлость такой элемент, как трусость, они подразумевают трусость сильного, взрослого человека, мужчины, которая порождает иные недостойные поступки.

В подобных ситуациях трусость может рассматриваться как самый тяжелый порок, тот, который порождает подлые поступки. Ср.:

Свободного времени было столько, сколько надобно, а гроза будет только к вечеру, и трусость, несомненно, один из самых страшных пороков. Так говорил Иешуа Га-Ноцри. Нет, философ, я тебе возражаю: это самый страшный порок (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Трусость такого порядка может служить основанием для отрицательной эмотивной оценки **подлец**.

Что же касается лексикографической интерпретации указанных существительных, то толковать характеристики лиц женского пола с помощью отсылки к характеристикам лиц мужского пола нецелесообразно, так как "за кадром" остается специфика семантико-прагматического потенциала слов, состоящая в принципиально разном эмотивно-оценочном содержании. Так, если **трус** требует помет (или иных способов введения эмотивно-оценочной информации) типа презр., крайне неодобр. по отношению к лицу, которое говорящий не уважает и презирает, то **трусиха** и **трусихка** должны содержать в толковании сведения о весьма снисходительном оценочном содержании и неотрицательной гамме эмоций, порождаемых этой оценкой.

3. Основание "ложь":

Для характеристики лживого человека, поведения поступка в языке имеется большая группа слов, передающих различное эмотивно-оценочное содержание: лгун, лжеец, врун, врунья, вруша, враль, болтун, обманщик, брехун, сочинитель, ботало, лгать, обманывать, врать, сочинять, заливать, брехать, травить, лить пули, клеветать, наговаривать, оговаривать, клепать, клевета, поклеп, оговор, наговор, навет, напраслина, инсинуация и др.

Характеризуя "разную" ложь, далеко не все указанные единицы соотносятся с понятием "подлость". Едва ли может быть охарактеризована как подлый поступок ложь "болтовня", "бахвальство", "сочинительство". Как подлая квалифицируется ложь, вызванная корыстью, ложь, имеющая негативные последствия для другого человека, ложь "клевета", а также обман того, кто особенно доверяет кому-либо или доверчив по натуре. Ср.:

– Из каких источников вы почерпнули информацию, опубликованную в вашей книге, о том, что Глеб Иванович Бокий завел на своей даче бордель, куда втянул и двух своих юных дочерей?.. – Взял это в личном деле Бокия в КГБ, на Лубянке... – Вы – лжеец, – сказал Лева, – и негодяй. В личном деле Бокия на Лубянке я сам видел всего четыре листочка... – Ну тогда, наверное, я взял это из книги... – А почему же вы не закавычили в таком случае этот текст?.. – А я никогда не кавычу, – ответил доктор филологических наук... – А вы, негодяй и подлец, не дадите себе труда даже закавычить чужую ложь. Или, скорее всего, изобретаете свою...

После чего Лева потянулся на цыпочках... и ляпнул противника по морде... (Б. Жутовский. Вызов на дуэль // Известия. 1998. №2).

Ложь в данном фрагменте дискурса явно связана с клеветой ("ложное обвинение, заведомо ложный слух, позорящий кого-либо, а также распространение таких слухов" – МАС). Ложь, цель которой, скомпрометировав другое лицо, получить определенную выгоду, расценивается говорящими как подлый поступок.

4. Основание "коварство":

Судя по реакциям информантов (исподтишка, коварный, подкарауливать, подстроить, удар ножом в спину), подразумевается коварство, с которым совершаются действия, направленные против субъекта: изощренное предательство, обман, клевета и др.

Не жалко только молодого негодяя, который эту идиотическую, унижительную ситуацию подстроил (Л. Аннинский. Посмотрим, кто пришел // ЛГ. 1983. №4); Такого подлого притворщика я в жизни не встречал (Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи / Пер. Р. Райт-Ковалевой).

Коварство усугубляет проступок, переводя его в ранг осознанных и злонамеренных, что и позволяет квалифицировать его как подлость.

В реальной коммуникации часто встречаются ситуации, когда характеристика **подлец** и ее синонимы является "комплексной", т.е. объект оценки квалифицируется по нескольким основаниям: как совершивший предательство, проявивший трусость, коварство, злобность, солгавший из корыстных побуждений. Такие комплексные характеристики свидетельствуют о наличии причинно-следственных связей между названными качествами личности, во всяком случае, таковые имеются в наивной картине мира говорящих. Ср.:

*Бежали журналисты, московские и петербургские, **продажные, алчные, трусливые** (М. Булгаков. Белая гвардия); – Ты вытащил меня из беды, Хомлок. – Ты **трус и подонок**. Замарал весь класс, а сам как ни в чем не бывало (Ш. Том. Как дела, молодой человек?); Ты **не должна ему доверять**, все же знают, что он **труслив и предаст** при первой возможности (С. Залыгин. Тропы Алтая); – **Мерзавец** он. Больше ничего! – сам себе сказал Турбин, в одиночестве через комнату и переднюю от Елены (О Тальберге. – Т.Т.). – **Мерзавец**, а я действительно, тряпка. Если уж не выгнал его, то, по крайней мере, нужно было молча уйти. Поезжай к чертям. **Не потому даже мерзавец, что бросил Елену в такую минуту**, это, в конце концов, мелочь, вздор, а совсем по-другому. Но вот почему? А черт, да понятен он мне совершенно. О, **чертова кукла, лишенная малейшего понятия о чести!** Все, что ни говорит, говорит как **бесструнная балалайка**, и это офицер русской военной академии. Это лучшее, что должно быть в России (М. Булгаков. Белая гвардия).*

Эти фрагменты эмотивно-оценочного дискурса подтверждают мысль о том, что морально-нравственный концепт "подлость" является "многоплановым" и связан многообразными смысловыми отношениями с другими этическими свойствами личности, в частности, это отношения общего и частного, целого и составляющих. Все указанные свойства и качества человека имеют отношение к представлению говорящих о подлом поступке или поведении: при определенных условиях они могут быть квалифицированы говорящим коллективом как подлость.

Представление о концепте "подлость" в эмотивно-оценочной картине мира будет неполным, если мы не учтем особый тип текстовых фрагментов, в которых слова с корнем подл- актуализируют семантику "бесчестный". Обратим внимание на то, что этот языковой материал взят из художественных текстов XIX века. В ряде случаев отсутствуют текстовые актуализаторы оснований эмотивной оценки – можно предположить, что для говорящих абсолютно очевидным являлось содержание понятия "бесчестие", как и определенная схема действий того, кто уличен в бесчестном поступке. Ср.:

*– **Послушайте-с, голубчик мой, послушайте-с, ведь если я и приму** (Снегирев. – Т.Т.), **то ведь не буду же я подлецом?** В глазах-то ваших, Алексей Федо-*

рович, ведь не буду, не буду подлецом?.. не восчувствуете ко мне презрения, если я приму, а (деньги. – Т.Т.)?... Доложите пославшим вас, что мочалка чести своей не продает-с!; – Ты меня уже знаешь: подлец, подлец признанный! Но знай, что бы я ни сделал прежде... – ничто, ничто не может сравниться в подлости с тем бесчестием, которое именно теперь ...ношу на груди моей... ; Ведь все равно, подумал, умирать подлецом или благородным! Так вот нет же, не все равно оказалось... Узнал я, что не только жить подлецом невозможно, но и умирать подлецом невозможно (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы); /Арбенин /: Постойте! Карту эту вы подменили... Конец игре... Приличный тут уж нету. Вы шулер и подлец! (М. Лермонтов. Маскарад).

Эти фрагменты художественных текстов свидетельствуют о наличии неписанных законов человеческого общежития, информация о которых в имплицитном виде содержится в морально-нравственных концептах **подлость – благородство**. Во всех случаях речь идет о человеческих поступках, роняющих человеческое достоинство, наносящих ущерб чести. В текстовых фрагментах, взятых из произведений Ф.М. Достоевского, актуализируются очень существенные для говорящих элементы представления о подлости, суть которых в том, что человек становится подлецом, когда он совершает действия, противоречащие его представлению о чести и благородстве, причем эти действия не наносят вреда другим людям. Их разрушительная сила направлена на самого деятеля, он разрушает свой нравственный стержень, становится подлецом "для себя", а не для окружающих. Не случайно так частотны самохарактеристики типа **подлец** во внутренних монологах или в реальной коммуникации персонажей. В выборке соответствующих текстовых фрагментов современной литературы доминируют характеристики, направленные на адресата или третьих лиц.

Мы рассмотрели "составляющие" концепта **подлость** в наивной картине мира говорящих. Их ядро представлено следующими компонентами: предательство, трусость, ложь и коварство. Каждый из перечисленных компонентов развивает свою "периферию": например, ложь связана с жульничеством, воровством, клеветой; предательство – с корыстью и лицемерием.

Теперь целесообразно обратиться к тому эмотивно-оценочному контексту, в который погружено данное понятие. Эмотивно-оценочные смыслы, связанные с поступками и поведением, квалифицируемым как подлость, достаточно однородны – все они относятся к области резко негативной оценочной и эмотивной реакции говорящих. Обратимся к материалам РАС. В блоке реакций можно выделить две взаимосвязанные зоны: во-первых, это реакции – эмотивные оценки на соответствующие стимулы (подлый, подлость, подлец) – *гадкий, мерзкий, негодяй, подонок, нехороший, плохой, противный, противно, гадость, плохо, очень плохой человек и др.* Во-вторых, это реакции, свидетельствующие

об ответных типах поведения, когда человек сталкивается с подлым поступком: *надо избавляться, не прощается, не прощать, нет прощения, я запомню, ненавижу, обида и др.*

Эти реакции информантов свидетельствуют о крайне отрицательной эмоциональной оценке, которая соответствует данным проявлениям человеческой личности (возможно, это самый сурово оцениваемый человеческий порок). Второй тип реакций подтверждает этот вывод, дополняя эмотивно-оценочную информацию сведениями о том, что указанные проступки говорящие рассматривают как не заслуживающие прощения. Это свойство человека, его поведенческие характеристики соотносятся с сугубо негативной сферой эмотивно-оценочной шкалы говорящего социума. В этой понятийной области не наблюдается вариантов оценочной интерпретации, смысловые оттенки связаны, скорее, с эмотивной сферой: от неудовольствия до презрения и ненависти. Интенсивность эмоционального отношения зависит от ситуации и психологического типа личности. В целом же и эмотивные компоненты, актуализируемые в словах указанной группы, весьма однотипны – интенсивные отрицательные эмоции.

Таким образом, мы выявили основные составляющие элементы представления о подлости в эмотивно-оценочной картине мира говорящего социума. Это центральный концепт в нравственной парадигме носителей языка, он не остается неподвижным, вбирая в себя привнесенные временем "поправки". Возможно, области морально-этических оценок более подвижны, чем фрагменты, например, понятийного поля "интеллект" и его эмотивно-оценочная интерпретация.

1.3. Умный и глупый в ценностной картине мира говорящих

Настоящий раздел работы посвящен исследованию так называемых интеллектуальных понятий, которые представлены в языке ключевыми словами **ум** и **глупость**, а также их словообразовательными дериватами и синонимами. Эти понятия (**ум** – способность мышления и понимания – Советский энциклопедический словарь; **ум** – познавательная и мыслительная способность человека, способность логически мыслить; **умный** – обладающий здравым умом, сообразительностью; **глупый** – умственно ограниченный, неумный; **глупость** – недостаток ума, несообразительность – МАС) неразрывно связаны с ценностной картиной мира и эмоциональным отношением говорящих. А. Вежицкая справедливо отмечает склонность русскоязычного коллектива к морально-нравственным оценкам [Вежицкая 1996]. Специальный анализ аксиологических ориентиров говорящих с опорой на разные типы словарей и реальный дискурс показал, что столь же значимым в количественном и качественном отношении является блок рациональных и эмоциональных оценок интеллектуальных способностей человека.

Стремление же говорящих осознать и выразить свое отношение к данным качествам человека, поразмышлять о корнях и следствиях таких явлений, как ум и глупость, свидетельствует об актуальности этих понятий и связанных с ними оценочных ориентиров для говорящего социума. Ср.: *Многое дает демократия человеку, но она, к сожалению, не дает человеку ума. Демократия дает человеку возможность расти в любую сторону, но свободный человек в большинстве случаев предпочитает расти в сторону глупости, потому что так ему легче жить... У нас глупое искусство навязывалось идеологией, а здесь глупое искусство навязывается рынком, как хороший товар. Однако, надо сказать, всегда была существенная разница в отношении к человеческому уму. Свободный ум, свободно оценивающий окружающую жизнь, при буржуазной демократии может и не поощряться, но и не преследуется. В идеологическом государстве свободный ум – враг. Он всегда преследуется (Ф. Искандер).*

"Язык" анализируемых понятий, с одной стороны, позволяет уточнить отношение к ним говорящих, а с другой стороны, помогает вскрыть представление о взаимоотношениях разных свойств и качеств личности в наивной картине мира.

Данный фрагмент лексикона представлен множеством эмотивно-оценочных и оценочных единиц лексического и фразеологического уровней. Ср.: **глупый** (дурак, дурень, дуралей, дура, дурачок, дурочка, дурашка, дурачина, дурной, дурында, придурок, полудурок, придурковатый, полудурочный, бестолковый, бестолочь, простофиля, лопух, глупец, глупыш, глупый, глупеть, неумный, несмышлениш, несмышленный, осел, козел, даун, идиот, идиотский, идиотничать, кретин, кретинский, дубье, дуб, дубина, дубовый, дубоватый, лопух, лопухнуться, остолоп, орясина, тупой, туповатый, тупица, тупарь, тупеть, несообразительный, баран, болван, балбес, балда, обалдуй, оболтус, олух, недоумок, тупоголовый, безголовый, пень, пентюх, пустоголовый, безмозглый, малоумный, скудоумный, слабоумный, фофан, звезд с неба не хватает, пороха не выдумает, пустая голова, голова соломой набита, голова садовая, без царя в голове, ум короток, ум за разум зашел, ума палата, от большого ума // с большого ума, цыплячьи мозги и др.); **умный** (ум, умный, голова, неглупый, мудрый, толковый, разумный, башка, башковитый, мозговитый, головастый, умница, голова (котелок) варит, голова на плечах, светлая голова, входит в ум, с умом и др.).

В.И. Шаховский выделяет более 30 слов для обозначения понятия "дурак" и более 15 слов – для обозначения понятия "пьяница"; в английском языке их, соответственно – более 100 и более 70 [Шаховский 1998: 62].

Количественное соотношение с английским языком очень интересно в свете описания национальной специфики эмотивно-оценочной картины мира, однако следует уточнить количество эмотивно-оценочных слов и фразеологизмов с се-

мантикой "глупый" в русском языке: в результате сплошной выборки из БАС и ФС выделено более 70 единиц. Поэтому большая или меньшая актуальность этого понятия и его эмотивно-оценочной интерпретации для русского и английского социумов – вопрос, не решаемый однозначно в пользу англоязычных говорящих. Сопоставительное исследование должно включать и качественный анализ этого фрагмента семантического поля.

Язык "интеллектуальных" оценок ничем принципиально не отличается от других фрагментов эмотивно-оценочного словаря: явное преобладание отрицательных оценочных единиц, которое имеет ряд приемлемых объяснений. Так, наше представление о норме применительно к оценочной деятельности базируется не на абстрактном, усредненном уровне нормативной шкалы, но связывается с положительной величиной: нормально быть добрым, честным, умным и т.д., а отразить отступление от нормы и свое отношение к нему для говорящих всегда актуальнее [Лаврентьева 1980, Николаева 1985, Лукьянова 1986, Арутюнова 1988]. Подобное тяготение лексико-фразеологических единиц к разным полюсам оценочной шкалы наводит также на мысль об их различной функциональной значимости для человека – положительные оценочные речевые жанры в нашей речи не занимают значительного места, хотя и являются часто залогом успешной коммуникации. Подтверждением может служить низкая частотность, шаблонность, например, комплиментарных высказываний, а также неумение адресата на них реагировать. Кроме того, показательна частеречная принадлежность отрицательных и положительных характеристик интеллекта: подавляющее большинство существительных в области негативной оценки и прилагательных – для выражения позитивного отношения говорящего. Имена существительные характеризуют объект, выявляя основание оценки и делая оценочное суждение более категоричным: эмоциональные оценки непосредственно приписываются объекту (адресату), а не передаются опосредованно через характеристику его действий или свойств. Глагол, например, относит оценочную характеристику к определенному временному промежутку, прилагательное переносит акцент с лица на его свойства, существительное же передает эмотивно-оценочную информацию о личности как постоянно ему присущую – специфике компонента "чрезмерность" в семной структуре ЛЗ эмотивно-оценочного существительного со значением лица посвящено специальное исследование [Трипольская 1985].

Обратим внимание также на поляризованность эмотивно-оценочного лексикона: либо наличие интеллекта, либо его отсутствие, практически нет единиц, отражающих какое-либо промежуточное состояние или совмещение указанных свойств (кроме описательных выражений типа *среднего ума, не то, чтобы ум-*

ный, но и не дурак). В речевой практике же фиксируются случаи одновременно-го проявления ума и глупости. Ср.:

умный, умный, а дурак; Неужели в девчонку, Надьку, смешную, умную дуру, можно влюбиться, заглядывать ей в щенячьи глаза? (В. Гроссман . Жизнь и судьба); Меня всегда поражало одно обстоятельство: как это я, оставаясь самим собой, ухитряюсь одних поражать мудростью и галльским остроумием; в разговоре с другими мямлить и демонстрировать редкостное скудоумие... (Ю. Поляков. Работа над ошибками); И ты нравишься мне. Ибо ты в меру – умен и в меру – глуп; в меру – добр и в меру – зол; в меру – честен и подл, труслив и храбр... Ты образцовый мещанин (М. Горький. Мещане).

Эти и прочие примеры свидетельствуют о сложности и многогранности описываемых представлений в наивной картине мира.

Обратимся к фрагменту лексикона, описывающему понятие **глупый**, которое для говорящих связывается обычно с негативным отношением к низкому интеллекту человека. Оценочная семантика единиц в этом традиционно негативном понятийном "участке" имеет широкий диапазон варьирования. Это подтверждается и наличием слов со сложным эмотивно-оценочным содержанием (сочувственно-пренебрежительное, сочувственно-ласковое, сочувственно-подбадривающее): *глупыш, глупышка, дуралей, дурачок, дурашка* и др., а также речевой практикой, где единицы с семантикой "глупый" актуализируют разные виды семных сочетаний, в которых компонент "низкий интеллект" может быть лишь сопутствующим, а иногда и вовсе "нейтрализуется" [Трипольская 1991]. Соответственно изменяется тип эмоциональной оценки, сдвигаясь по оценочной шкале в сторону плюса. Абстрактное понятие глупости как бы наполняется конкретным содержанием (кто, почему, в чем проявляется, осознается /не осознается субъектом, является постоянным признаком или временным), и вследствие этого формируется коннотативное содержание языкового знака, выражающего данное понятие. Видим, что указанный антиинтеллектуальный концепт "погружен" в весьма неоднородный эмотивно-оценочный раствор. Выявить возможные типы отношений говорящего коллектива к данному явлению помогает обращение к Русскому ассоциативному и Русскому семантическому словарям.

В РАС используются в качестве стимулов следующие экспрессивные единицы: *глупый, балбес, безголовый, пустоголовый*, а также слово *дурак* как одна из самых частотных реакций на самые разнообразные стимулы. В указанных словах-стимулах содержится сема "низкий интеллект", которая может занимать в семной структуре различные позиции: в лексическом значении слова *балбес*, например, она явно соседствует и/или конкурирует с компонентами "бездельник", "не по годам несерьезный, дурашливый", "рослый, здоровый", "дурные поступки, совершаемые от безделья". Ср.:

*А сейчас двигай в кабинет, у тебя дети полкласса разнесли! Чтоб ты знал... За время моего отсутствия ничего страшного в шестом классе не произошло, а просто два **балбеса** рубились на вениках... (Ю. Поляков. Работа над ошибками); Он слышал, злился, портил себе кровь и характер, и, в сущности, нельзя было понять, за что **взрослые балбесы травят** несчастного смешного человека (А. Куприн. Юнкера); ...Мать умоляет, пишет, ведь этот Лариосик кумир ее... Я такого **балбеса**, как этот Лариосик, в жизнь свою не видала. У нас он начал с того, что всю посуду расхлопал. Синий сервиз (М. Булгаков. Белая гвардия).*

Безусловно, ведущий тип ассоциаций связан с отрицательной оценкой, которая, как правило, усиливается в реакциях, предлагаемых информантами (**глупый** – дурак, осел, баран, болван, идиотское выражение лица, урод, идиот, кретин, дебил, дрянь и др.) Но есть и периферия ассоциативного поля данного понятия, и она является очень показательной: в ней намечается блок реакций сочувственно-снисходительного плана. На чем же базируется это эмоциональное отношение?

Во-первых, на причине данного интеллектуального несоответствия – молодости оцениваемого субъекта. Ср. следующие реакции на стимулы-характеристики низкого интеллекта: *молодой, птенец, маленький, парнишка, молодой еще, мальчишка, чадо, салага, ребенок, сорванец, чертенок, второклассник* и др. Явное снисхождение вызвано юным возрастом (ср.: *глупый да малый что ни увидит, то и просит; малый что глупый, а глупый что малый* – Словарь В.И. Даля), который позволяет рассчитывать на интеллектуальное развитие в будущем. Ср.:

*– Э-какой это болван э-начертил в нужнике... – Я, господин капитан!... –Э-так я и знал. – И скомандовал роте:– Разойдитесь! ...Юнкер весь день томился, подавленный великодушием начальника... – Господин капитан, позвольте мне попросить у вас прощения... – **Э-дурачок**, – протянул Дрозд. – Э-пустяки. Ступай заниматься, **э-чертенок ты этакий!.. И слегка толкнул его ладонью в спину. Но в голосе Дрозда и его прикосновении юнкер почувствовал теплоту** (А. Куприн. Юнкера); – Зачем она тебе? – спросил Александр Васильевич Новинскую. – **Она еще глупенькая... Пигалица...** (В. Анчишкин. Арктический роман).*

Второй тип реакций эксплицирует чувство жалости, вызванное человеческим недостатком (бог ума не дал): *жалко, жалкий, не повезло, зря, несчастный, жаль, больной, дурачок, бывает, тоже человек*. Например:

*Ее звали Тиной, она была **совсем юная и наивная до глупости...** Все умилялись, глядя, с каким упоением тетя Тина играет со мной в куклы, как горько она плачет, когда ей случается проиграть мне партию в поддавки! Только папа*

как-то сказал о Тине с жалостью: – Это же бедняжка, блаженненькая... Цыплячьи мозги... (А. Бруштейн. Дорога уходит вдаль).

В-третьих, словарь фиксирует реакцию "все равно нравится": ласково, хороший, любимый, милый, дурной, но симпатичный и др. В речи подобное отношение реализуется в высказываниях типа: – Дурачок ты, мой дурачок... (ласково, стремясь утешить). Это случаи полной десемантизации отрицательного оценочного содержания, вытеснения его семой "положительное эмоциональное отношение". Ср.: – Да, батюшка, я все понял, сказал с охотной покорностью Александров. – Только я у него извинения не буду просить... Священник мягко рассмеялся. – Да и не надо, дурачок. Совсем не надо (А. Куприн. Юнкера).

Наконец, **четвертый** существенных **реакций** на данное понятие, связанный с неотрицательным оценочным содержанием, представлен словами *простота, растяпа, недотепа, простой, открытый, порядочный, лопух, простоватый, наивный, с большими ушами* (ср.: *лопух, ушами хлопать*), *неумеха*. *Простой* и *наивный* являются семантическими множителями к дескриптору **глупость** (РСС).

Последний тип сочувственного отношения к человеческой глупости требует специального комментария. Многозначное прилагательное *простой* (7. Открытый, бесхитростный, прямой; 8. Недалекий, наивный – МАС) увязывает в единый узел человеческую наивность, недалекость, бесхитростность и прямооту. Говорящие, как свидетельствуют словари, видят в глупости еще один аспект, воспринимаемый с сочувствием: непрактичность, неумение обмануть, словчить, неумение жить. Например:

Кнуров. *Я все удивляюсь, неужели у Ларисы Дмитриевны, кроме Карандышева, женихов не было?*

Вожеватов. *Были, да ведь она простовата.*

Кнуров. *Как простовата? То есть глупа?*

Вожеватов. *Не глупа, а хитрости нет, не в матушку (А. Островский. Бесприданница).*

Сочувственно-понимающее отношение к носителю данных качеств реализуется с помощью эмотивно-оценочной лексики исследуемой группы (*лопух, простак, недотепа, дурак* и др.) в определенной коммуникативной ситуации, когда, например, объектом оценки является сам говорящий или лицо (группа лиц), к которым говорящий мысленно себя присоединяет, маскируя под разговорно-негативной лексикой, скорее, положительную оценку. Ср.: – *Таких дураков, как мы, поискать (в ответ на рассказ собеседника о его бескорыстном труде, помощи и т.д.) (разг. речь; муж., высшее); Глебов боялся, что непременно догадаются о том, что случилось с их дочкой, и приготовился к худшему. Ему казалось, что тут не нужно особой прозорливости... а родители ничего не поняли. Впрочем, они были все-таки лопухи. Тут-то и объяснение.*

Замороженные своими делами, добрые, порядочные лопухи. Причем одного сорта оба (Ю. Трифонов. Дом на набережной).

В данных ситуациях "глупость", т.е. непрактичность, неумение постоять за себя и др. явно относятся говорящими скорее к положительным, чем к отрицательным характеристикам личности. Однако эти же свойства человеческого характера могут вызывать и сугубо отрицательную реакцию, и это зависит от ценностных ориентиров субъекта речи. Ср.: – *Почему ваш проект называют теперь проектом профессора Сперанского? – спросила серьезно Лиза. – Ведь мы знаем, что он именно ваш. – Потому что он Филька-простак, – вставил Глеб... – Знаете, есть в театре ампула "простака", так он простак в жизни (Мухина-Петринская. Обсерватория в дюнах).*

Место данного понятия в ценностной картине мира оказывается не столь однозначным. Наши аксиологические ориентиры свидетельствуют о том, что интеллектуальные понятия, как, впрочем, и иные, связаны в нашем сознании с оценками и соответствующими эмоциями двух типов – абстрактными оценками низкого интеллекта (глупости) вообще, безусловно, отрицательными, и конкретными оценочными значениями, ориентированными на определенного субъекта, носителя данных качеств, и на коммуникативную ситуацию. На основе этого оценочного инварианта формируются индивидуальные ценностные представления. Так, в тексте дневника К. Чуковского отношение к человеческой глупости сугубо отрицательное, не терпящее никаких компромиссов, для автора это корень зла, свойство, порождающее многочисленные людские пороки. Ср.: *Умер Еголин – законченный негодяй, подхалим и – при этом бездарный дурак. Находясь на руководящей работе в ЦК, он, пользуясь своим служебным положением, пролез в редакторы Чехова, Ушинского и Некрасова – и эта синекура давала ему огромные деньги, – редактируя Чехова, он заработал на его сочинениях больше, чем заработал на них Чехов. Он преследовал меня с упорством идиота. Он сопровождал Жданова во время его позорного похода против Ахматовой и Зощенко – выступал в Питере в роли младшего палача – и это я понял не сразу, мне даже мерещилось в нем что-то добродушное, только два года назад я постиг, что он беспросветная сволочь. Его "работы" о Некрасове были бы подлы, если бы не были так пошлы и глупы.*

Резко отрицательная оценка глупости автором дневника – черта не уникальная, индивидуальное видение мира проявляется в том, что он считает глупость, безграмотность и бездарность производящей величиной для множества человеческих пороков (ср.: – *Слава же господи! Нашелся наконец один нормальный среди идиотов, из которых первый – балбес и бездарность Сашка (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)*)

Иное отношение к человеческой глупости демонстрирует герой (Илья Куликов) сценария Храбровицкого и Ромма "Девять дней одного года", который в своем монологе развивает мысль о специфике отечественного современного дурака, выявляя его отличительные черты, – намеренно не оценочный взгляд ученого на объект исследования. В его речи объектом характеристики является не конкретное лицо, но носитель данного свойства вообще, и это делает речь неэмоциональной, нейтрализует отрицательную оценку, обычно связанную с этим понятием.

Как видим, в конкретных фрагментах дискурса низкий интеллект человека говорящие связывают с различными морально-этическими характеристиками (см. текст К. Чуковского). В психологии принято рассматривать личность как систему взаимосвязанных и взаимовлияющих признаков. Язык, безусловно, отражает эту особенность картины мира. Так, метафора *осел* выражает отрицательную эмоциональную оценку **глупого и упрямого** человека, а метафоры *жандарм, крокодил, живодер* – **злобного и жестокого** человека. Каковы же наши представления о связи низкого интеллекта с иными качествами личности? Обратимся к РАС.

Интересующие нас сведения "рассыпаны" по шеститомному словарю: это и определенные типы реакций на эмотивно-оценочные характеристики глупости (*глупый.. безголовый, пустоголовый, балбес*), и реакция *дурак*, которая была выдана 802 раза в ответ на 153 стимула. Стимулы – имена различных свойств личности –, породившие эту распространенную реакцию, явно тяготеют к нескольким тематическим объединениям.

1. Реакция *дурак* – стимулы: *надутый 26; начальник 18; чванливый 13; высокомерный 12; спесивый 10; заносчивый 9; надменный 8; гордый 3.*

2. Реакция *дурак* – стимулы: *инициативный 15 ; деятельный, напористый 5; настырный 4; активный 3; упорный, упрямый, энергичный, шумный 2; настойчивый 1.*

3. Реакция *дурак* – стимулы: *лодырь 11; бездельник 5; туняедец, лентяй 1, лоботряс 1.*

Анализ ассоциативного поля эмотивно-оценочных стимулов со значением "глупый" подтверждает наличие выявленных связей между свойствами личности, а также позволяет наметить еще некоторые соотношения: стимулы со значением "глупый" – реакции: *барабанищик, болтун, болтал, болтовня, брехня, крикливый, шумный, пустомеля, пустословие, пустота; Митрофанушка, неуч, недоучка, темный, незнайка, невежественный.*

Прочие реакции в данном ассоциативном поле либо развивают сему "глупый", варьируя степень категоричности эмоциональной оценки, либо тяготеют к оценочным единицам типа *отрицательный, неприятный, дрянь*, либо сводят-

ся к интенсификаторам типа *полный, круглый законченный, до невозможности, до смешного, ужасно, ужасный*.

Материалы РАС демонстрируют наше представление об основных типах связей между интеллектуальными и морально-этическими свойствами личности. Так, самая явная связь (множественность реакции *дурак* на стимулы этой группы) прослеживается между низким интеллектом и высокомерием, надменностью, спесью, которые одновременно характеризуют самоощущение и поведение субъекта. Ср.: **спесь** – чрезмерное самомнение, стремление подчеркнуть свою важность и превосходство над другими; **высокомерие** – уверенность в своем превосходстве и надменное, пренебрежительное отношение к окружающим (МАС). Возможно, что степень глупости влияет и на степень самолюбленности и пренебрежительного отношения к другим. В языке имеются эмоционально-оценочные характеристики лица, совмещающие семантику "глупый" и "надменный": *индюк, павлин, самовлюбленный дурак* и др. Ср.: *Для этого Мельников должен быть на порядок умнее ее. А он – дурак, очень хитрый, самоуверенный, но дурак (В.Токарева. Длинный день).*

Второй тип связи актуализирует соотношение, с одной стороны, между низким интеллектом и высокой степенью напористости, упорства и упрямства (ср.: *осел, баран, козел, дубина* и другие эмоциональные оценки характеризуют лицо, проявляющее низкий интеллект и упрямство и напористость), с другой – между глупостью и активностью, инициативностью и энергичностью и агрессивностью, что проявляется в оценочных номинациях типа *дурак с инициативой, активный дурак*. Ср.:

...Мое упрямство, которым я славился с детства, тому виною. И пошло-поехало! Я был упрям, Но Муська оказался ослом во всех отношениях... Наше противоборство принимало порой и комичные формы, но чаще было не до смеха (Н. Ахметов. Улица свободы // Юность 1990. №3); ...но этим троим и помощнику коменданта он наверняка казался недоумком, если и не полным дураком, то, несомненно, дубоватым и упрямым деревенским простофилей (В. Богомолов. В августе сорок четвертого).

Связь глупости с ленью, бездельем и малограмотностью также актуализируется в словаре эмотивных оценок лица : *недоросль, оболтус, разгильдяй, лоботряс, балбес, неуч, недоучка, убогий, дремучий* и др. Например:

– Оболтусы вы эдакие! Он паром ходит, и название ему: пароход (Н. Решетников. Подлиповцы); – Вы должны помнить: я не родился учителем. Кем я был в вашем возрасте? Оболтусом, бездельником, дураком... Вроде вас (Н.Думбадзе. Я вижу свет); – Это тот, который Зайцель из политотдела, латышку хотел похитить и увезти с собою в полк... Это при вас было, в Острогужске. Такой дурашливый парень. – Да, да, оболтус порядочный, но, пом-

нится, душевный малый (И. Катаев. Сердце); "Ну народ! – думал он, весь объятый заботами большого дела. – Обормоты дремучие (о несознательных и темных односельчанах. – Т.Т.)" (В. Шукшин. Осенью).

Очевидно, что выявленные свойства личности в нашей языковой картине мира пребывают в отношениях взаимообусловленности, в причинно-следственных отношениях, что открывает путь для лингвистического и психологического моделирования.

Таким образом, изучение языка интеллектуальных понятий позволяет, во-первых, представить их погруженными в эмоционально-оценочный контекст, обусловленный сегодняшними установками говорящих, а также проследить пути формирования и возможного изменения оценочных значений, связанных с тем или иным понятием. Анализ языка под заданным углом зрения подтверждает вывод психологов о том, что "ум" не только думает, но и "чувствует": хранимые в семантической памяти единицы должны сопровождаться информацией об увязываемых с ними обобщенных эмоциональных впечатлениях и оценках [Самарин 1962: 9]. Иными словами, единая информационная база человека, его информативный тезаурус содержит энциклопедические и языковые знания, эмоциональные впечатления и систему нормативных оценок. Во-вторых, намечаются взаимообуславливающие связи данных понятий с "соседями" по понятийному пространству языка, что позволяет конструировать соответствующий фрагмент наивной картины мира усредненной языковой личности. В свою очередь, это является своеобразным фундаментом для экспликации когнитивного уровня конкретной языковой личности. Кроме того, описание языка так называемых эгоцентрических понятий, которые неизбежно и в сильной степени связаны с эмоциональной и аксиологической сферами человека, выявляет точки соприкосновения и взаимопроникновения когнитивного и прагматического уровней языковой личности.

Таким образом, нами были проанализированы два "участка" эмотивно-оценочной картины мира говорящих, находящиеся, на первый взгляд, на разных полюсах указанной парадигмы, – морально-нравственные и интеллектуальные концепты. Исследование подтвердило нашу гипотезу об отраженных в языке тесных, взаимопроникающих связях, пронизывающих структуру личности. Проявляются эти связи в эмотивно-оценочном словаре.

Интерпретация говорящими понятий глупого человека, поведения, поступка отличается эмотивно-оценочным варьированием, охватывающим значения отрицательного и неотрицательного плана. Эмотивно-оценочные смыслы "сочувствующее", "жалостливое", "снисходительно-насмешливое" свидетельствуют о специфических чертах русской языковой картины мира, тогда как нега-

тивные коннотации являются универсальной характеристикой ценностной парадигмы любого социума.

Природу концепта "подлый, бесчестный" определяют следующие составляющие: трусость, предательство, ложь и коварство, а в области оценочных значений доминируют негативные, связанные с эмоциональным состоянием /отношением презрения, ненависти, возмущения и гнева.

Исследование показало, что именно периферийная зона эмотивно-оценочных реакций является материалом для выявления специфических черт аксиологических ориентиров и связанных с ними типовых эмоций современного социума.

2. Эмотивно-оценочная лексика в дискурсе: структура интенций говорящего субъекта

К постановке проблемы

Как было заявлено выше, мы исходим из необходимости комплексного описания ЭОД – с позиций современной прагматики и с позиций когнитивной лингвистики. Эмотивно-оценочные речевые акты не являются в достаточной мере изученными с точки зрения воплощаемых в них интенциях говорящего субъекта, взаимодействия коммуникантов, влияния коммуникативной ситуации, а также психолого-лингвистических особенностей языковой личности. С другой стороны, именно когнитивная лингвистика в связи с современной прагматикой внесет нечто новое в наши представления об оценках и эмоциях говорящего субъекта.

Взяв эту гипотезу за отправную точку исследования, мы попытаемся рассмотреть проблему интенций говорящего, воплощенных в эмотивно-оценочном дискурсе, не только с позиций современной прагматики (теории речевых актов и речевых жанров) [Серль 1986, 1990, Остин 1986, Кобозева 1986, Богданов 1990, Вежбицкая 1985, Вольф 1985, Шмелева 1992, Гловинская 1993, Пиотровская 1994, Падучева 1996, Дементьев 1997, Долинин 1998], но и увязывая основные прагматические понятия с категориями когнитивной лингвистики.

Для настоящего исследования первостепенным будет вопрос о когнитивных процессах, о "когнитивных интенциях" [Ван Дейк 1989], которые лежат в основе представлений языкового коллектива об успешности эмотивно-оценочного речевого акта в реальной коммуникации. Когнитивная теория прагматики в качестве одной из своих задач должна, используя понятие когнитивных фреймов, дать объяснение нашей способности совершать и понимать речевые акты. Сформулированные в классической теории речевых актов условия успешности имеют, как правило, когнитивную природу. Проблема состоит в том, каким образом слушающий на самом деле узнает, что, когда говорящий произносит то или иное предложение, он тем самым обещает или угрожает.

Концептуальный фрейм, "сценарий" [Минский 1979, Филмор 1988, Ван Дейк 1989], организует наше речевое поведение и позволяет правильно интерпретировать поведение других людей. Интуитивно мы знаем, как надо отказывать, обещать, хвалить, и это знание – часть наших знаний о мире [Ван Дейк 1989]. Существенным также оказывается наша языковая компетенция в реализации речевых намерений. Так, Д.Н. Шмелев использует понятие "идеального ориентира", характеризуя имеющиеся у нас знания об использовании языковых единиц: "Присутствие в сознании носителей литературного языка пред-

ставления о функционально-стилистической прикрепленности различных языковых форм служит скорее своего рода "идеальным ориентиром" при использовании языка в различных целях, чем неким безусловным императивом. Говорящий "знает", как нужно сказать, говоря о том-то и том-то в такой-то обстановке, но чем непринужденней он может чувствовать себя в данной обстановке, тем свободней он нарушает указанные границы" [Шмелев Д.Н. 1989: 15]. Такое истолкование не императивной природы языковых знаний, видимо, справедливо и для понимания сути когнитивного фрейма – информации, ориентирующей говорящего в выборе речевой стратегии, но не предписывающей ее. Именно эта область является для нас наиболее важной, так как ЭОЛ и стратегии эмотивной оценки представляют собой альтернативную зону, в которой говорящий актуализирует свой выбор. Говорящие знают слова, т.е. сведущи в а) семантике и референтных особенностях слова; б) синтактике, т.е. способах обращения со словом; в) прагматике, под которой мы понимаем не только "информацию, фиксирующую отношение говорящего или адресата сообщения к ситуации, о которой идет речь, но и сведения об уместности/неуместности использования данного слова в определенной ситуации, его коннотациях и его принадлежности к некоторому стилю речи" [Телия 1986].

Таким образом, когнитивное исследование структуры интенций эмотивно-оценочного дискурса базируется на следующих основаниях: понятие когнитивного (концептуального) фрейма, или сценария, прагматического понимания, прагматического контекста и схемы его анализа [Ван Дейк 1989: 20].

Существенным моментом для настоящего исследования является понимание того, что знания семантического и прагматического характера, иными словами, семантическая и прагматическая компетенция оказываются неразрывно связанными и взаимно обусловленными. Владея семантической информацией о специфике диффузного и вариативного эмотивно-оценочного значения, говорящий "соединяет" эти знания с представлением о том, как надо построить фрагмент эмотивно-оценочного дискурса, выражающего широкий спектр интенций носителей языка.

В свете заявленного подхода иное звучание приобретает **проблема интенциональности эмотивно-оценочного дискурса**, проблема традиционно решаемая в русле лингвистической прагматики.

Проблема мотива высказывания и шире, – мотива речевой деятельности разрабатывается различными научными дисциплинами: психология и психолингвистика, рассматривая речь как один из видов деятельности, уделяют серьезное внимание мотиву речевого действия, который является отправной точкой в различных моделях порождения речи [Выготский 1982, Леонтьев А.Н. 1975, Лурия 1979, Ушакова, Павлова, Зачесова 1989 и др.]. Так, А.Н. Леонтьев

считает, что "деятельности без мотива не бывает; "немотивированная" деятельность – это деятельность, не лишенная мотива, а деятельность с субъективно и объективно скрытым мотивом" [Леонтьев 1975: 103]. Современная прагматика в рамках теории речевых актов и речевых жанров также выдвигает в качестве основного критерия при квалификации высказывания критерий речевого намерения, или цели высказывания. Прочие критерии: взаимоотношение коммуникантов, их личностные и языковые особенности, характер коммуникативной ситуации, языковые средства выражения, как правило, используются как вспомогательные [Серль 1986, Остин 1986, Вежбицкая 1985, Падучева и Арутюнова 1985, Гловинская 1993, Кобозева 1986, Шмелева 1990, Федосюк, Булыгина и Шмелев 1994, Долинин 1998).

Одним словом, важность такого элемента, как интенция, является общим положением в современных прагматических описаниях. Однако уже сейчас очевидны лакуны в исследованиях проблемы интенциональности. И главная проблема, непосредственно связанная с задачами данного исследования, заключается в интерпретации интенций говорящего, с одной стороны, адресатом, с другой – исследователем-интерпретатором. Эта проблема является настолько острой потому, что в русле теории речевых актов, а затем и в работах последователей, в том числе и отечественных, специально проблемами интерпретации интенций речевого акта не занимались. Показательна в этом отношении работа Д. Франк, в которой она пишет: "Тот факт, что контекстные параметры учитывать необходимо, не отрицался в ТРА никакими программными заявлениями, но в реальном анализе их роль оказывается весьма незначительной. Непосредственный контекст почти полностью игнорируется, поскольку рассматриваются в основном самодельные примеры в виде изолированных и исключительно эксплицитных РА...ТРА не занимается проблемами интерпретации и **основывает идентификацию РА главным образом на намерениях говорящего, независимо от их распознаваемости...**" (выделено нами. – Т.Т.) [Франк 1986: 386]. Не случайно первоначальным исследовательским материалом сторонников ТРА были ритуальные и перформативные, затем прескриптивные РА, квалификация их как типов РА была не сложной: исследователь-интерпретатор толковал их, исходя из знания, зачем этот коммуникативный акт осуществлен, то есть толковал эти РА "изнутри", а, по справедливому замечанию Т.В.Булыгиной и Д.Н.Шмелева, "РА "изнутри" и "извне" может быть интерпретирован по-разному... Толкование языковых средств РА должно предусматривать интерпретационный компонент" [Булыгина, Шмелев 1994: 49]. В сегодняшних попытках идентификации РА (чаще в терминах речевых жанров) высказывания интерпретируются в большинстве случаев "извне", это диктует языковой материал, однако интенция по-прежнему декларируется как основной

критерий квалификации РА, хотя она-то и будет часто величиной неизвестной в уравнении. Таким образом, мы попадаем в замкнутый круг: чтобы квалифицировать высказывание, отнеся его к тому или иному типу РА или РЖ, нам необходимо знать интенцию говорящего (зачем совершено данное речевое действие). И если мы располагаем глаголом-идентификатором, оформляющим высказывание (ср.: *Я бы посоветовал...*; *Хочу тебе пожаловаться...*; *Неприятно тебе отказывать, но...*), установление речевого жанра высказывания не составляет труда. Однако в реальном дискурсе подобная квалификация речи самим говорящим встречается довольно редко. Чаще мы имеем дело с фрагментами дискурса, в которых не содержатся формальные показатели типа речи или речевого жанра. Именно интенцию речевого действия нам предстоит выявить. Намерения говорящего в эмотивно-оценочном регистре речи [Золотова 1998], как правило, не декларируются говорящим (ср., например, пейоративные высказывания, цель которых, возможно, состоит в том, чтобы обидеть, унижить, осмеять, огорчить адресата; о таких мотивах речевых поступков чаще не сообщают). Кроме того, анализ фрагментов дискурса, содержащих ЭОЛ, позволяет высказать предположение об их семантической и прагматической многослойности. В ряде случаев эмотивно-оценочная семантика не является ведущей или даже сопутствующей, а в ряде – она сочетается с другими смысловыми элементами высказывания, будучи для них производящей или же, напротив, вытекающей из них. Приведем пример типичного высказывания-похвалы:

– Ты такой **молодец!** Настоящий **гигант!** Так **рванул** (об отлично сданной сессии). Мы все тобой гордимся (разг. речь; высшее; около сорока).

Эмотивно-оценочное высказывание, воплощенное в речевой акт похвалы, порождено сложным интенциональным комплексом: похвала обычно стимулирует продолжение желательного действия, способствует формированию самооценки адресата, влияет на его эмоциональное состояние и взаимоотношения коммуникантов. В конкретном речевом акте любая из названных интенций может быть ведущей, "уводя в тень" остальные, или же может сочетаться с ними, строя семантически и прагматически неоднозначный фрагмент дискурса говорящего. Это, безусловно, затрудняет интерпретацию интенций адресанта. Однако, как пишет Г.А. Золотова, "тактика любого текста, поскольку она реализуется средствами языка, лингвистическими же данными и может быть эксплицитована либо проницательным читателем, либо профессиональным филологом" [Золотова 1995: 94]. Возможно, именно комплексный подход к идентификации речевых актов, и эмотивно-оценочных речевых актов в частности, "извне" и "изнутри" [Булыгина, Шмелев 1994], где это возможно, будет плодотворным. При этом не стоит забывать, что при интерпретации полиинтенциональных, семантически и прагматически многослойных эмотивно-оценочных высказываний адресат может лишь приблизиться к пониманию мотивов и це-

лей говорящего. Однако это не делает в большинстве случаев коммуникацию затрудненной: основные, ведущие интенции "считываются" слушателем. Хотя именно это свойство эмотивно-оценочных высказываний может провоцировать коммуникативные помехи, сбои, провалы [Ильенко 1996]

Какая же информация необходима слушателю для идентификации речевых актов? Применительно к эмотивно-оценочному дискурсу этот вопрос Ван Дейка можно конкретизировать следующим образом: как, с помощью какой информации адресат интерпретирует фрагмент дискурса, содержащий ЭОЛ, как выражение, например, эмотивной оценки, эмоционального состояния, или стремление создать определенную коммуникативную атмосферу, или попытку моделирования своего речевого имиджа?

Т.А. ван Дейк считает, что прагматическое понимание базируется на достаточно широком наборе типов языковой и неязыковой информации, включающем знания о свойствах грамматической структуры высказывания, его лингвистических характеристиках, об особенностях коммуникативной ситуации, об адресате, о мире и др. [Ван Дейк 1989: 15]. При этом исследователь отмечает, что мы очень мало знаем о связи типа РА с грамматическими и другими структурами высказывания [1989: 14].

Если говорить об ЭОД, то понимание прагматического контекста должно быть уточнено, дополнено, а главное, – конкретизировано.

Безусловно, основным элементом фоновых знаний является информация об эмотивно-оценочном контексте, в который "погружены" важнейшие понятийные области, непосредственно ориентированные на человека. Органично связаны с этой информацией сведения психологического характера: человек, вербализирующий ценностное суждение и сопровождаемые его эмоции, должен иметь представление о психологических особенностях сокоммуниканта (знания, мнения, потребности, желания, предпочтения, отношения, установки, чувства, эмоции), а также о неписаных правилах, нормах коммуникации, которые приобретают особую актуальность в области ЭОД.

Не менее важной оказывается область собственно лингвистической информации о семантико-прагматическом потенциале эмотивно-оценочного слова, о специфике именно эмотивной оценки, о функциях этого языкового знака, о возможных языковых стратегиях ЭОД.

На этих типах знаний базируется эмотивно-оценочный дискурс – они необходимы для порождения указанного вида речевых произведений и для их успешной интерпретации. Каковы же языковые актуализаторы речевых намерений говорящего? Мы предполагаем, что интенциональный рисунок эмотивно-оценочного дискурса может быть выявлен путем, во-первых, анализа семантической структуры высказывания. Способы представления субъекта, объекта, пре-

диката и основания оценки весьма существенны для выделения мотивов говорящего субъекта: сообразно своим интенциям он выбирает и определенные средства лексической системы языка (например, знак рациональной или эмоциональной оценки, слово с полюсным эмотивно-оценочным содержанием или слово умеренных эмотивно-оценочных значений) и, шире, оценочную стратегию, отдавая предпочтение прямым или косвенным оценочным высказываниям. Во-вторых, контекст, в котором "звучит" анализируемое высказывание (иногда контекст целого художественного произведения или его фрагмента), который эксплицитно или имплицитно содержит элементы, проясняющие намерения говорящего. В-третьих, описание коммуникативной ситуации и взаимоотношений коммуникантов, наконец, вербальная и невербальная реакция адресата, свидетельство его распознавания речевых намерений говорящего. Именно такой подход, а ранг выделенных параметров не случаен (на первом месте стоит анализ семантической структуры высказывания), является для настоящего исследования принципиальным. Представляется, что это сделает работу СЕМАНТИКО-прагматической. Это своего рода попытка взглянуть на традиционно прагматический участок исследования (изучение целей и результатов речевых действий) с позиций коммуникативной лексикологии (в частности, с позиций лексического структурирования текста (В.В. Степанова, Н.Е. Сулименко, В.Д. Черняк, Н.С. Болотнова). Проиллюстрируем сказанное на примере эмотивно-оценочного дискурса, интенциональный рисунок которого не является очевидным.

– *Что такое "врэвакуанты"? – Памела чудесно сморишила носик.*

– *Когда в 1920 году большевики вышибли моего дедулю и его славное воинство с континента, белые офицеры на Острове Крым стали называть себя "временные эвакуанты". Временный *is temporary in English*. Потом появилось сокращение..., а уже в пятидесятых годах, когда основательно **поблекла** идея Возрождения Святой Руси, сложилось слово "врэвакуант", нечто вроде нации (В. Аксенов. Остров Крым).*

Вышибить – с боем стремительно вытеснить противника; прогнать; **воинство** – *высок*. Войско, военные силы (МАС).

МАС не эксплицирует в дефинициях семы "эмотивная оценка", но фиксирует сему "интенсивность, или чрезмерность", напротив, в слове **воинство** отмечается стилистический элемент, относящий единицу косвенным образом в сферу положительных оценочных коннотаций. Однако в этом фрагменте может показаться, что в сочетании с глаголом **вышибли** (не **вытеснили**, не **победили**, не **одержали верх**) актуализируется противоположный смысл: ироническое, малопочтительное отношение к дедову войску, его борьбе и т.д. То есть в столкновении разностилевых элементов лексической системы языка возникает

явление эмотивно-оценочной энантиосемии – сниженно разговорный характер, компоненты "чрезмерность" и "отрицательная оценка" глагола **вышибить** нейтрализуют, поглощают положительные коннотации **воинства**, включая его в свою эмотивно-оценочную парадигму с отрицательной доминантой. Таким образом, на первый взгляд приведенный фрагмент дискурса характеризуется интенцией выражения эмотивной оценки – иронии, насмешки, может быть, пренебрежения. Однако в контексте всего произведения, с учетом взаимоотношений коммуникантов, в трактовку интенций говорящего следует внести некоторые коррективы: герой нежнейшим образом относится к деду и уважает его дело. Выбор эмотивно-оценочной лексики разговорного характера с неположительным значением обусловлен иными причинами, нежели намерением выразить эмотивную оценку – молодой человек формирует с помощью ЭОЛ особую атмосферу коммуникации и актуализирует черты своего языкового портрета: в разговоре с молодыми слушательницами он стремится подчеркнуть отношения равенства, товарищества с дедом и отцом, как бы отстраниться от проблем отцов, проявив самостоятельность и независимость. Кроме того, это демонстрация особой манеры речи: маскируя под "несерьезной" манерой речи отношение к сложным проблемам, человек защищается. Подобные выводы возможны в свете анализа дискурса этого персонажа, его взаимоотношений с другими героями, а кроме того, в силу общей семантико-прагматической компетенции говорящего и адресата (читателя и лингвиста-интерпретатора в том числе): ЭОЛ содержит мощный семантический потенциал эмотивно-оценочных сем разного ранга. Эмотивно-оценочное содержание проявляет "склонность" к вариативности, диффузности, энантиосемичности (типичным является смена знака с плюса на минус, обратный процесс встречается реже). Обладая этой информацией, говорящий манипулирует эмотивно-оценочной семантикой языкового знака, приспособляя его для реализации своих речевых намерений. В результате подобного семантико-прагматического анализа мы существенно корректируем нашу первоначальную интерпретацию интенций говорящего.

Непосредственными задачами, решаемыми в данном разделе, будут следующие:

1) проанализировать эмотивно-оценочный дискурс с позиций когнитивной теории прагматики, выявив специфические черты когнитивных интенций, а также основные элементы соответствующего прагматического контекста, который в единстве с семантическими параметрами высказывания предоставляет возможность адекватной интерпретации высказывания этого типа;

2) описать основные интенции говорящих, использующих в дискурсе ЭОЛ, проанализировав иерархические отношения в системе интенций конкретного речевого акта; соотнести основные интенции эмотивно-оценочного дискурса с ведущими функциями эмотивно-оценочного слова в речи, а также выявить

языковые и внеязыковые актуализаторы семантико-прагматического потенциала эмотивно-оценочного дискурса;

3) разработать типологию интенций говорящих, прибегающих к эмотивно-оценочному словарю.

2.1. Типология интенций, вербализованных в эмотивно-оценочном дискурсе

В лингвистических описаниях лексической системы отмечается второстепенная роль эмотивно-оценочной лексики, ее периферийный характер, обусловленный сравнительно небольшим объемом единиц этого языкового фонда, а также известной функциональной ограниченностью в ряде коммуникативных областей. Однако следует отметить, что в других формах дискурса доля ЭОЛ, многообразие выполняемых ее функций, а также параллельное употребление и конкурирование ее с неэмотивным словарем делают этот фрагмент словаря значимым для процесса коммуникации, позволяющим говорящим вербализовать широкий круг своих речевых намерений.

Разработка типологии интенций возможна в двух направлениях: путем изучения типов, регистров речи и речевых жанров, с одной стороны, и анализа конкретного "языкового участка", в котором языковая личность имеет свое непосредственное воплощение, с другой. Эти два подхода дополняют и корректируют друг друга. Опираясь на существующие типологии высказываний Дж.Серля, Дж. Остина, Н.Д. Арутюновой, Г.А. Золотовой, М.Я. Гловинской, Т.В. Шмелевой и др., можно выявить те фрагменты дискурса, которые допускают или тяготеют к использованию ЭОЛ. Таким образом, становится возможным наметить и описать круг интенций говорящих, употребляющих в речи для достижения своих намерений ЭОЛ, в двух аспектах: 1) с учетом ведущего мотива, целеполагания (содержательный план) и 2) с учетом способа лексической экспликации интенций.

По первому параметру вычленяются следующие типы интенций, определяющих выбор ЭОЛ:

1. Интенция выражения эмотивной оценки

Будучи возможной в любых речевых жанрах, ЭОЛ, естественно, тяготеет к группе оценочных, являясь предикативным центром эмотивно-оценочных высказываний. Отмеченная во многих работах семантическая функция эмотивной оценки у данных слов позволяет говорящему вербализовать свою потребность в квалификации и характеристики действительности, а также выразить свое эмоциональное состояние и отношение. Намерение дать оценку нуждается в существенных уточнениях. Мотивы эмотивно-оценочных высказываний не исчерпываются намерением сообщить свое мнение о предмете, но характеризуются стремлением, например, регулировать непосредственно поведение адресата,

воздействовать на его эмоциональную сферу или систему ценностей и многими иными интенциями. Оценочное суждение и эмоциональное состояние/отношение, воплощенные в похвале, может быть порождено сложным интенциональным комплексом: стимулировать продолжение желаемого действия, способствовать формированию самооценки адресата, влиять на его эмоциональное состояние и взаимоотношения коммуникантов. Анализ эмотивно-оценочных высказываний под таким углом зрения углубляет наше представление о структуре интенций и вводит понятие главных и второстепенных, "ближайших и дальнейших целей коммуникации" [Ортони, Клоур, Коллинз 1995].

Указанная интенция является одной из основных, наиболее часто реализуемых в ЭОД. Специальное же ее исследование обусловлено тем, что в реальной коммуникации она осложняется многими другими, пребывающими с ней в отношениях каузальной обусловленности. Таким образом, появляется реальная возможность описать прагматические потенции эмотивно-оценочных речевых актов.

2. Интенция выражения эмоционального состояния

В ЭОД выделяется большой блок высказываний с семантикой эмоционального состояния, где ЭОЛ является средством выражения эмоций, как правило, в высокой степени их проявления. Лексические единицы не закреплены как знаки тех или иных эмоций [Шаховский 1987, Лукьянова 1986]. Интенциональный рисунок дискурса не однороден, однако главное намерение – выразить эмоциональное состояние, "спустить пар". Эту интенцию мы предполагаем рассматривать в возможных сочетаниях с другими, тем более что эмоциональное состояние говорящего существенно корректирует его квалификативную деятельность. В ряде случаев интенция "выразить оценку" присутствует в качестве второстепенной, а в ряде – нейтрализуется до нуля.

3. Интенция выражения оценочного суждения-мнения

Для выражения этой интенции лексическая система располагает словарем рациональных оценок. Однако в определенных коммуникативных ситуациях ЭОЛ может быть использована для языковой интерпретации оценочной деятельности человека. В этих случаях происходит погашение, нейтрализация эмотивных смыслов в семантике ЭОС и усиление его разговорно-просторечных признаков. Указанная интенция, реализуясь с помощью ЭОЛ, обычно сочетается с другими коммуникативными намерениями говорящих.

4. Интенция создания особого типа коммуникации

Насыщенный эмотивно-оценочными единицами дискурс преследует цель создать определенный тип общения: неофициальный, дружески-фамильярный,

грубо-фамильярный, уничижительно-презрительный и др. В высказываниях с указанными целеустановками ярко проявляется амбивалентность ЭОЛ: в зависимости от особенностей речевого акта одни и те же единицы могут создавать прямо противоположный тон общения.

5. Интенция воздействия на поведение, эмоциональное состояние и ценностную парадигму адресата

Существенна роль ЭОЛ в волюнтативном регистре речи. Известно, что речь служит средством воздействия на адресата, а ЭОЛ, зачастую относящаяся к "низкому стилю" литературного языка, является серьезным средством влияния на эмоциональное состояние коммуниканта (рассмешить, разгневать, шокировать, вывести из равновесия, способствовать приятному или неприятному эмоциональному состоянию); на поведение адресата (стимулировать продолжение деятельности с помощью похвалы или комплимента и др., прервать нежелательные действия субъекта); на ценностную картину мира человека. Перечисленные интенции могут сопровождать ведущее намерение эмотивно-оценочного высказывания, а могут и доминировать над интенцией квалифицировать предмет речи по шкале "хорошо – плохо".

6. Интенция создания своего речевого имиджа

ЭОЛ участвует в создании говорящим своего речевого имиджа. Эти единицы, стилистически маркированные, не всегда оправданные и стандартные, обладая диффузной и вариативной семантикой, оказываются пригодными для передачи личностных смыслов, характеризующих языковую личность.

7. Интенция создания языка малого социума

ЭОЛ является лексическим маркером языка малого социума [Крысин 1989]. Говорящие используют эмотивно-оценочное слово не как знак эмотивной оценки (оценочное и эмотивное значения часто нейтрализуются, уступая место иным смыслам, но как показатель *своего* языка, противопоставленного языку иных социумов.

Эмотивно-оценочный словарь "обслуживает" самые разные стороны дискурса, способствуя достижению разнообразных целеустановок говорящего субъекта. Очевидно, что выявленные интенции не однородны: выделяются более простые, формирующие речевой акт интенции, и более сложные – целеполагание дискурса языковой личности. К последним можно отнести такие речевые мотивы, как создание своего речевого имиджа, стремление к экспрессивности и образности речи, организация особого типа коммуникации. Уточним, что, говоря о мотивах последнего типа, о целеполаганиях дискурса ЯЛ, мы предполагаем анализ речевого поведения говорящего в возможно более полном объеме. Именно на таком материале возможно выделение и исследование указанных мотивов коммуникации. С другой стороны, имеются и более простые, конкрет-

ные речевые намерения, соотносящиеся с определенным речевым актом. Хотя их "простота" тоже относительная: обычно интенции представляют собой сложное иерархическое целое, в котором выделяются ведущие и второстепенные мотивы, находящиеся в различных комбинациях. Элементы этого множества (интенционального комплекса) связаны различными логическими отношениями: причинно-следственными, временными, целевыми и др. Видимо, возможна аналогия со моделью ЛЗ, в которой есть ряд производных, имплицитных, неярых сем, связанных с ядерными отношениями взаимной обусловленности [Стернин 1985, Никитин 1983].

Наметив контуры интенций говорящих разных уровней (ср.: стремления, общие заботы и конкретные, текущие цели – [Ортони, Клоур, Коллинз 1995]), попытаемся ввести еще одно важное основание для классификации интенций. Поскольку лексической доминантой высказываний является ЭОЛ, имеющая прототипическую функцию эмоциональной оценки, будет целесообразно в качестве прототипической интенции рассматривать эмотивно-оценочную. На другом полюсе интенциональной шкалы будут располагаться высказывания с ЭОЛ, практически не выражающие оценки и эмоционального состояния говорящего субъекта и, следовательно, не реализующие оценочных целей коммуниканта. Между этими полярными случаями проявления или непроявления эмотивно-оценочных интенций субъекта речи располагается множество высказываний, совмещающих различные семантико-прагматические элементы и выражающие сложный интенциональный комплекс. Например, оценку и прескрипцию, эмоцию и оценку, только эмоцию, актуализацию своего языкового вкуса и др. Доля оценочной семантики может быть различной, в ряде случаев редуцируясь до нуля. Соответственно модифицируется и прототипическая интенция человека, использующего ЭОЛ в своем дискурсе.

Из сказанного следует, что интенции разных уровней сложности и разной эмотивно-оценочной ориентации, накладываясь и по-разному комбинируясь, взаимодействуют в речи говорящего субъекта, однако осознание их неоднородности необходимо для описания языковой личности в целом: предпочтительная реализация с помощью ЭОЛ тех или иных интенций (например, выражение эмоционального состояния, или создание своего языкового имиджа, или воздействие на адресата) является существенной характеристикой говорящего. Анализ интенций коммуникантов органично вписывается в современную теорию целеполагания, а также полезен в теории и практике культуры речи.

Второй параметр (способы воплощения различных интенций) требует внимания к прямым и косвенным оценочным и эмотивно-оценочным речевым актам.

2.2. Прямые и косвенные речевые стратегии в ЭОД:

ВИДЫ И СПОСОБЫ ИХ ТЕКСТОВОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ

Интенция выражения эмотивной оценки сопряжена с целым рядом коммуникативных норм. Эмотивная оценка, будучи специфической сферой коммуникации, в которой говорящие часто вынуждены пренебрегать максимами Грайса "не говори неприятного собеседнику" и "не говори неправду", заставляет говорящих внимательно выбирать речевую стратегию, чтобы избежать коммуникативных сбоев или провала. Стремление к косвенному высказыванию в этой области дискурса является вполне закономерной. Это положение в общем виде впервые отмечено Е.М. Вольф [Вольф 1985]. В настоящее время в работах разных исследователей встречается мысль о важности этого типа коммуникации. Так, М.Ю. Федосюк считает, что высказывания, направленные на положительную оценку самого субъекта речи, как правило, бывают замаскированы с помощью каких-либо иных жанровых форм, потому что такие речевые акты, как хвастовство, бахвальство и похвальба, отражают не вполне благовидную цель, преследуемую говорящим. Самовосхваление нарушает один из постулатов речевого поведения – максимум скромности, и поэтому говорящие, стремящиеся к самовосхвалению, не бывают заинтересованы в том, чтобы с помощью формальных особенностей речевого жанра информировать адресата о своих истинных намерениях [Федосюк 1997].

Данную позицию возможно рассматривать как предположение, опирающееся на общие правила и тенденции коммуникации. Однако специальное исследование этой области ЭОД, идущее от языкового материала, существенно корректирует это предположение: вопреки ожиданиям, говорящие не реже, а возможно, и чаще выбирают прямой способ вербализации положительной самооценки во всех ее формах, нейтрализуя отрицательный коммуникативный эффект иными языковыми способами (см. настоящий раздел). Интерес лингвистов к этой области дискурса, разноречивые подходы и предположения, а также отсутствие специальных работ по косвенным эмотивно-оценочным высказываниям свидетельствуют об актуальности этой темы. Кроме того, в свете поставленных задач описания системы интенций ЭОД особую значимость приобретает выбор говорящими прямой или косвенной стратегии речи.

Исследование проблем интенциональности ЭОД целесообразно начать с первого шага речевой коммуникации, а именно – выбора прямого или косвенного эмотивно-оценочного высказывания. Косвенные оценочные высказывания (КОВ) – один из типов косвенных речевых актов (КРА), который, однако, имеет свою специфику. КОВ не были предметом специальных лингвистических исследований. Поэтому мы делаем попытку наметить круг проблем, непосредственно связанных с косвенной оценкой, выявить основные способы выражения косвенной оценки, а также установить те лингвистические и экстралингвисти-

ческие маркеры, которые позволяют адресату адекватно интерпретировать оценочную семантику высказывания. Кроме того, мы сосредоточим внимание на вопросах интенциональности этой разновидности ЭОД.

Исследование КОВ (собственно оценочные и эмотивно-оценочные косвенные высказывания строятся по единым моделям, поэтому в данном описании они не противопоставляются) предполагает решение следующих задач: 1) определение КОВ; 2) основные способы выражения; 3) особенности интерпретации адресатом ("считывание" интенций говорящего); 4) типы речевых актуализаторов оценочного содержания; 5) косвенные оценки как элемент дискурса той или иной языковой личности.

Очевидно, что проблема определения этого типа КРА непосредственно связана с вычленением данного языкового материала и установлением способов выражения косвенной оценки. Понятие косвенной оценки строится с опорой на сложившееся в лингвистике представление КРА, "иллокутивная цель которых присутствует имплицитно и выводится адресатом благодаря его коммуникативной компетенции" [ЛЭС 1990: 412-413]. Анализ КРА, чаще всего осуществляющийся на базе разного рода высказываний-волеизъявлений субъекта, показывает, что это "предложения, содержащие показатели иллокутивной силы для одного типа иллокутивного акта, которые могут произноситься для осуществления, *кроме того*, иллокутивного акта другого типа" [Серль 1986: 195].

Обратимся к анализу оценочных высказываний: – *Что ты читаешь? – спрашивает он. – Не видишь – книгу читаю. Он перевернул книгу, посмотрел заголовок. – Хорошая? – спрашивает. – Да, особенно э т а фраза, которую я все время читаю. – Я тоже иногда могу быть довольно ядовитым, если я в настроении. Но до него не дошло. Он опять стал ходить по комнате, опять стал цапать мои вещи... Наконец я бросил книгу на пол. Все равно при Экли читать невыносимо. Просто невозможно (Дж. Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи /пер. Р. Райт-Ковалевой);*

– *Тебе нравится мое платье? – Ткань довольно интересная. Или: – Как тебе мой новый костюм? – Пуговицы, по-моему, сюда совсем не подходят* (разг. речь; студентки филфака).

Прямое оценочное высказывание, как известно, имеет семантическую структуру, которая включает оценивающего субъекта, оценочный предикат, объект оценки и основание оценки [Вольф 1985]. Очевидно, что приведенные примеры выражают оценочное суждение (возможно, и эмоциональное отношение) говорящего. Что же относит их к КОВ?

В первом примере не содержится стандартных элементов оценочной структуры, тем не менее читатель воспринимает его как негативное эмотивно-оценочное (назойливость и бесцеремонность гостя являются основанием для

неодобрительного отношения, а также сопровождающих его эмоций раздражения, неудовольствия, досады и др.). Это КОВ полностью соответствует определению КРА, приведенному выше.

Второй тип КОВ построен иначе: это, конечно, оценочное высказывание, однако прямого ответа-мнения на свой запрос адресант не получает. Субъект речи изменяет фокус характеристики, что позволяет предположить, скорее, негативное отношение к объекту оценки.

Эти примеры являются иллюстрацией двух основных (вербальных) способов выражения косвенной оценки (а также и эмотивной оценки): 1) косвенное оценочное высказывание строится путем преобразования различных элементов прямого оценочного высказывания; 2) оценочный иллюкутивный акт осуществляется опосредованно, с помощью другого, формально не оценочного.

1. Реализация интенций в КОВ, построенных путем преобразования различных элементов семантической структуры прямого высказывания

Какие же элементы семантической структуры могут быть преобразованы? Анализ языкового материала показывает, что при построении КОВ могут видоизменяться все элементы оценочной структуры. Однако роль этих элементов в выражении косвенной оценки не одинакова: важнейшим является способ представления объекта оценки. Объект нашей оценки чаще всего – окружающие нас люди, а наиболее актуальным для говорящего социума будет передача своего негативного отношения. Все это делает нашу оценочную и эмоциональную деятельность чрезвычайно важным звеном, определяющим успешность или неуспешность коммуникации в целом.

В КОВ выделяются следующие способы представления **объекта оценки**:

а) объект оценки не назван вовсе или дан как неопределенный.

Ср.: */Во время урока ученик кривляется, паясничает, учитель уже делал ему замечания, наконец, после очередной выходки, учитель говорит/: – Ребята, вы не знаете, в этом году будут праздновать проводы зимы? – А почему вы спрашиваете? – Да Емеля у нас уже есть, теперь за печкой дело; /Мама провинившемуся ребенку/: – Кое-кто сейчас пойдет в угол; – Давайте поьем чайку! – Не выйдет! У нас сегодня посуду мыть некому! /виновник немытой посуды присутствует здесь и всем известен/ (разг. речь; жен.; высшее); Сергей Аполлинариевич, впавший в тихое бешенство, тихо говорит: – Ну что ж! Может быть, следует отменить спектакль. Тем более что по окончании этого спектакля кое-кто из присутствующих должен был получить звание артиста. А кое-кто из присутствующих никогда его не получит. Надеюсь, Вадим, ты понимаешь, о ком идет речь?(Комсомольская Правда. 1991); Кое-кто расфуфырился сегодня в пух и прах! (В. Астафьев. Кража).*

Хотя виновник (объект оценки) не назван, он сам и все присутствующие без труда это определяют. Тогда в чем смысл обращения к КОВ? Косвенная оценка может быть как средством снижения категоричности, так и средством повышения, усиления интенсивности эмотивно-оценочного значения. В данном типе КОВ к не названному прямо объекту оценки привлекается дополнительное внимание, его качества, поведение становятся предметом обсуждения и оценивания окружающих. Этот тип оценки чаще всего употребляется для публичного осуждения кого-либо. Если же КОВ употребляются в иной коммуникативной ситуации (Ср.: – *По-моему, кто-то сегодня еще не чистил зубы, – говорит мама маленькому сыну*), они могут быть средством смягчения упрека, замечания, вносят в них шутливую ноту.

Очевидно, что этот тип КОВ отличается семантико-прагматической амбивалентностью, гибкостью, что позволяет говорящим использовать их для реализации широкого круга своих речевых намерений;

б) объект оценки сопоставляется или противопоставляется другим объектам, которым уже дана оценочная квалификация или их оценка является общеизвестной в данной социуме.

Ср.: *Я вчера видела NN на вечеринке. Там собрались интеллигентные, воспитанные люди, одним словом, элита. Я не ожидала его там увидеть*(разг. речь; образование высшее); *На заседании Академии наук СССР, на котором стоял вопрос об исключении академика А.Д. Сахарова, председательствующий заметил, что мировая практика не знает подобных прецедентов. Академик П.Л. Капица не согласился: "Альберт Эйнштейн был исключен из Прусской Академии наук в 1933 году". Вопрос об исключении А.Д. Сахарова был снят с повестки дня* (Огонек. 1989).

Операцию сопоставления двух фактов (оценка одного из них либо дана, либо очевидна и вытекает из жизненного опыта коммуникантов) адресат выводит без труда. А такой способ введения информации об объекте оценки позволяет лаконично и ярко обозначить его место в ряду сходных, хотя это сходство иногда не является очевидным, часто неожиданно и открывает нечто новое в оцениваемом предмете. Так, намерение исключить А.Д. Сахарова из Академии наук, сопоставленное с подобным бесславным фактом мировой истории, получает категорично отрицательную и бесспорную оценку;

в) намеренная смена объекта оценки:

Она спросила, знакома ли я с миссис Лейднер. – Нет, – сказала я, – только с ее мужем. – О, – сказала она. – Интересно, что вы о ней думаете? Я ничего не ответила, а она продолжала: Мне очень нравится доктор Лейднер. Все его любят. Я подумала, что это все равно, что сказать: "Мне не нравится его жена" (А. Кристи); – Как тебе мое выступление? Костюм со сцены смотрится великолепно (разг. речь; студентки ФФ НГПУ).

Изменение объекта оценки или переключение внимания на какую-нибудь его деталь есть способ опосредованно передать оценку, который предоставляет говорящему возможность для маневра: отметив, например, интересную ткань костюма, он "уходит" от необходимости либо кривить душой, либо сообщать свое негативное отношение к одежде адресата. В ином случае говорящий указывает на какую-либо второстепенную деталь, которая ему не нравится, оставляя свое нелестное мнение об объекте в целом невысказанным. Однако возможна и противоположная ситуация, когда изменение объекта оценки не влечет за собой сглаживание конфликта мнений, скорее, обостряет его, внося в оценку элементы иронии, сарказма, издевки и др. Так, если на вопрос о качестве сценического выступления (см. пример выше) коммуникант получает оценку (даже положительную!) лишь своего костюма, он, естественно, воспринимает это как отрицательное суждение о своем выступлении, о своем даровании и др.

Таким образом, видно, что разные непрямые способы представления объекта оценки ведут к образованию КОВ, с помощью которых говорящие вербализуют самые разнообразные интенции.

Следующим элементом семантической структуры оценки является оценочный предикат. Эту функцию в предложении выполняют слова с ярко выраженной оценочной или эмотивно-оценочной семантикой. В КОВ эту позицию занимают предикаты-маски, в которых оценочное значение не является основным; актуализация оценочных компонентов, занимающих периферийную позицию в лексическом значении слова, происходит благодаря конситуации. Роль таких предикатов могут играть, например, слова, выражающие значение удивления (удивляться, изумляться, недоумевать, делать большие глаза, вытаращить, вылупить глаза, ошеломлять, не ожидать, странный, странно и др.).

Часто средством создания КОВ (например, ирония – см.: [Дж. Серль 1990]) является речевая оценочная энантиосемия, когда слово приобретает эмотивно-оценочное значение или изменяет знак имеющегося коннотативного содержания. Ср.: – *Если вы приехали сюда работать, – обратился он к студентам, вам надо создать у себя в мозгу что-то вроде фильтровальных установок, чтобы они не пропускали всякие замшелые идейки, которые будут вам подсовывать наши старики.*

– *Брет считает стариками, – вмешался дизайнер лет тридцати, – всякого, кто имел право голосовать, когда выбирали Никсона. – Этого пожилого мужчину... зовут мистер Робинсон, – сообщил Брет... – За что мы любим нашего юного Дилозанто, – вставил сидящий дизайнер, – так это за его уважение к опыту и возрасту... (А. Хейли. Колеса /пер. Т. Кудрявцевой и В. Котелкина).*

Следует отметить, что изменение оценочного предиката в ряде случаев ведет все-таки не к образованию КОВ, а скорее, к изменению эмотивно-

оценочного содержания, или снижению категоричности оценки [Вольф 1985].
Например:

– *А какой он был, Мандельштам, Соломея Ираклиевна? – Какой? **Неопрятный**, скорее, **мрачный** молодой человек, **плюгавый и некрасивый**. Знаете, существует такой **тип молодых людей, преждевременно состарившихся... –Плюгавый!** Как вы можете, Соломея Ираклиевна. – Хорошо, Аллочка, **низкорослый**... **Щадя вашу чувствительность, заменим на "низкорослый"** (Огонек. 1989).*

Под давлением адресата говорящий снимает эмотивно-оценочное содержание (пренебрежительное отношение), оставляя лишь денотативное содержание характеристики объекта. Попутно заметим, что эмотивно-оценочная интерпретация события, факта, лица зависит еще и от степени удаленности, канонизации объекта для субъекта оценочной квалификации: то, что совершенно естественно в речи личного знакомого поэта, становится невозможным для сегодняшнего читателя и почитателя.

Таким образом, выбор и интерпретация оценочного и эмотивно-оценочного предиката связаны как с проблемой КОВ, так и с проблемой снижения категоричности оценки.

Теперь рассмотрим **основание оценки**. Этот элемент семантической структуры также имеет разные способы представления, и это тоже может переводить высказывание в ранг косвенных. Заметим, что изменение основания оценки говорящий осуществляет намеренно, это, как и рассмотренные выше модификации семантической структуры, является элементом его речевой стратегии. Ср.:

– *Я купила себе новые брюки! (демонстрирует). Тебе нравятся? – И куда ты их будешь носить? – Тебе не нравятся? – Ну почему... Просто тебе совершенно некуда их надеть (разг. речь, студентки ФФ НГПУ).*

Говорящий явно ждет одобрения по поводу своей покупки, а также, может быть, комплиментов своему вкусу, элегантному виду и др. Адресат же предпочитает уклониться от оценки качества вещи, переориентировав внимание на иное свойство предмета, на его полезность, пригодность, нужность. Очевидно, что для нас немаловажно, что именно в нас окружающие оценивают негативно. Отсутствие хорошего вкуса или непрактичность в выборе каких-то вещей, глупость или несобранность, безответственность или забывчивость. Есть недостатки извинительные и неизвинительные с точки зрения говорящего социума, поэтому коммуникативно оправданным будет поиск субъектом речи приемлемого основания для отрицательной оценки.

И, наконец, **последний элемент оценочной структуры – субъект оценки**. В коммуникативном акте это лицо, берущее на себя ответственность за оценочное суждение и сопровождающие его эмоции. От того, как введена оценка, в существенной мере зависит успех коммуникации в целом. Поэтому в ряде слу-

чаев говорящий стремится “переложить ответственность” на кого-либо другого, зачастую присоединяясь в оценке к более авторитетной компании. Ср.: *Все считают его бездарным; Никто тебя не любит; Некоторые находят его занудным; Общеизвестно, что он глуп* (Тексты психологических тренингов, посвященных нагнетанию и снятию генерализации. НГПУ, 1993).

В ряде случаев за этими “все”, “некоторые”, “кое-кто” и др. скрывается конкретный субъект, который таким образом подкрепляет свою позицию, снимая ответственность за резкое или неприятное эмотивно-оценочное высказывание. В этих высказываниях завуалирован субъект оценки, однако адресат легко его устанавливает. Ср.: – *Некоторые считают тебя странной. – Это какие же “некоторые”? – Ну, многие... – Хм, многие... Уж скажи, что это ты...* (разг. речь, студентки ФФ НГПУ).

Таким образом, непрямой способ представления любого элемента семантической структуры оценки приводит к образованию КОВ, хотя, естественно, “степень косвенности” в разных случаях различна, максимальной же она представляется в тех КОВ, в которых оценочное или эмотивно-оценочное содержание выражено посредством формально неоценочного речевого акта; случаи же модификации семантической структуры прямого оценочного высказывания отличаются меньшей степенью завуалированности речевых намерений говорящего. Об этом свидетельствует и реакция адресата, который безошибочно прочитывает в них имплицитные смыслы.

2. КОВ, в которых иллюкутивный акт оценки осуществлен с помощью другого, формально неоценочного

Вторая группа КОВ отличается многообразием форм оценки, которая может быть выражена при помощи формально неоценочных речевых актов. Их нелегко типизировать. Однако в них, как правило, есть элемент, слово-подсказка (или группа слов), отталкиваясь от которых, адресат путем нескольких логических операций выходит на соответствие/несоответствие ситуации аксиологическим образцам говорящего социума. Суть этих логических операций такая же, как и в процедуре интерпретации любого косвенного высказывания. Она описана Дж. Серлем в статьях о косвенных речевых актах [Серль 1986, 1990].

Интерпретация КОВ отличается разной степенью трудности для адресата и разной степенью адекватности его прочтения интенций говорящего субъекта. Это зависит во многом от того семантического расстояния, которое существует между словом-подсказкой в формально не оценочном высказывании и собственно оценочными смыслами, выражающими отношение человека к анализируемой ситуации. Количество ассоциативных шагов [Павлова, Ушакова, Зачесова 1989], которое предстоит сделать интерпретатору, и определяет степень

косвенности выражаемой эмотивно-оценочной или оценочной информации. Например:

Он предложил мне сигарету. Мы выпили. – Видимо, здесь многое кажется вам странным, правда? – заметил он. – Не сказал бы, – ответил я. – Я вообще не очень-то привык к нормальной жизни. – Да, – сказал он и, сощуриив глаза, посмотрел на испанку... Он встал, слегка поклонился мне и подошел... к испанке... – Сентиментальный трепач, верно? – сказал кто-то позади меня. Лицо без подбородка, шишковатый лоб. Беспокойно бегающие, лихорадочные глазки.

– Я здесь в гостях, – сказал я. – А вы разве нет? (Э.М. Ремарк. Три товарища / Пер. И. Шрайбера).

Подчеркнутое высказывание является эмотивно-оценочным для говорящего: он испытывает симпатию к хозяину дома, ему очевидно неприятен автор эмотивной оценки (*лицо без подбородка.., беспокойно бегающие, лихорадочные глазки*), а также неприемлем и его поступок (говорить гадости о человеке, у которого ты находишься в гостях). Позиция этого персонажа является ключом для понимания ситуации читателем и интерпретатором-лингвистом: описание восприятия ситуации подготавливает к тому, что реакция говорящего будет эмотивно-оценочной.

Иное дело – адресат. Для него, не владеющего указанной информацией, должны быть языковые маркеры интенций говорящего в подчеркнутом высказывании. Таковым является словосочетание **быть в гостях** (**гость** – тот, кто навещает, посещает кого-либо; в гостях – в качестве, на положении гостя – МАС), которое актуализирует следующие смыслы "отсутствие полной свободы в поведении, необходимость соблюдения определенных правил, одно из которых требует уважительного отношения к хозяину дома". В гостях – значит "не дома". Ср.: – *Что это у тебя за вид? – А я у себя дома (разг. речь; школьница).*

Нарушение общепринятых норм, о которых напоминает говорящий, влечет за собой отрицательную эмотивную оценку поведения "нарушителя" и отмежевание от него .

Умение строить и воспринимать КОВ, предпочтительное их использование в своем дискурсе – существенная черта одной языковой личности, а их полное отсутствие – характеристика другой языковой личности.

Важную роль играют интенции говорящего, предпочитающего непрямой способ выражения эмотивной оценки. Отказ от прямого высказывания может преследовать различные цели.

Во-первых, КОВ исследуемого типа, как правило, не содержат эмотивно-оценочного слова, которое в силу своей стилистической и прагматической специфики может вызывать нежелательный коммуникативный эффект (создавать

такой тип общения – грубо-фамильярный, например, – который ослабляет позицию говорящего, нарушающего максимум вежливости).

Во-вторых, в КОВ эмотивно-оценочная семантика претерпевает существенные семантические изменения: оценка становится (если она "услышана") более изощренной, едкой, ироничной, особо задевающей адресата, тем более что отсутствующие в них эмотивно-оценочные предикаты не дают последнему выстроить свою линию защиты (см. пример выше). Однако не стоит забывать о том, что КОВ отличается смысловой амбивалентностью: иногда КОВ являются средством смягчения негативного впечатления от отрицательной оценки или, например, от самопохвалы, актуализируя замысловатую форму, часто остроумную, неожиданную, порой парадоксальную, и таким образом вызывает смех адресата. Ср.:

– *Убить тебя мало! – Ты только о себе и думаешь! Представь, каково другим-то будет без меня! Как они будут жить без такого замечательного человека?* (разг. речь; студентки ФФ НГПУ); – *Какая у тебя куртка хорошая, импортная. – У меня все импортное. И много личных качеств, которые стоило бы импортировать* (разг. речь, студенты НГТУ); – *Ты говоришь глупости. – Умному человеку позволительно иногда говорить глупости* (разг. речь; студенты НГПУ); *Арцыбашев предложил мне роль Подколесина. – И что вы ему сказали? – Я сказал, что у него хороший вкус* (телепередача "Театр + ТВ", беседа с И. Костолевским).

В-третьих, в выборе КОВ в полной мере проявляется творческая активность субъекта оценки, его стремление к "своему" слову, стремление найти нестандартную форму выражения оценочного суждения и эмоционального состояния/отношения. В оценках этого типа проявляется "индивидуальный почерк" человека.

3. Речевые актуализаторы эмотивно-оценочного содержания КОВ

Вопрос о речевых актуализаторах оценочного содержания в равной степени важен для обоих типов КОВ. Оценочное содержание в первом типе КОВ эксплицируется с помощью двух основных видов речевых актуализаторов: 1) элементы коммуникативной ситуации, которые позволяют адресату адекватно интерпретировать РА благодаря фоновым знаниям и коммуникативной компетенции; 2) семантические маркеры эмотивно-оценочного содержания в самом высказывании.

Отметим, что чаще всего КОВ этого типа встречаются в ситуации диалога, когда говорящему приходится сообщать свое мнение реальному человеку, адресату. Кроме того, в этих коммуникативных ситуациях часто имеется запрос – говорящий интересуется мнением адресата о чем-либо. Поэтому он ожидает услышать оценочное суждение о конкретном объекте. Не получив соответствующую

щего ответа или получив ответ не на свой вопрос, адресат должен интерпретировать этот сбой в коммуникации, а именно: понять, почему на вопрос о том, нравится ли собеседнику его костюм, он получает ответ о высоком качестве ткани, или о неважных пуговицах, или рассуждение о том, что сейчас холодно, а костюм такой теплый... Иными словами, несоответствие между ожидаемой и полученной оценочной информацией является тем элементом в процессе коммуникации, который заставляет воспринимать высказывание как не прямое и искать в нем скрытые смыслы.

Далее, как нам кажется, адресат должен проделать еще одну операцию по интерпретации, но теперь уже не содержания высказывания, а мотивов оценивающего субъекта. Вопрос о том, почему сказано именно это и почему таким образом, является не последним для участников коммуникации. И здесь уже ведущими элементами будут личностные качества коммуникантов и их взаимоотношения. Исходя из этого, КОВ может восприниматься как попытка смягчить негативное отношение, не обидев напрасно и др. Возможно, если бы не последовало запроса об оценке, она и не состоялась бы вовсе. С другой стороны, это же КОВ может быть воспринято как изощренный способ преподнесения отрицательной оценки, когда, например, на вопрос о качестве выступления на сцене дается оценка **только** сценического костюма (см. пример выше).

Вторым типом актуализаторов оценочного содержания являются всякого рода семантические маркеры. Так, в случаях, когда объект оценки противопоставляется или сопоставляется с другими, которым уже дана оценка, получателю требуется лишь достроить имеющуюся оценочную информацию, например, противоположной. А поскольку антонимические отношения, по данным ассоциативных словарей (РАС), активизируются при определенном стимуле одними из первых, коммуникант не затрачивает много времени и усилий, чтобы адекватно воспринять оценочное высказывание.

Интересными с точки зрения речевых актуализаторов оценки являются КОВ, в которых субъект оценки выражен неопределенными местоимениями (кое-кто, некоторые, кто-то, что-нибудь, некто и др.). Именно семантика неопределенности будет здесь сигналом того, что высказывание содержит некоторую закадровую информацию, так как оценка не совместима с неопределенностью субъекта оценки, она является личностным суждением о ценности чего-либо. Поэтому, когда адресат получает отрицательную эмотивно-оценочную информацию, например, о себе, автор которой неизвестен, он, следуя законам коммуникации, должен проанализировать этот факт. В ходе анализа им, видимо, отбрасываются основные значения слова **некоторые** "какой-то, точно не определенный" и "не все, кое-какие" (ТСО, МАС) как не совместимые с семантико-прагматической направленностью оценки: говорящий едва ли будет апеллировать к оценке неизвестно кого. Поэтому возможны несколько вариантов

прочтения высказывания "Некоторые считают тебя ненадежным человеком" : а) "я знаю, кто это, но не хочу их называть"; б) "несколько лиц и сам говорящий"; в) "сам говорящий". Неопределенная семантика местоимений очень "удобна" для маскировки субъекта оценки. Получатель оценки склоняется в зависимости от конкретных условий коммуникации к одному из этих вариантов.

Следует сказать, что верной интерпретации КОВ способствуют, как правило, одновременно актуализаторы обоих типов: и семантические маркеры, и определенные элементы коммуникативного акта, сообщающие о том, что мы имеем дело не с прямым высказыванием. Кроме того, существенную роль играет интонация, особенно когда КОВ строится на речевой энантиосемии предиката.

Таким образом, в результате проведенного анализа уточнено понятие КРА в целом, выделены разные типы КОВ. Кроме того, описаны разные способы построения косвенной оценки, выявлены речевые актуализаторы, способствующие адекватной интерпретации высказывания адресатом, охарактеризованы основные интенции, воплощенные говорящими в КОВ.

2.3. Интенция выражения эмотивной оценки

В процессе порождения эмотивно-оценочного высказывания взаимодействуют разные виды знаний, обуславливая конкретные стратегии и выбор языковых знаков говорящим субъектом. В общем виде это знание специфики эмотивно-оценочной парадигмы как составного элемента языковой картины мира, знания о типах речевого поведения, о путях построения речевых актов, в которых воплощается эмотивно-оценочная интерпретация события (когнитивный фрейм, по Т.А. ван Дейку) и, наконец, знания собственно лингвистического характера. Порождение разных типов эмотивно-оценочных речевых актов потребует уточнения и дополнения тех сведений, которые сформулированы выше и намечают лишь общие когнитивные контуры эмотивно-оценочной вербальной деятельности субъекта.

Чтобы обосновать данное предположение, обратимся к анализу языкового материала – к речевым актам эмотивной оценки (похвалы) и самооценки (самопохвалы).

Сформулируем принципы описания фрагментов эмотивно-оценочного дискурса со значением позитивной эмотивной оценки.

Мы исходим из положения о том, что в описании конкретных эмотивно-оценочных актов определяющими будут когнитивные процессы, которые лежат в основе представлений языкового коллектива об успешности / неуспешности данных речевых актов в реальной коммуникации. Условия успешности речевых актов, сформулированные в прагматике, имеют, как правило, когнитивную основу. Поэтому и исследование эмотивно-оценочных речевых актов будет разноаспектным – предполагающим выявление и описание сценарных фреймов

(схемы смысловых опор), лежащих в основе речевых действий говорящих, с одной стороны, и описание всех коммуникативных параметров (фактор говорящего человека, его интенции, фактор адресата и коммуникативной ситуации), определяющих речевые стратегии языковой личности – с другой.

Мы привлекаем к анализу речевые акты позитивной оценки и самооценки, тем самым стремясь представить указанный тип эмотивной оценки с разных сторон: корреляция оценочных речевых действий, направленных на других и на себя – очень важный параметр в экспликации усредненного языкового сознания говорящего социума.

Высказывания с семантикой похвалы исследуются в сопоставлении с ближайшими "соседями" в коммуникативном пространстве: комплиментом и одобрением. Это известный в лингвистике "ход" в описании смежных явлений, в результате которого выявляется семантико-прагматическая специфика каждого из речевых актов.

2.3.1. Речевые акты похвалы и комплимента с позиций когнитивной и прагматической лингвистики

Исследование эмотивно-оценочных речевых актов предполагает описание семантической структуры высказывания, в которую входят: оценивающий субъект, оценочный предикат, объект и основание оценки. Если основание оценки и отдельные типы предикатов рассматриваются в русле лексикологических и прагматических исследований, то субъект оценки – величина практически неизвестная и, безусловно, важная для антропоцентрических исследований. В эмотивно-оценочном дискурсе говорящий субъект проявляет себя максимально полно: свои ценностные ориентиры, сопряженные с основными понятиями типовые эмоции, способность к языковому моделированию (выбору эмотивно-оценочного слова и речевой стратегии, которые основываются на сочетании и взаимодействии разных типов знаний, хранящихся в когнитивном пространстве языкового сознания).

Обращение к положительным эмотивно-оценочным речевым актам не случайно. Исследование эмотивно-оценочного словаря показало, что преобладает лексика с негативной оценочной ориентацией, а анализ дискурса подтвердил этот расклад (в речи отдельной личности и в речи социума преобладают отрицательные оценки). Такое асимметричное устройство эмотивно-оценочного словаря отмечают и исследователи современных европейских языков. Что же касается дискурса русскоязычного социума, то часто высказывается мысль о доминировании негативных высказываний. Отражает ли это особую черту российского менталитета? А. Вежицкая в книге "Язык. Культура. Познание" пишет о тех семантических свойствах, которые становятся в особенности заметны при анализе слов *душа*, *судьба* и *тоска*: "1) эмоциональность – ярко выра-

женный акцент на чувствах и на их свободном изъяснении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций...; 2) "иррациональность" – в противоположность так называемому научному мнению; 3) неагентивность – ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; 4) любовь к морали – абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла (и в других и в себе), любовь к крайним и категорическим моральным суждениям" [Вежбицкая 1996: 33-34].

Для нашего исследования наиболее интересной представляется склонность к моральным оценкам, среди которых преобладают негативные. По словам Г. Гачева, логика русского человека отличается от логики Запада. "Если формула логики Запада, Европы (еще со времен Аристотеля) *это есть то-то* (Сократ есть человек), то русский мыслил по логике *не то, а...* (что?) Поиск ответа начинается с некоего отрицания, отвержения... Оттолкнувшись в критике и так разогревшись на мысль, начинает искать истину" [Гачев 1997: 360]. Говорящие эмоционально переживают разного рода несовершенства мира, пытаются их устранить, то есть стремление к идеалу реализуется через отрицание негативных черт, свойственных человеку.

В свете сказанного особую значимость приобретают типовые позитивные высказывания, которые определенным образом должны уравнивать разнобразное множество негативных высказываний разных речевых жанров. Кроме того, можно предположить, что именно в позитивных элементах ЭОД будут не менее ярко, чем в негативных, проявляться специфические черты менталитета говорящего социума.

1. Похвала, одобрение и комплимент в языковой картине мира

В чем же суть наших представлений о такой речевой действии, как похвала (или комплимент как ее разновидность)? Обратимся к лексикографическим источникам. **Хвалить** – высказывать **одобрение, похвалу** кому-, чему-либо, чьим-либо достоинствам, заслугам; **похвала** – хороший отзыв о ком-, чем-либо, одобрение; **одобрение** – признание чего-либо хорошим, правильным и т.п. (СО, МАС). Видим, что в лексикографических источниках речевые действия одобрения и похвалы практически не дифференцированы, хотя языковая практика свидетельствует о семантическом различии в ЛЗ слов-маркеров речевого акта. Так, в качестве иллюстративного материала в Словаре синонимов русского языка [1976] к слову **похвала** приводится следующее высказывание: "*Он ожидал похвалы или по крайней мере одобрения, но Петрович только молча кивнул головой* (Галин)". Из подобного употребления слов **похвала** и **одобрение** следует, что говорящие усматривают разницу в степени, интенсивности выражаемой оценки и, возможно, в эмоциональном сопровождении позитивного суждения,

называемого похвалой. Подтверждением этого могут служить системные словари русского языка. В словарях синонимов **хвалить** интерпретируется как синоним глаголам **восхвалять, превозносить, славословить, возносить, превозносить до небес, петь дифирамбы, расхваливать, нахваливать**. Глагола **одобрять** в словарной статье не содержится (хотя в статье существительного *одобрение похвала* приводится как синоним с более интенсивным значением) [Словарь синонимов...1976]. Видимо, это связано с тем семантическим расстоянием, которое усматривают авторы словаря в этих глаголах: компоненты "интенсивность" и "чрезмерность", а также сема "эмотивность" в значении **хвалить** делают его ближе к **восхвалять, превозносить** и др., чем к слову **одобрять**. В Словаре антонимов **хвалить** является членом антонимической пары **ругать – хвалить**, а **одобрять** антонимичен глаголам **порицать, осуждать**, а **одобрение** – антоним существительному **неодобрение** [Словарь антонимов... 1985].

Таким образом, глагол **одобрять** – это область оценочного суждения, а **хвалить** – выразить не только мнение, но и эмоциональное состояние/отношение говорящего (радость, восторг, восхищение, удивление и др.). Как эмотивную оценку мы рассматриваем и комплимент, допуская, однако, что комплимент может быть "рассудочным" оценочным действием, в минимальной степени затрагивающим эмоциональную сферу говорящего, но воздействующим на эмоциональное состояние адресата.

Исходя из гипотезы о когнитивной природе речевого акта, обратимся к представлениям говорящих об этих речевых действиях: о их престижности, поощряемости, о их месте в ценностной парадигме коммуникантов. Отметим, что наш дискурс не перегружен позитивными речевыми актами, гораздо актуальнее для социума отметить отклонение от нормы в сторону минуса. Само слово **замечание** (от глагола **замечать**) имеет второе значение "выговор, указание на ошибку", то есть замечать нечто негативное. Когда же замечают нечто достойное, это несколько настораживает адресата. Лексикографическое описание интересующих нас лексем не объясняет, почему этим речевым действиям в какой-то мере не доверяют. Обратимся к дискурсу. Слово комплимент сочетается с глаголами **делать, говорить, сказать, отпускать; пускаться в комплименты, рассыпаться в комплиментах** (МАС, ТСО, БАС). **Отпускать, пускаться, рассыпаться** и др. в сочетании со словом **комплимент** обозначают негативные речевые действия (в них актуализируется сема "чрезмерность"), тогда как **говорить, сказать, сделать** обозначают оценочно не маркированные речевые действия. Ср.: – *Или отпустит комплимент, который, конечно, выдуман не без остроумия, но от него ужасно пахнет книгою* (Н. Гоголь. *Мертвые души*); – *Ого, наш чиновник пускается в комплименты* (М. Лермонтов. *Княгиня*

Лиговская); Куприянов пошел с ней прощаться и рассыпался в комплиментах (Н. Чернышевский. Дневники).

Существительное **комплиментщик** "любитель говорить комплименты" – тоже, скорее, негативная характеристика человека, чем позитивная. Ср.: – *Я не лгун и не комплиментщик, а поэтому говорю прямо, как понимаю: Вы талантливый и образованный фельетонист* (А. Чехов. Письмо В. В. Билибину, 28 февраля 1886).

Поставленное в ряд однородных характеристик (**лгун и комплиментщик**) существительное **комплиментщик** реализует отрицательную эмотивно-оценочную семантику, связанную с лживой или несерьезной (шутливой) информацией, которая содержится в комплименте. Это подтверждается частотной реакцией адресата:

– *Тебе надо жениться. – После войны, если встречу такую женщину, как ты. – Ты делаешь мне комплимент? – Нет, это правда* (разг. речь; муж.); – *Какая страсть! Внутри – тигр! – Это комплимент? – Нет, скорее, правда* (разг. речь; жен. высшее); – *Я могу подумать, что вы собираетесь мне делать комплименты. Это не годится между старыми друзьями* (И. Тургенев. Провинциалка); – *Паду к ногам твоим, богиня! – А вы лгун... да, пожалуй, и пошляк* (из к/ф "Улицы разбитых фонарей"); – *В жизни не видал призрака симпатичнее. – Да что вы! – Я говорил серьезно и рассчитывал застать ее врасплох! Но она только шире улыбнулась* (Д. Фаулз. Волхв / Пер. Б. Кузьминского).

Обычно комплимент отличается особой языковой формой, которой свойственна гиперболизация, это "речевой поступок" [Т.Г.Винокур 1993] и строится на использовании гиперболы (сделать приятное собеседнику). Преувеличенный факт более привлекателен, чем тот, который реально имел место. В преувеличении всегда присутствует доля правды, но правда приукрашена [Экман 1993]. Это свойство комплимента способствует тому, чтобы заключенная в нем эмотивная оценка воспринималась как неискренняя. Видимо, адресат здесь не адекватно воспринимает жанр высказывания: цель комплимента – сделать приятное собеседнику, а не передать достоверную информацию. Это свидетельствует о не полной освоенности данного коммуникативного пространства говорящим коллективом.

Таким образом, мы получаем лестное замечание, целью которого является сделать приятное, однако сама интенция сделать приятное нами рассматривается как "поверхностная", она мотивирована какой-то скрытой целью говорящего субъекта. Если же это так, то и само замечание по поводу наших достоинств явно преувеличено, не оправдано, не вызывает доверия. Х. Корнелиус называет такие комплименты "похвалой с подвохом" и приводит пример: "У вас

так хорошо получают отчеты, вы не напишете еще один?" [Корнелиус, Фейр 1992]. Таким образом, комплимент – это тип речевых поступков, которым мы часто не доверяем и усматриваем в них "второе дно".

Вторая особенность нашего мироощущения заключается в том, что нам становится неловко, некомфортно, когда нам говорят комплименты, то есть **замечают** наши достоинства. Можно выделить особый тип реакции адресата комплимента как оправдание, извинение, опровержение: – *Ты сегодня так свежо выглядишь.* – *Да уж, будешь тут свеженькой с такой работой (разг. речь; жен., среднее);* – *Какая у вас замечательная кофточка!* – *Да что вы! Я ее сшила из старой шторки (разг. речь; жен., высшее);* – *Вы сегодня очаровательны!* – *Боже мой, да я едва волочу ноги! (разг. речь; жен., высшее).*

Сюда примыкают и примеры, в которых адресат скромно возражает субъекту речи, однако при этом он начинает хвастаться, сводя к нулю "игру в скромность": – *У вас такое красивое платье!* – *Что вы! У меня еще лучше есть (из к/ф "Вокзал для двоих");* – *А вы замечательно сыграли, что впервые меня видите.* – *Ну что вы! Я еще и не на такое способна (из к/ф "Вокзал для двоих").*

Все это неадекватные реакции на комплимент, а непонимание или отрицание комплимента является признаком глубинного невроза [Хорни 1993]. Видимо, нормальной реакцией на комплимент должна быть благодарность за "приятный, лестный отзыв".

Разные типы реакций на комплимент (в том числе и неадекватные) позволяют конструировать образ этого речевого действия в сознании говорящего социума. Во-первых, этот речевой поступок в дискурсе не частотный, во-вторых, он зачастую воспринимается как не вызывающий доверия, во всяком случае преувеличивающий характеризуемые признаки собеседника, в-третьих, он, по мнению адресата комплимента, нарушает коммуникативное равновесие, которое он и стремится восстановить, опровергнув или иначе нейтрализовав замечание о своих достоинствах. Последнее положение явно коррелирует с представлениями о самопохвале, которая не приветствуется говорящим коллективом и нарушает коммуникативное равновесие. При этом нельзя не отметить, что часто комплимент и похвала являются желаемыми речевыми действиями, их ждут, на них "напрашиваются", их провоцируют специальными вопросами и просьбами (*Как я сегодня выгляжу? Я тебе нравлюсь? Почему ты меня не похвалишь? Я красивая? Скажи что-нибудь приятное!*). Таким образом, у говорящих явно ощущается потребность в признании и самоутверждении, в том, чтобы их заметили, выделили и оценили.

Как видим, эмотивно-оценочные речевые акты (похвала и комплимент) предстают в дискурсе как весьма противоречивые речевые действия: с одной стороны, это желаемые действия, которые помогают человеку сформировать

самооценку, обрести уверенность в себе и выработать определенную жизненную позицию. Кроме того, социумом эти элементы речевого поведения осознаны как регуляторы успешной коммуникативной деятельности, а также как языковые средства манипуляции собеседником. С другой стороны, комплиментарные высказывания расцениваются говорящим как недостоверные (Ср.: – *Это комплимент? – Нет, это правда*), а также как ведущие к нарушению коммуникативного равновесия (*–Вы сегодня неотразимы! – Да что вы! Вовсе нет!*), которое приводит к коммуникативному дискомфорту.

2. Объект-каузатор похвалы и комплимента

Мы предполагаем, что существенное различие эмотивно-оценочных речевых актов комплимента и похвалы заключается в объекте-каузаторе эмотивной оценки. Чтобы подтвердить эту гипотезу, обратимся к материалам РАС.

В РАС содержится информация о речевом действии похвалы, которой нет в других лексикографических источниках. Ср.:

<i>стимул</i>	<i>реакция</i>
хвалить	ругать, ругаться
хваляю	молодец
похвалили	нас
похвалить	молодец
похвалы	причина
похвальная	цель

Стимул и реакция связаны следующими типами отношений: а) парадигматическими (антонимы хвалить – ругать), б) действие – средство действия (хваляю – молодец), в) каузальными (действие похвалы – его причина; похвала – ее цель), г) синтагматическими (похвалили – нас, похвальная – цель).

Следовательно, в акте похвалы для говорящих существенными являются следующие аспекты: языковой способ похвалы (типичные маркеры **молодец**, **умница**, которые имеют разветвленную сеть синонимов); у этого речевого действия должна быть причина (конечно, любое речевое действие связано с мотивационной системой личности, однако в похвале существенным является элемент каузальности, похвала заслужена, получена за то, что..., похвала заработана и др.); и наконец, похвала связана с деятельностью адресата оценки – похвальной может быть цель, стремление что-либо сделать, то есть адресат оценивается как деятель.

Теперь попытаемся выявить, **за что** же человека хвалят. Для этого целесообразно обратиться к маркерам похвалы (**молодец и умница**), которые в РАС представлены как стимулы с соответствующими реакциями и как частотные реакции на разнообразные стимулы. Анализ этого материала позволил наметить

зону свойств, признаков, поступков, типов поведения субъекта, получающего похвалу. Самой весомой причиной похвалы будет стремление человека сделать свою работу старательно, качественно, добросовестно и умело. Ср.: **дельный, золотые руки, старанье, прилежный, прилежная, старанье в учебе, отличница, отличник, работать, хороший работник, трудиться, хорошо что-то делать, уметь, вылечить, бизнесмен, миллионер и др.** Следующее по частотности качество, достойное похвалы, – доброта: **добрый, добрая, хороший (универсальная положительная оценка часто реализует именно это основание), рубаха-парень, очень хороший и добрый, хороший человек, добряк и др.**

Доброта – это качество личности, которое проявляется во взаимоотношениях субъекта с другими людьми, то есть проявляется в деятельности, в поступках, адресованных другому человеку. Именно эти добрые поступки и становятся причиной похвалы.

Выделяется блок стимулов и реакций, актуализирующих такую причину похвалы, как *ум и сообразительность*: **умный, умная, вундеркинд, сообразительность, умный поступок, умница, гений, не дурак, разумный** и др. и *смелость*: **храбрый, смелый, бравый, орел, отличиться, удалой, храбрец.** И наконец, по отношению к детям наиболее частотной причиной похвалы является *послушание*: **послушный, лапочка, девочка, мальчик, золотце, мамина, дочка, моя.**

Конечно, маркеры похвалы могут быть востребованы практически в любом случае, когда говорящий хочет выразить положительное мнение и соответствующие эмоции, вызванные любым качеством или поступком адресата, однако зафиксированный РАС материал не случаен: ядро его отличается **деятельностным характером.** Человек, получающий похвалу, хорошо делает нечто: свою работу, хорошо ведет себя, совершает добрые поступки, проявляет смелость и сообразительность. Обычно мы не хвалим других за то, что они умны, добры, красивы, скромны по своей природе, мы выражаем положительную эмотивную оценку за проявление этих свойств, за соответствующие поступки. Иными словами, **похвалить можно за что-то, сделанное человеком, или за что-то, от него зависящее, тогда как комплимент говорят чему-то, чем обладает оцениваемое лицо.** Хотя следует отметить, что говорящий комплименты зачастую преднамеренно не замечает усилий, прилагаемых собеседником, создает иллюзию, что отмечаемые достоинства не есть результат упорного труда. Это одно из негласных условий игры в комплимент. Обратимся к анализу эмотивно-оценочного дискурса.

/ Вершинин /: *Если бы не солдаты, то сгорел бы весь город. Молодцы!... Золотой народ!* (А. Чехов. *Три сестры*); /Миловидов/: *Молодец ты, баба! Вот это мне на руку! Этаких я люблю* (А. Островский. *На бойком месте*); – Мо-

лодец! У тебя просто олимпийское спокойствие! /сыну, сдавшему экзамен, не растерявшемуся в сложной ситуации/ (разг. речь; муж.; высшее); – *Какой торт! Вот молодец!* Это я понимаю. *Совершенствуешься!* (разг. речь; жен.; высшее); – *Вы играете?* – спросил Мышлаевский у Лариосика. Лариосик покраснел, смутился и сразу все выговорил, и что в винт он играет, но очень, очень плохо... Лишь бы его не ругали, как ругали в Житомире податные инспектора... – Три бубны, робко сказал Лариосик... – Что же вы? **Вы прекрасно играете. Вас не ругать, а хвалить нужно** (М. Булгаков. Белая гвардия).

В приведенных примерах похвала эксплицирована с помощью маркера **молодец** и глагола-показателя речевого акта. Во всех случаях похвала вызвана достойным поступком: спасение города, отлично сданный экзамен, прекрасный торт, испеченный адресатом похвалы, умение играть в карты и др. Все эти действия есть плод усилий субъекта, а достигнутые результаты деятельности в той или иной степени зависят от деятеля. Обратимся к комплиментарному дискурсу:

– *Дорогой друг, вы скрыли от меня свое намерены привести с собой сказочную принцессу!* /хозяин, встречающий гостей/ – *Большое спасибо* /женщина улыбается, говоря это/ (разг. речь); – *Да вы, оказывается, отлично умеете стряпать,* – сказала я. – *Я все умею. А если не делаю, то это так, из одного зловредства,* – ответила Анна Андреевна (Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой); Зилов. *Э, видел бы ты его с ружьем. Зверь!* Саяпин. *Скажи-ка...* Зилов. *Гигант. Полсотни метров в лет – глухо* (А. Вампилов. Утиная охота).

Комплиментарное высказывание спровоцировано каким-либо качеством, присущим или приписываемым адресату. Compliment как бы говорит: вы прекрасны, и мною это замечено. Момент созидательных усилий здесь, в отличие от похвалы, явно не актуален (говорить о том, что женщина очаровательна, потому что потратила на это столько времени, сил, денег, не значит делать комплимент).

3. Структура интенций позитивного эмотивно-оценочного дискурса (по данным его лексической организации)

Похвала и комплимент имеют отличия и в структуре интенций, реализуемых в позитивном эмотивно-оценочном дискурсе. Безусловно, важнейшей чертой, их объединяющей, будет стремление выразить положительную оценку и комплекс эмоций, ее сопровождающий или ею порожденный. Ср.:

А когда гости стали расходиться, он в передней улучил минутку, чтобы подойти к Юленьке и тихо сказать ей: – Вы правы. Я сам вижу, что надоел вам своим приставанием. Это было бестактно. Лучше уже маленькая дружба, чем большая, но лопнувшая любовь. – Ну вот и умница, – сказала она и крепко пожала своей прекрасной большой ... рукой руку Александрова (А. Куприн. Юнкера); Огудалова. *Экой сокол! Глядеть на тебя да радоваться.* Паратов.

*Очень лестно слышать от вас. Ручку пожалуйста /целует руку/(А. Островский. Бесприданница); И Николка (Лариосику) очень понравился. Желая это подчеркнуть, Лариосик уличил момент, когда Николка перестал шнырять в комнату Алексея и обратно и стал помогать ему устанавливать ... пружинную кровать. – У вас очень открытое лицо, располагающее к себе, – сказал вежливо Лариосик... (М.Булгаков. Белая гвардия); /Ирина/:Что ты так на меня смотришь? /Зилов/: **Черт возьми! Ты просто королева! Какой платье! Чудо! Где ты его взяла?**(А.Вампилов. Утиная охота).*

В этих примерах реализуется основная функция высказываний со значением похвалы и комплимента – выражение позитивной оценки, которое сопровождается эмоцией радости и удовольствия в первом случае, эмоцией удовольствия и восторга во втором, искренней симпатией – в третьем, удивления и восхищения – в четвертом. Прочие интенции, возможно реализуемые в подобных оценочных речевых актах, здесь не актуализируются.

Общими для похвалы и комплимента могут быть и такие цели, как воздействие на эмоциональное состояние и ценностные представления адресата, установления желательной атмосферы коммуникации, формирование самооценки собеседника. Однако есть и специфические интенции, характерные для этих оценочных речевых актов. Похвала, данная за некое одобряемое действие, предполагает и воздействие на адресата, которое состоит в продолжении желаемого действия в будущем, то есть похвала служит средством стимулировать усилия человека, направленные на продолжение той или иной деятельности.

–Ах, какой молодец! Вы только посмотрите, как наш ребенок чистит зубы! Если будешь так стараться и чистить зубы утром и вечером, нам не придется ходить к врачу (разг. речь; жен.; высшее) В вестибюле Регина налетела на горничную. –Женщина! Вы куда? Вы как сюда попали? – горничная преградила ей путь. – Молодец, Галочка, – потрепала ее по щеке Регина, – проявляй бдительность и впредь. Только, пожалуйста, никогда ни к кому не обращайся "женщина". Это невежливо (П.Дашкова); Все-таки Мишане удалось растопить лед...–Вот видите, как много вы вспомнили!– радостно заулыбался Мишаня. – Вам полезно вспоминать, вы ведь рассказывали, как страдали из-за своей забывчивости. А смотрите, какая вы умница! Ну, давайте дальше попробуем (И. Стрелкова. Древо жизни).

В комплименте побудительная семантика менее актуальна. Лишь косвенным образом комплименты реализуют побуждение к тому, чтобы всегда выглядеть прекрасно, быть блестящим эрудитом, отличным специалистом и др. Здесь гораздо важнее интенция сказать приятное и тем самым стать для собеседника приятнее. Общее стремление вербализовать положительное мнение и выразить положительные эмоции в похвале и комплименте в адрес собеседника делают

эти речевые действия сильным средством манипуляции: склонить адресата к продолжению каких-либо действий, добиться от него желаемых поступков, сделать его зависимым от комплиментарных действий.

Ср.: /Мышлаевский/...А что я нахамил вчера, не обращай внимания. Лена, неужели ты думаешь, что я какой-нибудь негодяй?... – Витька, Витька,.. по-смотри на тебя, здоровый ты парень, с чего ж ты так ослабел вчера ?.. – А ты, Леночка, ей-богу , замечательно выглядишь сегодня. И капот тебе идет, клянусь честью, – заискивающе говорил Мышлаевский... – Карась, глянь, какой капот. Совершенно зеленый. Нет, до чего хороша. – Очень красивая Елена Васильевна, – серьезно и искренне ответил Карась. – Это элек-трик, – пояснила Елена, – да ты, Витенька, говори сразу – в чем дело? – Ви-дишь ли, Лена, ясная, после вчерашней истории мигрень у меня может сделаться, а с мигренью воевать невозможно... – Ладно, в буфете. – Вот, вот... Одну рюмочку... Лучше всяких пирамидонов (М. Булгаков. Белая гвардия).

Замысел говорящего, то есть его глубинные интенции, "прочитан" адреса-том, который не позволяет манипулировать собой. Если же адресат отличается неуверенностью, низкой самооценкой, зависит в существенной степени от оценки окружающих, он легко становится объектом манипуляции. Ср.:

...вызывал к себе учителя, полковника инженерных войск, и ласково, убедит-ельно, мягко говорил ему: – Ах, полковник! Я ведь давно позабыл высокое ис-кусство фортификации... а вы ведь в этом деле восходящая звезда первой ве-личины. Но согласитесь же, полковник: разве мой юнкер может знать фор-тификацию меньше, чем на девять, тем более такой отличный юнкер? Краса и гордость училища. Уверю вас, он будет самым достойным офицером. Но куда же ему в инженеры? Тут необходим талант и такая светлая голова, как у вас. Ну, согласитесь же с тем, что скрепя сердце все-таки можно моему юнкеру натянуть на девятку?.. И полковник соглашался (А. Куприн. Юнкера).

Использование речевых актов похвалы и комплимента для реализации ука-занных интенций основывается на специфических знаниях в информационном тезаурусе говорящих: на представлениях о психологических характеристиках человека и специфике коммуникативного взаимодействия, которая зависит от личностных свойств коммуникантов. Подобное функционирование похвалы и комплимента демонстрирует комплекс интенций, представляющих систему взаимосвязанных компонентов, где на ведущую интенцию выражения оценки накладываются прочие. Причем интенциональный комплекс организован раз-ными видами отношений: каузальными, следствия и др. Ср.: я говорю нечто приятное адресату, чтобы склонить его к каким-либо действиям; я хвалю адре-сата, чтобы поощрить его и обеспечить продолжение его деятельности; я гово-рю комплимент и вследствие этого становлюсь приятнее собеседнику и др.

Именно эту группу интенций реализуют говорящие в приведенных выше примерах.

4. Лексические способы воплощения похвалы и комплимента

Оба типа эмотивно-оценочных высказываний могут быть охарактеризованы как имеющие общие и специфические формы языкового воплощения. Специфическими маркерами похвалы являются слова **молодец, молодчина, умница**, а типичной формулой комплимента – **вы сегодня прекрасно (восхитительно, волшебно и др.) выглядите**. Каждая из этих формул имеет множество синонимических вариантов, причем какая-то часть языковых средств является универсальной: употребляется как для выражения похвалы, так и комплимента. Ср.: **гений, гениально, гениальный, гигант, титан, чемпион, рекордсмен, победитель (не в спорте), божественно, потрясающе, чудный, чудно, чудесный, чудо, прекрасный, прелестный, потрясающий, потрясти, потрясающе, бог, богиня, божественно, орел, сокол, рвануть, осилить, взять высоту, прогнуться (студенческий жаргон)** и др. В целом же, кроме маркеров похвалы **молодец, молодчина, умница, молоток (разг.-прост.)**, общеоценочных значений (**прекрасный, отличный, чудный, прелестный** и др.), к средствам похвалы и комплимента тяготеют авторские и языковые метафоры, образованные от имен собственных мифологических героев, известных актеров, ученых, художников, музыкантов и т.д. (титан, Венера, Афродита, Эйнштейн, Моцарт, Карден, Резерфорд, Колумб, Ален Делон, Шварценеггер, Шарон Стоун и др.). Это очень продуктивная модель, по которой говорящие строят ситуативные эмотивно-оценочные метафоры.

При всей универсальности этих общеоценочных (в основном) значений все-таки можно обнаружить два семантических центра, тяготеющих к выражению похвалы и комплимента. Как мы уже отмечали, похвалу получает человек, за свою деятельность, за выполнение какой-либо работы, за умения и качества, проявляемые в поступках. Комплимент фиксирует наше внимание на достоинствах, присущих личности, таких, для достижения которых как будто не надо затрачивать усилия. Не случайно, что ядром комплимента являются эмотивные оценки человеческой внешности. Безусловно, мы говорим комплименты и интеллектуальным способностям человека (также данным ему от природы), его прочим качествам (деловым, человеческим), однако в основном комплимент сосредоточен на внешних признаках. Если комплимент – высказывание, цель которого сделать приятное собеседнику, то лестное замечание о его внешности – вполне универсальное для этого средство. В силу этого выделяются языковые средства, тяготеющие к оценке внешних или внутренних качеств характеризуемого субъекта.

Обратим внимание на тот факт, что все стандартные показатели похвалы ориентированы на эмотивную оценку личностных качеств, проявляемых в деятельности : ум, знания, способности, смелость, честность и др. Похвала не располагает специальными языковыми средствами для оценки внешних данных адресата – это еще раз подтверждает мысль о том, что у похвалы и комплимента разные сферы приложения иллокутивных сил речевого акта.

Языковые средства похвалы различаются по степени, интенсивности выражаемых эмоций и оценок. Есть универсальные **молодец и умница** (они способны передавать любые эмоции и любые позитивные оценки с помощью, например, интонационных особенностей речи), есть **молодчина, молодчага и молодец**, которые передают большую интенсивность эмотивно-оценочного содержания и отличаются ярким разговорным характером. Прочие синонимы развивают и модифицируют оценочные и эмотивные семы по степени интенсивности их проявления. Ср.:

*–Я говорила с ихним учителем-то: **шибко**, говорит, **способный**. **Талант**, говорит, он у вас! – **Молодец**, Славка! (В. Шукшин. Вянет, пропадает); –Паша, ты – **гений!** Мы их взяли! Пашуня, ты даже не соображаешь, **какой ты гений!** (В. Богомолов. В августе 44-го); – Да ты, брат, не собака, а **настоящее сокровище!** – произнес с уважением Илларион. – **Молодец!** (Н. Думбадзе. Я, бабушка, Иллико...); Шарафутдинов, стоя на стремянке, белит в этой комнате потолок, потом оклеивает ее новыми обоями. – **Молодец, Шарафут!** **Как-к-ой маляр оказался, собака!** – Шарафутдинов, сияя зубами, весело повторяет те два слова, которые он понял из похвалы Ивана Константиновича: **Маладец! Сабакам, сабакам!** (А. Бруштейн. Дорога уходит вдаль); /Ларион/: *Уже уехал?* /Мышлаевский/: *показывает пальцами, изображая движение.* /Ларион/: *Витенька, ты гений!* Мышлаевский(нараспев). **Я гений Игорь Северянин...** (М. Булгаков. Дни Турбиных).*

Характеристики **талант, гений, настоящее сокровище, собака** и др. выражают высокую или наивысшую степень проявления признака, качества и/или соответственно высшую степень одобрения и интенсивную положительную эмоцию восхищения и восторга. Они не только интенсифицируют эмотивно-оценочную семантику слова **молодец**, но и конкретизируют (хотя бы отчасти) основания эмотивно-оценочного речевого акта.

В похвале может иметь место гиперболизация основания оценки, которая призвана сообщить о высоком эмоциональном накале говорящего и его очень высокой оценке. Эта языковая черта является общей для похвалы и комплимента (как разновидности похвалы), однако если в похвале интенсивное эмотивное и оценочное содержание призвано отразить реальное эмоциональное состояние и ценностное суждение говорящего, то в комплименте гиперболизация эмотивно-оценочного содержания является зачастую релевантным признаком высказывания этого типа, своеобразным "условием игры".

Комплименту, в отличие от похвалы, часто свойственны замысловатая языковая форма, косвенные способы языкового выражения, на этом коммуникативном пространстве реализуется творческий потенциал языковой личности, которая преследует две цели: сделать лестное замечание адресату и найти "свое" слово, избежав шаблона (ср. стандартные языковые формулы комплимента):

Морской ветер шел ей, как драгоценность. – Вам что, Нептун язык откусил? – Вы сногшибательны. Как ренуаровская дама (Д. Фаулз. Волхв /Пер. Б.Кузьминского); – Как я вас найду? – Яркая блондинка, волосы длинные... глаза карие... – Блондинку с карими глазами я найду даже в темноте и при вавилонском столпотворении, – галантно пошутил он. – Ради встречи с ней я готов бежать впереди самолета (В.Токарева. Между небом и землей); Не в моих правилах делать комплименты в первые пять минут знакомства, и если сейчас я нарушил это правило, то исключительно потому, что слова сами слетели с моих уст. Когда она открыла мне дверь, а я снял шляпу и вошел, свет падал на ее прическу сзади, и у меня с языка сорвалось: – Золотой петушок! – Да, – сказала она. – Я пользуюсь именно этой краской для волос (Р.Стаут. Умолкнувший оратор); – Вы столь забывчивы, сколь незабвенны (М. Цветаева. Фортуна).

Приведенные комплименты не укладываются в стандартные формулы типа "Вы сегодня прекрасно выглядите". Ср.: **морской ветер шел ей, как драгоценность; вы сногшибательны, как ренуаровская дама; ради встречи с вами я готов бежать впереди самолета, золотой петушок.** Используемые сравнения являются не шаблонными, скорее, неожиданным будет сопоставление морского ветра и драгоценностей (красота, блеск, изысканность; ветер не нарушает созданный образ, но одушевляет его). Во втором примере в сравнении сталкиваются романтический образ (**ренуаровская дама**) и языковое воплощение эмотивной оценки (**сногшибательны**), отличающееся яркой разговорной, экспрессивной окраской, что усиливает выразительность всего высказывания. Гипербола **готов бежать впереди самолета**, обозначая невозможное в реальности действие, актуализирует семантику чрезмерности, которая становится показателем интенсивности эмоционального состояния и отношения (восхищение) к адресату комплимента. Метафора **золотой петушок** является авторской, в ней доминирует элемент "образность", а также семы "яркость", "блеск", "праздничность" и др.

Выбор того или иного образа-мотива комплиментарного высказывания связан с интенцией говорящего субъекта, его языковыми и психологическими характеристиками, а также с ориентирами в ценностной парадигме социума. Подобные метафорические высказывания есть преодоление автоматизма номина-

ции [Телия 1988], поиск своего слова. Стремление к нестандартному языковому воплощению, характерное для комплиментарных речевых актов, видимо, свидетельствует об интенциях языковой личности, сопровождающих основную – сделать лестное замечание в адрес собеседника. К таковым в первую очередь можно отнести стремление стать приятным для сокоммуниканта, установить с ним дружеские отношения, обеспечить необходимый тип коммуникативной атмосферы. Compliment для говорящего – это способ привлечь внимание и к себе, заявить о себе как об интересном, оригинальном собеседнике.

Для реализации указанных интенций говорящие часто прибегают к косвенным речевым актам. Замысловатая форма языкового выражения привлекает внимание, вводя "в кадр" не только адресата комплимента, но и его создателя. Ср.: *Так, вероятно, играл сам Бах, по-моему, медленнее, чем большинство нынешних пианистов... но не сбиваясь с темпа, не искажая рисунок мелодии... Он уже закончил играть и смотрел на меня. – Вы превращаете слова в пустой хлам. – Не я, а Бах. – И вы. Он поморщился, но я заметил, что он польщен – хоть и пытается это скрыть, утащив меня на послеобеденную поливку огорода (Д. Фаулз. Волхв /Пер. Б.Кузьминского); – Глядя на вас, я как-то теряю нить, сбиваюсь с мысли... (А.Масляков женской команде КВН НГУ. 1991 г.); /Мюллер/: Я всегда жалел, что вы не работаете в нашем аппарате... /Штирлиц/: Я бы не согласился... Вы очень ревнивы... (Из к/ф "Семнадцать мгновений весны").*

Оба высказывания относятся к косвенным оценочным речевым актам второго типа: когда "предложения, содержащие показатели иллокутивной силы для одного типа иллокутивного акта... произносятся для осуществления иллокутивного акта другого типа" [Серль 1986]. Прделав ряд процедур для интерпретации косвенного высказывания, говорящий "прочитывает" эмотивную оценку во внешне безоценочных фрагментах дискурса. Ср.: **вы превращаете слова в хлам** (о человеке, только что игравшем Баха) может означать либо "нет слов, способных передать восхищение, восторг слушателя", либо "слова как форма выражения эмоционального состояния ничто по сравнению со звучащей музыкой"; **я как-то, теряю нить, сбиваюсь с мысли...** – "вы так очаровательны и прекрасны, и это отвлекает меня от моей работы..."; **я всегда жалел, что вы не работаете в нашем аппарате** – "вы настоящий профессионал". Неоднозначность, или многоплановость, подобных высказываний создает в речи необходимый эффект : адресат получает текст-загадку, и у него есть право прочесть его так, как ему хочется.

Таким образом, комплимент – это область эмотивно-оценочного дискурса, в которой говорящий может проявить языковую и речевую компетенцию и языковой вкус. Именно осознание этой функции комплимента (проявление себя

как незаурядной языковой личности) заставляет говорящего искать (иногда безуспешно) особые, не стандартные способы языкового воплощения комплимента. Ср.:

Зиночка опускает длинные темные ресницы, прикрывая чуть заметную лукавую улыбку глаз. – Вы правы, – говорит она с кротким вздохом. – Я бы очень хотела такой, как она. Юнкер чувствует, что теперь наступил самый подходящий момент для комплимента, но он потерялся. Сказать бы: “О нет, вы гораздо красивее!” Выходит коротко и как-то плоско. “Ваша красота ни с чем и ни с кем не сравнима”. Нехорошо, похоже на математику. “Вы прелестнее всех на свете”. Это, конечно, будет правда, но как-то пахнет штабным писарем. Да уж теперь и поздно. Удобная секунда промелькнула и не вернется. Ах, как досадно. Какой я тюлень! (А. Куприн. Юнкера).

Говорящий субъект, выбирая предпочтительное слово и уместную речевую стратегию, ориентируется на ожидания адресата, иногда вербализованные. Получатель комплимента не поощряет повторений и штампов, желая услышать искреннюю, оригинальную и высокую эмотивную оценку своим достоинствам. Ср.:

– Божественная, божественная! – Божественная. А другие слова вы знаете? – Божественная! – А дальше, князь? Я жду! – Зачем женщины так любят слова? ”) (к/ф “Петербургские тайны; –...Ну, как вы находите мою Юленьку? Право, ведь недурна?.. –Вы спрашиваете– не дурна ли? А я хотел бы узнать, кто и где видел подобную совершенную красоту? – О, какой рыцарский комплимент! Мсье Александров, вы опасный молодой мужчина... Но, к сожалению, из одних комплиментов в наше время шубу не сошьешь (А. Куприн. Юнкера).

Таким образом, мы можем добавить еще один дифференциальный признак речевого акта комплимента, который является релевантным для говорящего социума: желательной является особая языковая форма для экспликации этого типа эмотивной оценки.

5. Адресант и адресат в коммуникативной ситуации похвалы и комплимента

Оба типа эмотивно-оценочных высказываний предполагают либо коммуникативное равенство собеседников, либо говорящий занимает более высокое положение (социальное, возрастное др.). Если же говорящий субъект стоит на более низкой ступени иерархической лестницы, то похвала вышестоящему лицу невозможна, а комплимент начинает восприниматься как лесть. В сознании говорящих представление о похвале связано с эмотивной оценкой ребенка взрос-

лым или человека, занимающего более низкую позицию. Именно это отражает иллюстративный материал толковых словарей: *хвалить ученика за прилежание, хвалить ребенка, хвалить ребят* (ТСО, МАС, БАС). Анализ эмотивно-оценочного дискурса под этим углом зрения показал, что в семантике слова *похвала* имеется потенциальный компонент "асимметрия коммуникативных ролей", однако ее актуализация не является строго обязательной, в ряде случаев мы наблюдаем коммуникативное равенство собеседников. Ср.:

– *Попробую намекнуть?* – он взглянул вопросительно. – *Умница*, – ответил Гуров, и прозвучало это не как *снисходительная похвала*, а как *признание высокого класса коллеги*. – *Постараюсь держаться на данном уровне; Станислав тронул машину, насутился. Гуров потрепал его по плечу. – Смешной ты, Станислав, сил нет. Неужели я не понимаю, что лишь профессионал высокого класса способен сделать это...* – *Ну и похвалил бы, язык не отсохнет.* – *Похвала, Станислав, это всегда сверху вниз, а мы с тобой равные партнеры и цену себе отлично знаем. Ты большой молодец, только не расслабляйся* (Н. Леонов. *Сыщик*); – *Понял теперь, куда тебя студенческий друг втравил? Испугался?* – *Не очень...* – *Молодец!* – *уверенно, по-директорски продолжал Стась.* – *Завтра... проведешь собрание ученического коллектива...* (Ю. Поляков. *Работа над ошибками*); *Но как только я стала писать лучше, Федор Никитич сразу отметил это, поставил четверку, а вскоре и пятерку и еще при этом сказал: "Молодец! Вот поработала, постаралась и добилась! Терпенье и труд все перетрут"* (А. Бруштейн. *Дорога уходит вдаль*); *...а дома дети слышат, что учителя – злобные, невежественные, коварные существа...* – *А разве таких нет?* – *Вы умница!* Конечно есть: *Гиря, например, в серпентарии должна работать, и то змеи разбегутся* /старый учитель в разговоре с молодым коллегой. – *Т.Т./* (Ю. Поляков. *Работа над ошибками*).

В приведенных примерах субъект похвалы занимает более высокую позицию в социальном, возрастном плане или является признанным авторитетом в данной области деятельности.

Эта особенность похвалы еще ярче проявляется в случаях, когда она адресована "снизу вверх", то есть нарушены неписанные законы коммуникации. Ср.:

Идет обсуждение научных докладов на конференции. Выступающий аспирант, анализируя прослушанные доклады, отзывается с похвалой о докладе своего научного руководителя доктора наук и профессора. Профессор, в свою очередь: – Вот и Виктор Николаевич меня похвалил... (все улыбаются, а автор похвалы весьма смущен) (разг. речь).

Социальный компонент в семантике слова **похвала** может актуализироваться при соответствующей поддержке контекста (см. предыдущие примеры),

а может и нейтрализовываться, что происходит в ситуациях, когда позиции коммуникантов равноценны. Например:

– Какой же ты молодец! Гигант! Все успел, все смог, ничего не забыл! (разг. речь; муж., высшее; – А я, брат, думал, тебя уже и на свете нету... – Во! Обрадовал человека. – Постарел, брат, постарел, но молодец – долго живешь. – Долго живу, долго (смеется) (А. Вампилов. Прошлым летом в Чулимске).

В этих коммуникативных ситуациях говорящие пребывают в одинаковом социальном, положении, примерно одного возраста, дружески расположенные друг к другу. В ряде случаев языковая форма похвалы (например, гипербола) нейтрализует неравное положение коммуникантов, она служит средством выравнивания позиций говорящих: *– Но я хорошо помню вашу квартиру. Помню, в столовой был огромный, красного дерева буфет... – Был такой буфет, – сказала Алина Федоровна. – Я уж о нем забыла, а ты помнишь. – Молодец! – Левка шлепал Глебова по плечу. – Наблюдательность адская, память колоссальная. Можешь работать. Я дам рекомендацию... (Ю. Трифонов. Дом на набережной).*

Во фразе Алины Федоровны звучит пренебрежение и удивление: зачем ей запоминать какие-то старые вещи? А Глебов помнит, так как был ими потрясен, попав в богатую квартиру, которая так отличалась от его собственной. Стараясь сгладить неловкий момент, Левка начинает шутливым тоном расхваливать память Глебова, явно преувеличивая и перенося центр внимания с буфета красного дерева на необыкновенные способности друга детства. Похвала, построенная на гиперболе, является своеобразной компенсацией Глебову, занимавшему всегда вторую позицию в дружбе с Левкой.

Именно фактор адресата является часто ведущим в установлении речевого жанра высказывания, когда прочие показатели (интенции говорящих, языковые средства воплощения эмотивно-оценочного высказывания, коммуникативная ситуация) являются характерными как для похвалы, так и для комплимента. Ср.:

Арсений сел в машину к Андрею, и они перевалили через опасный участок.

– Ну, а теперь можно, как обычно, – улыбнулся отец. – Не потерял еще класс?.. Лучников до тридцати лет занимался автогонками. Он подумал, что, может быть, отцу будет приятно увидеть в этом рыжем с сединой морщинистом дядьке прежнего своего любимого мальчишку, и стал подхлестывать свой “питер”... – Браво! – сказал отец, когда они влетели во двор “Каховки”... – Еще не потерял класс, Андрюша... Отец и сын постояли минуту на солнышке, с удовольствием глядя друг на друга (В. Аксенов. Остров Крым).

Языковая форма эмотивно-оценочного высказывания допускает двойную интерпретацию высказывания: как похвалы и как комплимента. Взаимоотно-

шения коммуникантов тоже не укладываются в стандартную формулу "отец – сын" (сын уже немолодой человек, и у них с отцом вполне дружеские отношения). Однако в этой ситуации (...отцу будет приятно увидеть в этом рыжем с сединой морщинистом дядьке прежнего своего любимого мальчишку...) данное высказывание будет, скорее, похвалой, одинаково приятной отцу и сыну.

– Так почему же ты не отвечаешь на мой вопрос? – Десятиборец придвинул свой стул ближе к Лучникову... – Ну! Профессионалы мы или любители? – Ни то, ни другое, – сказал Лучников. – То есть? – Спортсмены в СССР – государственные служащие, – сказал Лучников.

...Челюсть у десятиборца отвалилась. Таня зашла от восторга. – **Андрюшка, bravo! Сун! Ты готов! Сейчас лягушку проглотить! К такому повороту их на семинаре не подготовили!** (В.Аксенов. Остров Крым)

В этом примере эмотивно-оценочное высказывание аналогично предыдущему. Однако говорящий и адресат оценки имеют равные позиции в коммуникативном акте, поэтому отнести эмотивную оценку к похвале или комплименту представляется затруднительным. Очевидно, что между близкими по интенциональному рисунку речевыми актами должна существовать промежуточная зона – высказывания, совмещающие признаки похвалы и комплимента (как разновидности похвалы). Подобные языковые факты вовсе не умаляют достоинств существующих типологий речевых актов (в рамках теории речевых актов или речевых жанров), а также типов речи (монологической или диалогической). Зная базовые установки, мы можем выделять языковые факты, представляющие собой сложные комбинации признаков, и тем самым глубже понимать их внутреннее "устройство". Так, отличаясь примерно одним интенциональным рисунком (выразить высокую положительную оценку и соответствующие эмоции), высказывание может быть по-разному интерпретировано в силу многообразных и сложных взаимоотношений, в которых пребывают коммуниканты. Ср.:

Продолжая глядеть на него, она несколько раз подряд моргнула, но не заплакала – **Не дочь, а кремень!** – сказал Гурский. – У меня, старого циника, понимаешь, очки вспотели, а она не плачет (К. Симонов. Мы не увидимся с тобой).

Друг отца высказывает восхищение силой воли и умением владеть собой дочери Лопатина. Возрастной разрыв коммуникантов позволяет интерпретировать эмотивно-оценочное высказывание как похвалу, однако это высказывание мужчины адресовано девушке, которая старается во всем вести себя, как взрослый человек, доказывая, что может идти на фронт. Кроме того, проявив выдержку и справившись со слезами, она как бы уравнивает позиции в коммуни-

кации, тем самым делая общение с ней не на равных невозможным. В силу этих ситуативных факторов эмотивно-оценочное высказывание приобретает черты комплимента. Этому способствует и форма положительной оценки: метафора **кремень**, чаще применимая к мужскому твердому и бескомпромиссному характеру, обращенная к шестнадцатилетней девочке, актуализирует дополнительные смыслы (явная гипербола, передающая шутливое восхищение).

Когда похвала или комплимент исходят от нижестоящего субъекта, они приобретают некоторые специфические черты: иногда оборачиваются своей противоположностью (речевая энантиосемия), передавая ироническое отношение говорящего к объекту оценки, иногда становятся знаком переоценки позиций в коммуникации, но чаще всего являются открытой лестью. Ср.:

*– И все его дальнейшие советы отличались **необыкновенной проницательностью**, которая говорит не только о **высоком профессиональном уровне**, но и о **прекрасном знании** человеческой натуры, – с подъемом произнес Пафнутьев, не сводя глаз с лица Анцыферова. А тот увидел столько издевки в этих словах, столько откровенного пренебрежения, что попросту не осмелился открыть рот... – А вы не стесняйтесь, Леонард Леонидович, – поощрительно произнес Первый . – **Похвала подчиненных часто стоит куда дороже, нежели похвала начальства... И заслужить ее труднее...**(В. Пронин. Повести и рассказы); /Молодая преподавательница искренне говорит заведующей кафедрой/: **Какая у вас красивая блузка! Просто прелесть!** – /Стоя у зеркала, довольная комплиментом, заведующая отвечает/: **А говорить начальству комплименты нехорошо!** – /Первая собеседница обиженно/: **Я больше не буду говорить вам комплименты (разг. речь; жен., высшее).***

В первом примере для присутствующих похвала, исходящая от подчиненного, не имеет негативного подтекста. Подчиненный в этой ситуации оказывается ведущей фигурой, одержавшей победу над своим начальником. Поэтому для него данное высказывание не является речевым действием нижестоящего по отношению к вышестоящему, как оценивают распределение ролей другие участники диалога: для них это похвала подчиненного своему начальнику. Такое положение дел оказывается нетипичным: мы точно представляем себе специфику такого эмотивно-оценочного речевого акта, как похвала. Она заключается, в частности, в том, что говорящему и адресату свойственны асимметричные коммуникативные позиции (позиция автора похвалы обычно выше или, по крайней мере, не ниже). Когда похвала направлена "снизу вверх", она характеризуется дополнительной "закадровой" информацией: например, между говорящим и получателем эмотивной оценки складываются иные, возможно, равные отношения, которые не соответствуют ранее установленным ролям. В других случаях похвала "снизу вверх" является показателем изменения ситуации:

отношения начальник – подчиненный могут закончиться в конце рабочего дня или с завершением сугубо делового общения. Так, одна из собеседниц (см. пример выше) говорит комплимент начальнице, предполагая, что служебные отношения на сегодня закончились, теперь это разговор двух женщин на тему, в которой они одинаково компетентны.

6. Фактор коммуникативной ситуации

Роль коммуникативной ситуации в формировании речевого акта, а также в его интерпретации адресатом или лингвистом отмечается всеми исследователями прагматического направления в лингвистике. Однако зачастую эта важная роль лишь декларируется, а конкретные модификации в семантике и прагматике высказывания, происходящие под влиянием ситуативных факторов, не выявляются и не анализируются. Поэтому в настоящем исследовании мы попытаемся типизировать влияние ситуативных факторов на семантику эмотивно-оценочного высказывания.

Коммуникативная ситуация может модифицировать эмотивно-оценочную семантику высказывания, переориентируя речевой жанр последнего. Рассмотрим следующие примеры:

– *На всех совещаниях ты жалуешься, что у тебя нет людей, способных мыслить смело, самостоятельно, творчески... А теперь вижу, что ты просто морочишь голову! Вот этот человек перед нами! Прекрасный специалист, профессионал высочайшего класса!...* – *Да, Иван Иванович, полностью с вами согласен.* – *Э, нет, так не пойдет!* – *весело воскликнул Первый.* – *Я никогда не говорю комплиментов, тем более в этом кабинете. И все, что сказано о Павле Николаевиче, сказано для дела. Ты как-то плакался, что некого назначить начальником следственной части. ...Ты меня понял?* – *Вполне.* – *И согласен со мной?* – *Разумеется (В. Пронин. Повести и рассказы).*

Прекрасный специалист, профессионал высочайшего класса в иной коммуникативной ситуации должны быть интерпретированы как комплимент (высокая позитивная оценка, которая может сопровождаться разными типами положительных эмоций), однако здесь этот положительный отзыв о присутствующем человеке, по мнению самого автора высказывания, является руководством к дальнейшему действию второго коммуниканта (не адресата комплимента), которое говорящий таким косвенным образом одобряет. Безусловно, здесь значимым является и социальная роль хозяина кабинета – все его высказывания должно воспринимать как руководство к действию.

Понятие коммуникативная ситуация включает следующие параметры: место коммуникации (предполагающее официальное или непринужденное общение), время (служебное и личное), коммуникативные роли собеседников (соци-

аль-ные, возрастные, половые, ролевые и др.), присутствие или отсутствие третьих лиц.

Параметры коммуникативной ситуации и фактор адресата существенным образом влияют на интерпретацию эмотивно-оценочного речевого акта, часто разграничивая комплимент и похвалу в позитивном эмотивно-оценочном дискурсе. В ряде же случаев, отличаясь неоднозначной трактовкой, ситуация общения и роли коммуникантов способствуют организации сложного семантико-прагматического целого, совмещающего признаки разных речевых актов.

Таким образом, в позитивном эмотивно-оценочном дискурсе выделяются основные типы речевых актов – похвала и комплимент, обладающие интегральными и дифференциальными признаками. К первым относятся прототипическая интенция выразить положительное суждение и эмоциональное отношение к адресату, а также ряд общих лексических средств языка. Дифференциальные признаки складываются из производных интенций, связанных с прототипической причинными и следственными отношениями (стремление доставить удовольствие адресату комплимента и стать для него приятным, установив желаемую атмосферу общения; способствовать продолжению желательных действий адресата похвалы, содействовать формированию его самооценки, повлиять на эмоциональную сферу адресата).

В языковой картине мира говорящего социума имеются специфические представления об этих речевых действиях, суть которых сводится к следующему: мы воспринимаем комплимент не совсем адекватно (пытаемся корректировать его с точки зрения достоверности, стремимся отрицать его как нарушающий коммуникативное равенство собеседников, испытываем неловкость или впадаем в противоположную крайность – начинаем хвалить самих себя, усматриваем в комплименте "второе дно"). Похвала же в нашем языковом коллективе интерпретируется как речевое действие, часто ориентированное "сверху вниз", призванное воздействовать на адресата как стимул для продолжения желаемых действий.

Комплексный анализ лексического структурирования речевых актов с позиций прагматики и когнитивной лингвистики позволяет существенно достроить наши представления о позитивной эмотивно-оценочной интерпретации действительности.

2.3.2. Речевой акт самооценки (самопохвалы) с позиций когнитивной и прагматической лингвистики

Оценка представляется как модальная рамка, включающая ряд обязательных элементов (эксплицитных и имплицитных), таких, как субъект оценки, объект оценки, аксиологический предикат, основание оценки (аспект оценки) и,

что особенно существенно, оценочный стереотип и шкалу оценок [Вольф 1985, Ляпон 1992]. Формально в случаях самооценивания субъект и объект оценки совпадают (человек оценивает сам себя), но на самом деле индивид "относится к себе как к другому" [Ляпон 1992], выявляя и квалифицируя значимые с точки зрения говорящего социума характеристики собственной личности. Как отмечает М.М. Бахтин, "в жизни мы это делаем на каждом шагу, оцениваем себя с точки зрения других, через другого стараемся понять и учесть трансградиентные собственному сознанию моменты: так, мы учитываем ценность нашей наружности с точки зрения ее возможного впечатления на другого – для нас самих непосредственно эта ценность не существует (для действительного и чистого самосознания), – учитываем фон за нашей спиной, то есть все то, окружающее нас, чего мы непосредственно не видим и не знаем и что не имеет для нас прямого ценностного значения, но что видимо и знаемо другими, что является как бы тем фоном, на котором ценностно воспринимают нас другие, на котором мы выступаем для них" [Бахтин 1994: 99].

1. Основные интенции, реализуемые говорящими в самопохвале

Интенционально это не однозначный "участок" эмотивно-оценочного дискурса. Высказывание-самооценка реализует достаточно широкий спектр взаимосвязанных целей коммуникантов. Так, Ю.Д. Апресян пишет: "X хвастается У-ом перед Z-ом : Человек X чрезмерно много или с преувеличением говорит человеку Z об объекте У, который является свойством или частью X-а или связан с X-ом и который представляется X-у ценным, с целью произвести на Z благоприятное впечатление... И далее субъект говорит, что сделал или имеет нечто хорошее, считая, что из-за этого другие будут лучше о нем думать" [Апресян 1995: 343].

П. Экман называет хвастовство одним из видов лжи. "Мотив – повысить свой социальный статус, выглядеть в глазах других людей более важным, привлекательным, интересным. Преувеличенный факт куда более привлекателен, чем тот, который реально имел место. В преувеличении всегда присутствует доля правды, но правда приукрашена (в отличие от выдумки)" [Экман 1993: 87]. Таким образом, цель такого позитивного самопредъявления – улучшить имеющееся у окружающих людей мнение, произвести впечатление. Эта интенция базируется на потребностях самоуважения, которое существует в форме самоуважения и уважения другими. Уважение другими включает в себя такие понятия, как престиж, признание, репутация, статус, оценка и принятие. Самоуважение – это ценностная сумма уверенности в себе и ощущения собственной ценности .

Таким образом, интенции высказываний с семантикой положительной самооценки следующие: стремление произвести благоприятное впечатление, создать образ уверенного в себе человека (защитная функция), компенсировать

внешним выражением имеющуюся невысокую самооценку, сохранить и подтвердить высокую самооценку, выразить специфический круг эмоций ("Бахвальтятся вследствие неспособности сдержать порыв самодовольства" [Апресян 1995: 343]). Кроме того, высокая самооценка – способ давления на адресата.

2. Самопохвала в эмотивно-оценочной картине мира

Данная область коммуникации лишь осваивается лингвистами, поэтому и терминология пока не устоявшаяся, "рабочая": выделяется условная шкала, на которой могут быть размещены речевые акты – от саморекомендации (слово недавно зафиксировано словарями и справочниками новых слов и значений) до самовосхваления и бахвальства. Серединную позицию занимает самопохвала (как разновидность похвалы). Появление слова **саморекомендация** говорит о многом: появилась и была осознана необходимость сказать о своих достоинствах, уметь выбрать для этого подходящее слово и соответствующую речевую стратегию. Не случайно все прочие речевые действия, отмеченные на этой шкале, тяготеют к отрицательной оценочной интерпретации – язык, отражая наивную картину мира, квалифицирует данные речевые действия как отрицательные. Обратимся к данным словарей: **Хвастаться, хвалиться** – *высказываться о себе, о чем-либо своем с излишней похвалой (МАС)*. Компонент "излишне" провоцирует отрицательную оценку.

Словарь синонимов русского языка [1976] дает следующий синонимический ряд: *хвастаться, хвастать* (разг.), *хвалиться* (разг.), *похваляться* (прост.), *выхваляться* (прост.), *бахвалиться* (прост.).

Похваляться, выхваляться, бахвалиться указывают на кичливое, неумеренное хвастовство чем-либо [Словарь синонимов... 1970–1971].

Словарь синонимов Александровой [1986] добавляет к этому ряду *фанфаронить* "хвастливо выставлать напоказ свои мнимые достоинства" и *куражиться* "вести себя заносчиво".

В словаре синонимов К.С. Горбачевича [1996] отмечены лексемы *пыжиться, хорохориться* "хвастаться заносчиво, самонадеянно" [1996].

В Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н.А. Абрамова [1994] находим следующие фразеологизмы, расширяющие синонимический ряд слов и выражений, обозначающих и характеризующих данное речевое действие: *задирать нос (хвост), держать себя высоко, много (высоко) о себе думать (мечтать, мнить), пускать пыль в глаза*.

Ю.Д. Апресян использует понятие аналогов. "Это слова одной и той же части речи, доминанты, значения которых существенно пересекаются с общим значением данного ряда синонимов, хотя и не достигают той степени близости, которая свойственна собственно синонимам. Аналоги характеризуются менее жесткими семантическими связями". Он выделяет следующую группу характе-

ристик речевого акта: *хвастаться, рисоваться, щеголять, форсить, бравировать, козырять, выставлять напоказ, кокетничать, позировать, красоваться, гордиться, кичиться, задаваться, привирать, фанфаронить, рекламировать, расписывать, блистать*; **дериваты**: *хвастовство, похвальба, бахвальство, самовосхваление, самореклама, хвастун, бахвал, хвастливый, расхвастаться, прихвастнуть* [Апресян 1995: 342-343].

Практически все единицы этой семантической группы содержат сему "чрезмерно" и связанную с ней сему "отрицательная эмотивная оценка". Осуждению подвергается не просто предъявление своих положительных качеств, а преувеличенная, излишняя самопохвала. Отсутствие же в лексической системе языка нейтральных слов с семантикой "говорить о себе хорошо" позволяет предположить, что данное речевое действие вообще является не поощряемым в нашей системе ценностей. Кроме нарушения негласных правил "быть скромным", в самопохвале нарушается и правило "не говорить неправду". В семантике глаголов указанного синонимической группы присутствуют в разном ранге семы "неправда, ложь", часто эксплицируемые в словарных дефинициях (см. выше). Они же актуализируются в речи:

– *Главное, чтобы ты перестал **врать и хвастать, хвастать и врать*** (М. Булгаков. *Дни Турбиных*).

Такое же отношение к самооценке фиксируется в пословично-поговорочном материале русского языка. Пословицы и поговорки регулируют, направляют речевое поведение человека, предостерегают его от поступков, не одобряемых говорящим коллективом. Так, в Словаре В.И. Даля выражения типа *в хвасте нет сласти; кто хвалится, тот с горы свалится; не подымай носу – споткнешься, не надувайся – лопнешь; чем хвалился, тем и подавился* содержат предостережения о негативных последствиях речевого поведения; пословицы *не хвали сам себя, есть много лучше тебя не хвались горюх перед бобами – тоже будешь под ногами* не рекомендуют противопоставлять себя другим, возносить себя над другими; пословицы *не хвали сам себя, пусть другие похвалят тебя; сам не хвались, люди похвалят; сам себя не хвали, не хули, сам не одобряйся, подожди, как люди одобряют* утверждают приоритет чужой оценки над своей собственной.

"Разрешение" же на самопохвалу содержится лишь в нескольких пословицах: *не хвались, идучи на рать, хвались, идучи с рати; не хвались отцом, а похвались сыном молодцом; не хвались отъездом, хвались приездом*, в которых оговариваются условия относительно уместной самопохвалы.

Этот лексико-фразеологический материал, отражающий ценностные ориентиры народной этики, служит своеобразной иллюстрацией к тому портрету русского человека, который пытаются нарисовать писатели, философы и пси-

хологи. Так, А.И.Солженицын, например, наравне с прочими, выделяет следующие характерные черты: отсутствие желания внешнего успеха, готовность к самопожертвованию, самоограничение в желаниях, аскетизм. Все это согласуется и с принципами христианской морали. По наблюдениям канадских психологов в начале 90-х годов, русских людей отличает очень низкая самооценка (Вечерний Новосибирск. 1990). Это своеобразный результат идеологического давления, составной частью которого был постулат о необходимости быть частью коллектива, не противопоставлять себя ему, не выделяться из общей массы.

Таким образом, возвращаясь к вербальному воплощению речевого акта самооценки (самопохвалы), нужно отметить, что в морально-нравственных представлениях говорящего коллектива это речевое действие является не престижным, не поощряемым, чаще порицаемым.

Данный вывод подтверждается и результатами анализа эмотивно-оценочного дискурса: типичными реакциями адресата на самопохвалу является, во-первых, порицание говорящего за отсутствие должной скромности и нарушение неписаных правил коммуникации (Ср.: –*Я прекрасная* наездница. – Без сомнения. А главное – *такая скромная!* /разг. речь; муж., высшее/; Таня. *Ну, вы так торопитесь. Конечно, вы все забываете.* Колесов. *У меня хорошая память.* Таня. *Не хвастайтесь.* Колесов. *Нет, в самом деле, у меня приличная память. Хотите проверить?* (А. Вампилов. *Прощание в июне*) ; –*Где же ты найдешь умнее меня? К тому же я еще и симпатичный.* – *Это называется "Дима хвастается"?* – *Я бы это не так назвал. Я-то себе цену знаю* (разг. речь; студенты ФФ НГПУ), во-вторых, ответная самопохвала адресата, к которой он прибегает, почувствовав нарушение "коммуникативного равновесия", вызванное вербализованной высокой самооценкой говорящего субъекта (Ср.: /Паша Строганова/: *Я на нее (Жанну Д Арк . – Т.Т.) лицом и фигурой похожа* (объясняет, почему ее выбрали на роль Жанны Д Арк. – Т.Т.). Первая подружка восторженно кивает головой. /Вторая подружка/: *А меня Иван Ильич Нефертити называет* (интонация самоутверждающая: хоть ты и в кино снимаешься, а вот...). /Паша/: *Трепетный он у тебя, Валя* (из к/ф "Начало").

Логично предположить, что в языковом сознании говорящих должны храниться сведения о том, как выбрать соответствующую речевую стратегию. Иными словами, мы обращаемся к системе концептуальных фреймов, которые определяют наше речевое поведение. Частично сценарий самопохвалы пересекается с общими правилами коммуникации (т.е. концептуальные фреймы соотносятся друг с другом как общее и частное) : **не преувеличивай** (у нас имеется условная шкала речевых действий от саморекомендации до бахвальства); **не говори неправды** (в глаголах со значением "хвалиться" имеется сема "гово-

речь неправду"); **не задевай, не унижай собеседника** (самопохвала нарушает коммуникативное равенство); **не будь излишне категоричным**. Однако есть и специфические правила, характеризующие данные речевые действия, эти правила касаются выбора конкретной речевой стратегии, а также выбора и интерпретации оценочного предиката говорящим субъектом. Очевидно, в подобных случаях можно говорить о субсценарии, или микросценарии, который, включая общие нормы коммуникации, содержит информацию о специфике эмотивно-оценочного речевого акта, и акта самооценки в частности.

О материале и методике анализа следует сказать особо. Картотека высказываний-самооценок включает примеры из художественных текстов, разговорной речи и записей текстов психологических тренингов, посвященных выработке речевых стратегий в ситуациях, предполагающих выражение самооценки [Трипольская 1995].

Тексты психологических тренингов являются богатейшим и неисследованным материалом для лингвистики, особенно для лингвистики, изучающей языковые способы представления эмоций и оценок.

Одно из тренинговых упражнений заключалось в том, чтобы похвалить, оценить себя положительно, найти в себе ценные качества и рассказать об этом своему собеседнику, другому участнику тренинга, который, в свою очередь, получал задание пересказать то, что он узнал об адресанте. Ситуация с первого взгляда кажется непривычной, искусственной, однако, как показывает выборка контекстов их художественной литературы и разговорной речи, эта коммуникативная ситуация в разных своих вариантах присутствует в реальной коммуникации. Психологический же тренинг представляет материал для наблюдения в сжатом, концентрированном виде. Естественно, важно то, **что** именно хвалит в себе человек, и **как** он преподносит то, что в такой откровенной и насыщенной форме обычно не рискует выносить на суд слушателей. Если ответ на вопрос "Что хвалит человек" актуален в первую очередь для психолога, то вопрос "Как" – в компетенции лингвиста. В работе использованы материалы психологических тренингов 1993–1995 годов, а также тренинговых занятий, посвященных формированию и коррекции самооценки личности. В тренингах участвовали студенты отделения "Русский язык и психология" НГПУ.

3. Коммуникативные стратегии самооценки (самопохвалы)

В результате анализа данного языкового материала мы выделили несколько основных речевых стратегий.

Первая (и самая частотная) стратегия заключается в том, чтобы представить положительное мнение о себе с помощью разных языковых средств как **объективную информацию**. Объективность сообщаемого достигается разными способами. Ср.: *Я становлюсь хорошим психологом, все считают меня ста-*

рательной, я очень пунктуальный человек, со мной, говорят однокурсники, легко работать...

Наблюдается подчеркнута серьезный, как бы отстраненный тон, будто речь идет о другом человеке, причем серьезность и достоверность всячески подчеркиваются модусной частью высказывания (персуазивность и авторизация). Именно эта "объективность", опора на внешние источники и ссылка на авторитеты является определенным "ходом" в преподнесении самопохвалы. Эта речевая стратегия является частотной и в реальной коммуникации, ср.:

– Ты не гляди, что я маленький ростом. Я удалой. Дедушка так говорил, – пояснил Мелеша, явно спохватываясь и краснея за свою похвалу (Коптяева. Дружба); /Белла Ахмадулина/: Я скажу словами Ф.Искандера: "Ей (Б.А.) совершенно чуждо чувство зависти. Она любит восхищаться людьми". Мы можем ему довериться (Телепередача О.Пушкиной "Женские истории"); А разве станет нормальный парень дружить с такой, как я (письмо в газету пишет девочка-наркоманка. – Т.Т.). Ведь внешне я привлекательная, многие даже говорят, что я красивая...(Комок. 1998. № 19).

В приведенных примерах высокая самооценка вводится с опорой на чужое (авторитетное) мнение. Объективность и достоверность высокой самооценки может усиливаться и иными способами: 1) привлечением адресата в союзники и соавторы оценки (ср.: Несчастливцев. Характер, братец. Знаешь ты меня: лев ведь я. Подлости не люблю (А. Островский. Лес)); 2) развернутой аргументацией своего ценностного суждения (ср.: Если я могу сыграть сто различных ролей на сто различных ладов, нелепо говорить, что у меня нет своей индивидуальности. Я могу это сделать, потому что я – чертовски хорошая актриса (С. Моэм. Театр / пер. Г.Островской); Значит, она не чувствует моего омерзения. А если так, то, значит, я потрясающий актер! (В. Конецкий. Путевой портрет с морским пейзажем)) и 3) сегодняшним "вещественным" подтверждением высокой самооценки, которая прозвучала некоторое время назад (ср.: –Я ведь случайно попал на телевидение. Просто пришел и сказал : "Ребята, дайте мне что-нибудь сделать. У меня получится. Я талантливый и работоспособный". Откуда такая уверенность – не знаю, но если бы ее не было, ничего бы не получилось (телеинтервью с К. Эрнстом).

Стремление говорящего к объективности и достоверности определяет и выбор оценочного предиката. Характерной чертой высказываний, построенных по указанной модели, является отсутствие в подавляющем большинстве случаев эмотивно-оценочного слова в качестве предиката. Это очень значимый речевой поступок, который демонстрирует органичную связь языкового и неязыкового знания в информационном тезаурусе говорящих: эмотивно-оценочное слово характеризуется семами "чрезмерность" и "положительная оценка". Таким об-

разом возникает вероятность нарушения правил коммуникации "не преувеличивай" и "не восхваляй". Кроме того, эмотивно-оценочная интерпретация события – это не просто одновременное включение разных механизмов обработки информации, но качественно иной взгляд на действительность: переживаемые и выражаемые эмоции существенно влияют на оценочное суждение говорящего, снижая его объективность, гиперболизируя основания оценки и повышая уровень ее категоричности. Таким образом, отказ от эмотивно-оценочного слова есть свидетельство осознанного отношения к языковому знаку, а также проявление коммуникативной компетенции говорящими. В нашем же сценарии выделяются два явно связанных друг с другом шага: введение показателей объективности, с одной стороны, и выбор соответствующего (не противоречащего первой тенденции) предиката, с другой.

К этой стратегии, учитывающей требование не преувеличивать каких-либо положений высказывания, примыкает способ актуализации самопохвалы, суть которого состоит в отрицании явно не престижных качеств и свойств личности. Ср.: *Я не дурак, я не идиотка, я не подлец, не проходимец какой-нибудь* и др. Как отмечает Н.Д.Арутюнова, *не глуп* –это, конечно, характеристика более высокого интеллекта, чем *не умен* [1997: 24]. Для нашего исследования интерес представляют выражения-отрицания каких-либо порицаемых говорящим коллективом качеств личности. В них используется эмотивно-оценочная лексика с интенсивным отрицательным содержанием и яркой разговорно-просторечной окраской. Чем дальше углубляется говорящий в область негативной оценки, чем категоричнее используемые им отрицательные оценочные единицы, тем более положительный эффект им достигается. Ср.: *я не глуп, т.е. почти умен, скорее, умен* [Арутюнова 1997], выражения же *я не дурак, не идиот, кретин и др.* переводят высказывание в область утвердительную, предполагающую наличие полноценного интеллекта. Подобная стратегия срабатывает в двух случаях: когда говорящий отрицает то, что, с его точки зрения, может думать адресат (Ср.: *Не такой я дурак! Зря вы на это рассчитывали (Разг. речь; муж., средне)*), и когда говорящий использует данное языковое средство для утверждения своей позитивной самооценки. Оказывается, чем категоричнее и грубее характеристика, чем нелепее предположение, тем "сильнее" утверждение положительного содержания. Высказывания с НЕ + отрицательная характеристика лица являются частотной и удобной формой положительной самооценки в разговорной речи. Предикат с отрицательным оценочным содержанием является своего рода обманым шагом, делая который, говорящий нейтрализует негативное действие самопохвалы на окружающих. Данный способ вербализации положительной самооценки также демонстрирует взаимосвязь собственно семантических знаний, которые позволяют манипулировать эмотивно-оценочным

словом, со знаниями ценностных ориентиров говорящих (самопохвала – это порицаемое речевое действие), а также с информацией фрейма-сценария о том, какую оптимально пригодную стратегию избрать для реализации данных интенций.

Вторая стратегия в вербализации самопохвалы связана с предъявлением своего отношения к данному речевому действию: извинение, отрицание самопохвалы, осознание того, что это нескромно, нехорошо, не принято (ср.: *хоть это не скромно, но я скажу... не хочу хвастаться, но... не сочтите за хвастовство..., хоть хвастать и нехорошо, но я скажу... я сейчас похвалю/сь/ себя...*). Высказывания этого типа демонстрируют доминантное представление о данных речевых действиях в нашем сознании, т.е. актуализируют фрагмент понятийного поля, организованного вокруг некоего концепта (понятие похвалы как речевого действия). Эти знания неразрывно связаны со сценарным фреймом (как реализовать самопохвалу, которая не является престижным речевым поступком). Рассмотрим следующие примеры :

*Щекн, естественно, не землянин и даже не гуманоид, и поэтому потребовался весь мой опыт и вся моя, **скажу не хвастаясь**, сноровка в обращении с информационными каналами... Замечу в скобках, что подавляющее большинство моих однопланетников понятия не имеет о реальных возможностях этого восьмого...чуда света. **Вполне допускаю, впрочем**, что и я, при всем опыте и сноровке, отнюдь **не имею права претендовать** на совершенное умение пользоваться его необъятной памятью (Стругацкие. Жук в муравейнике); Мне, **не скрою**, всегда чем-то руководить хотелось. Что-то организовать, что-то возглавить. Когда по доброте меня называют прекрасным критиком, – я знаю, кто у нас прекрасные критики, и себя в эту когорту не зачисляю. Но чем горжусь – это, **извините за нескромность**, глубиной знания предмета (А. Медведев//Известиям. 1998. №77); – **Вы ведь знаете, вероятно**, как я, **что называется**, знаменит в медицинском мире? – Кто ж этого не знает! Конечно, знаю. А что **ваш покорный слуга тоже прославился**, вам известно? – Ну, разумеется. Можно сказать, **ваш поклонник, усердный читатель**, – сказал второй (И. Бунин. В ночном море); – У вас в милиции все такие? – **Сказать по правде, таких, как я, нигде нет** (Из к/ф "Улицы разбитых фонарей").*

Во всех фрагментах говорящие демонстрируют осознание своего речевого поведения и пытаются нейтрализовать его негативное действие на адресата (извинение за нескромность, отрицание интенции похвастаться, признание своей некомпетентности в каких-то иных областях).

Третья стратегия выражения самопохвалы базируется в первую очередь на знаниях говорящих психологического характера. Как отмечалось выше, од-

ной из типичных реакций на положительную самооценку, вербализованную без учета специфики данного речевого акта, является ответная самопохвала адресата, который почувствовал, что нарушено коммуникативное равенство партнеров. Поэтому фрагмент эмотивно-оценочного дискурса говорящего включает два оценочных высказывания: одно из них – похвала или комплимент адресату (а также его детям, близким и др.), а второе – собственно положительная самооценка. Ср.: *Олимпиада Самсоновна барышня образованная, да ведь и я, Самсон Силыч, не лыком шит* (А. Островский. *Свои люди – сочтемся*); – *Мы молодцы! Ты Станислав, умница, а я так просто гений!* (Н. Леонов. *Сыщик*).

Предваряющая самооценку похвала может быть адресована и третьим лицам, тогда она демонстрирует стремление говорящего быть не только справедливым, но и доброжелательным.

Адресат может быть привлечен в качестве союзника, подтверждающего справедливость самооценки говорящего субъекта. Если предварительная похвала и комплимент "уравнивают" собеседников в коммуникативном взаимодействии, то обращение к адресату как авторитетному лицу, делающему окончательный вывод об оценке собеседника, явно повышает его статус и снимает негативные моменты, характерные для данного речевого действия. Ср.: – *Черт, ну и работенку мы с тобой себе выбрали... Час разговора – а будто вагон угля разгрузил. За каждым словом следи, чтобы лишнего не сказать... Нет, ну ты скажи: я виртуоз? Или так, на грядке вырос? – Вы маэстро, – искренне сказала Настя. – Паганини вербовки. Бернштейн допроса...* (А. Маринина. *Стилист*).

Адресат не просто подтверждает самооценку говорящего, но часто, понимая, что в выражении самопохвалы коммуникант связан регламентирующими коммуникацию правилами, стремится ее усилить. Как правило, он развивает предложенную говорящим "тему", внося со своим словом и систему своих ценностных предпочтений.

Четвертая речевая стратегия самопохвалы заключается в своеобразном разрушении первоначально проанализированного стереотипа, ориентированного на достоверность, объективность, умеренность, сотрудничество с адресатом. Основным типом предиката здесь будет эмотивно-оценочное слово с положительной (а иногда и с отрицательной) оценочной семантикой. В высказываниях этого типа говорящий обращается к тем признакам эмотивно-оценочной семантики, которые в предшествующих случаях являлись основанием для отказа от данного языкового знака. В дискурсе актуализируются семы "чрезмерность", "наивысшая положительная оценка", "эмотивность". Ср.: *У меня прелестные глаза, прекрасная фигура, я потрясающе интересный человек, замечательный друг, фантастическая женщина, очаровательная девушка, душенька, птичка,*

у меня потрясающий, безошибочный вкус, отпадный вид, кинозвездная наружность, я все умею делать на "пять", даже на "шесть", никто лучше меня не справляется с такими делами, ни у кого нет таких волшебных ног и др. (тексты психологического тренинга). Подобная тактика характерна и для реальной коммуникации:

– Какая я умная! Это что-то! – Разве он мог не поставить зачет такой прелести!? (разг. речь; студентки ФФ НГПУ).

Эмотивно-оценочное слово выражает чрезвычайно высокую самооценку говорящих и таким образом как бы делает эти высказывания нереальными, "учебными", снимая неловкость заданной ситуации. Это тоже нередкая стратегия самооценки, которая может встречаться сама по себе, а может дополнять другие. Она позволяет перевести речь в несерьезный план (обычно эти высказывания имеют ироническое интонационное оформление), не "давить" на адресата, спрятав за несерьезную форму семантику положительной самооценки, актуальную для говорящего.

Возможна и лексика с неположительной семантической ориентацией. Ср.: *Я всегда полагаюсь на свой вкус... Уж он-то меня не подведет. Я вообще сумасшедшая, бывают у меня бредовые идейки – и это уж точно не стандарт. О, я штука непростая...*(тексты психологического тренинга 1994 года); *– Вот такая я хулиганка! – Видишь, какой я охламон и разгильдяй! – Похоже, тебе это нравится? – А тебе – нет?* (разг. речь; студенты ФФ НГПУ).

Эмотивно-оценочное слово с неположительным оценочным содержанием становится средством снижения пафоса самопохвалы, возможностью, хваля себя, поиронизировать над собой. Этот "ход" в вербализации самооценки позволяет заявить о своем отношении к данному речевому поступку, сделать себя менее уязвимым для окружающих. Либо чрезмерно положительная ориентация эмотивно-оценочного значения, либо, напротив, сниженное коннотативное содержание слова делают оценочную семантику высказывания более объемной, вводя закадровый прагматический ореол.

Итак, в эмотивно-оценочном дискурсе говорящих, точнее, в выражении положительной самооценки можно выделить несколько основных стратегий, ориентированных на успешную коммуникацию. В реальном общении, переплетаясь и взаимодействуя, они выражают многообразные интенции говорящих. Все их объединяет общий прагматический элемент – говорящий стремится разными языковыми способами "обезопасить" себя, сделать менее уязвимым для критики окружающих. В этом проявляется осознание коммуникантами специфики самого речевого действия самопохвалы, которое не приветствуется говорящим коллективом. Иными словами, мы наблюдаем, что в построении речевого акта самопохвалы взаимодействуют знания разных порядков: представление о

месте конкретного речевого действия в ценностной картине мира, семантико-прагматическая компетенция и знание сценария, следуя которому, говорящий реализует свои интенции. Специальный анализ показал, что можно говорить о типизированных стратегиях, характерных для всего социума. Т.А. ван Дейк считает: "...не исключено, что фреймы (сценарии) имеют более или менее конвенциональную природу и поэтому могут определять и описывать, что в данном обществе является "характерным" или "типичным" [Ван Дейк 1989: 17]. Подобная мысль выражена и Ю.Н. Карауловым: "...тезаурус личности как способ организации знаний о мире имеет явно выраженную тенденцию к стандартизации его структуры, к выравниванию ее у разных членов говорящего на одном языке коллектива, при одновременном произволе в способах ее субъективации, ее индивидуальной фиксации, индивидуального присвоения" [Караулов 1987: 172].

Говорящий человек, осваивая существующие модели речевых действий, выбирает те, которые позволяют в максимальной степени реализовать его личностный (языковой и психологический) потенциал. Следует отметить, что выявленные стереотипы речевого поведения достаточно устойчивы в коммуникативной деятельности личности. Все описанные стратегии самооценки так или иначе определяются ориентацией на адресата. Однако даже оказавшись в иной коммуникативной ситуации (например, создавая дневниковый текст), говорящий следует предпочтительным стратегиям самооценки. Так, в дневниках К. Чуковского содержится 35 фрагментов дискурса, в которых выражена самооценка автора. Самопохвала вводится с помощью стратегий, направленных на своеобразную защиту от окружающих (например, ссылка на чужое авторитетное мнение), хотя реального адресата у пишущего нет. Можно предположить, что речевые стереотипы остаются неизменными даже при изменении условий коммуникации: хвалить себя не полагается, и это определяет тип речевого поведения даже в дневниковом дискурсе. Ср.: *...и все же мое выступление – единственное – дошло ей до сердца (так мне сказали тогда же Федин, Твардовский, Казакевич), а между тем и это выступление, тоже недостаточно осердеченное; Читал я легко, непринужденно, почти без подготовки – и к своему удивлению имел громадный успех.*

Чаще автор дневника прибегает к воспроизведению чужой положительной оценки самого себя. Самооценка со ссылкой на авторитетных лиц и чужая оценка Чуковского функционально смыкаются в эмотивно-оценочном дискурсе языковой личности, реализуя представление говорящих о том, что бранить себя мы предпочитаем сами, а похвалу желаем слышать от других.

Иная речевая стратегия самопохвалы оказывается предпочтительной в дискурсе актера И.Костолевского. Ср.: – *Нравится ли вам актер Игорь Костолевский (вопрос ведущей телепередачи "Театр + ТВ" И. Костолевскому – Т.Т.)?*

–Знаете, я не из тех артистов, которые “я себя целовал, уходя на работу” (смеются оба. – Т.Т.); – А Игорь Костолевский хороший партнер? – Думаю, не очень. Я зануда... въедливый, у меня не лучший характер; – Арцыбашев предложил мне роль Подколесина. – А вы что сказали? – Я сказал, что у него **хороший вкус** (смеется. – Т.Т.) .

Говорящий демонстрирует подчеркнута иронический взгляд на самого себя – усмешка нейтрализует негативный коммуникативный эффект самопохвалы, снижая ее пафос. Этой же цели служит косвенное оценочное высказывание.

Говорящий в силу множества причин отдает предпочтение тому или иному способу вербализации самопохвалы. Ср.: “Осенью 1825 года, завершив “Бориса Годунова”, сочинитель “**бил в ладоши и кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!**” Через двадцать лет, весной 1845-го, Достоевский сухо сообщит брату (речь идет о “Бедных людях”): “Около половины марта я был готов и доволен”. Сравнение уязвимо, как считает Игорь Волгин: “23-летний Пушкин изгнан, признан, любим, почитаем, печатаем, знаменит. Он ни в коем отношении не схож с пребывающим в полной безвестности 23-летним самодеятельным автором. И все же их роднит чувство: то самое, которое заставляет победителя прибегать к сильным выражениям и которое в застенчивой школьной адаптации обретает вполне благонаправленный вид (“Ай да молодец!”).

(Нелишне при этом вспомнить и Александра Блока, по окончании “Двенадцати” занесшего в дневник: “Сегодня я гений”, – что по типу соответствует пушкинской – ликующе-изумленной самооценке” [Волгин 1989: 67].

Выявленные сценарии самооценки, как мы уже отмечали, достаточно устойчивы, однако нельзя не отметить тот факт, что в последние годы наблюдается стремление к разрушению данных стереотипов, которое связано с переосмыслением понятия личность, самооценка, самодостаточность, самопринятие. Говорящие как будто стремятся избавиться от достаточно жестких рамок ценностно-коммуникативных норм, и в дискурсе появляются следующие образцы публичной самопохвалы:

– Вы считаете себя рок-исполнителем? – **Я считаю себя лучшим поэтом-песенником** (из телеинтервью с И. Сукачевым); – Почему вы **одна настолько яркая певица в России?** (наивысшая похвала уже содержится в вопросе телеведущего. – Т.Т.). – Потому что **я самая лучшая** (из телеинтервью с Л. Вайкуле); – Я прошел большой путь от сменного слесаря до премьер-министра. **И никогда я не совершал ошибок** (речь В.С. Черномырдина на праздновании его юбилея).

Даже учитывая специфику шоу-бизнеса и политики, которые базируются на рекламе и саморекламе, мы самопохвалу, вербализованную таким образом, воспринимаем как неадекватную.

Однако очевидно, что изменения в ценностной парадигме социума не могут не отражаться и на выборе говорящими того или иного сценария речевых действий.

Развитие социальной жизни общества приводит к коррекции ценностных парадигм, что отражается в первую очередь в лексической системе языка. Выше уже говорилось о появлении слова **саморекомендация** "информация о себе, сообщаемая при знакомстве, общении с кем-либо" [Словарь новых слов и значений 1995]. Кроме того, в речи современного социума зафиксированы следующие устойчивые выражения, которые пока не нашли отражения в лексикографических источниках: *сам себя не похвалишь – никто не похвалит; себя не похвалишь – засохнешь; себя не похвалишь – ходишь, как оплеванный; скромность – верный путь к забвению; скромность – удел бездарных.*

Подобные изменения связаны с изменениями в социальной жизни страны и с несомненным влиянием американских культурных традиций. Так, по мнению В.И. Шаховского, "яркими культурными знаками Америки являются гордость и самоуверенность" [Шаховский 1996: 87], связанные с осознанием того, что этот народ живет в "самой лучшей, могущественной и т.п. стране". Как пишет Г. Гачев, "в Америке – критерий активности человека и надежности: если уверен в себе и даже с апломбом, значит, несет содержание значительное, и такого надо брать в дело и верить ему... Такой, кто даже блефует, приемлем, ибо на блефе вначале (набрав первичный капитал пусть и блефом) может реальное дело затеять" [Гачев 1996: 206]. "Американцы любят хвастаться и не терпят критику" [Шаховский 1996: 87].

Указанное влияние отражается в поиске пригодных речевых стратегий, фиксируется в колебании интонационного оформления высказывания с семантикой положительной самооценки: либо извинительные интонация, улыбка и смущение, либо самоуверенный, надменный тон и высокомерное поведение. Сегодняшняя языковая практика не дает в достаточном количестве примеров "нормы", когда спокойно, достойно, не смешно, не иронизируя над собой, не впадая в надменность или самоуничижение, говорящий актуализирует высокую самооценку.

Таким образом, анализ высказываний с семантикой самопохвалы позволил выявить единицы когнитивного уровня, организующие данный участок дискурса. Ими являются "знания – мнения" разных типов: о ценностной ориентации тех или иных понятий, о сценариях определенных речевых действий, о семантико-прагматической специфике языковых знаков. Владение этими разнородными знаниями позволяет говорящему субъекту породить и адекватно интерпретировать высказывания, воплощенные в жанр самопохвалы. Кроме того,

анализ этого фрагмента ЭОД позволяет выявить и те модификации, которые наблюдаются в последнее время в ценностной парадигме говорящего социума.

Нами выявлены основные интенции высказываний с семантикой самопохвалы, а также определены и проанализированы наиболее распространенные речевые стратегии языкового предъявления речевых актов позитивной самооценки.

2.4. Интенция выражения оценочного суждения

Эта интенция говорящих обычно реализуется с помощью рационально-оценочных языковых единиц. Эмотивно-оценочная лексика предназначена, в первую очередь, для вербализации эмотивной оценки.

Однако включение дополнительных критериев в систему ее исследования, таких, как языковая и психологическая специфика говорящего субъекта, его интенции и предпочтительные стратегии, а также и коммуникативная ситуация, позволяют в типичном употреблении ЭОЛ выявить особенности соотношения компонентов в ЛЗ, функционально-прагматическую специфику знака, а также получить материал, значимый для понимания механизма порождения эмотивно-оценочного речевого акта.

Анализ языкового материала под заданным углом зрения позволяет выделить еще одну функциональную разновидность дискурса, лексическая организация которого базируется на употреблении ЭОЛ.

ЭОЛ организует высказывания, предназначенные для выражения, главным образом, оценочного содержания. Эмоциональное состояние говорящего не актуализировано в речи, "эмотивность" в структуре высказывания практически нулевая или приближающаяся к минимальному уровню. Можно приравнять ЭОС по его оценочному потенциалу к единицам номинативно-рационального типа. Естественно, прагматическая нагрузка ЭОС в дискурсе будет иной. Рассмотрим ряд примеров:

1. При самой заурядной внешности и отчасти сознательно выработанном умении не бросаться в глаза Иван Авдеевич – Синцов уже давно понял это – был человек умный и твердый в суждениях о людях, в том числе и о тех, от которых зависел по своей солдатской должности. К Богословскому... он относился со снисходительной добротой, как к человеку слабому, но хорошему. А какого-то неизвестного Синцову капитана... откровенно вспоминал как придурка. И когда Ильин, с его молодой строгостью, вдруг зайдя и услышав воспоминания Ивана Авдеевича об этом капитане, оборвал его: "Так о командирах не говорят!" – Иван Авдеевич, держа руки по швам спросил:

– А как же теперь быть, товарищ лейтенант, коли он хотя и капитан, а воистину придурок? (К.Симонов. Солдатами не рождаются).

2. Антон и Лева иногда заходили к Глебову. Они считали, что он парень ничего, не очень-то большой **о г л о е д** (разрядка Ю. Трифонова. – Т.Т.). Большинство ребят в нашем классе были, конечно, **о г л о е д ы...** Мы с Антоном называли **о г л о е д а м и** тех, кто ограничивал свои знания школьной программой, и **с в е р х о г л о е д а м и** именовали отличников (Ю. Трифонов Дом на набережной).

3. Все это в высшей степени относится к искусству. С какой бы скоростью и куда бы ни катился мир, искусство не должно спешить, как хороший врач или священник. Поэтому мне **противны** всякие **новаторские кривляния**, как бы **поспешающие за ритмами века**. Они **упускают главное**. (Ф.Искандер. Знамя. 1989. №5).

Во всех приведенных фрагментах текстов фигурирует ЭОЛ, обычно выражающая симультанно оценку и эмоцию говорящего. Однако эти тексты содержат специфические показатели, актуализирующие оценочное содержание слова и нейтрализуют эмотивные компоненты значения. Каковы же текстовые условия реализации и доминирования оценочного содержания?

Во-первых, оценка вводится, как правило, предикатами ментального действия (**знать, считать, думать, полагать, быть уверенным, размышлять, иметь мнение / суждение и др.**), актуализирующих уровень когнитивной нагрузки, ментальных действий, результат которой отразился в представленных оценочных суждениях-мнениях. Ср.: **они считали... его принимали за... был человек умный и твердый в суждениях... мы здесь ломаем голову... и др.** В последнем фрагменте текста Ф.Искандера подобные показатели отсутствуют, однако в контексте всего произведения, содержащего размышления автора о роли искусства в мире, о его специфике "у них" и "у нас", о писателе и его творчестве, и данный фрагмент воспринимается как акт ментального освоения проблемы. Видимо, и в предикате **противны** совмещается семантика разных ЛСВ этого слова: **противоположный, несогласный, в противоречии с чем-либо; не нравится (МАС)**, которые также свидетельствуют, скорее, о рациональной, чем эмоциональной реакции на событие.

Во-вторых, в подобных фрагментах текста присутствует развернутая, сильная аргументация оценочного суждения, иными словами, актуализация оценочных оснований. Ср.: **...мне противны всякие новаторские кривляния... Они упускают главное; называли оглоедами тех, кто ограничивал свои знания школьной программой; его принимали за ловчила, очень изобретательного, который успешно и стремительно делал карьеру: он в бюро, в комитете, там, сям и лучших девиц взял сразу на крючок...**

В-третьих, наблюдается подчеркнута неэмоциональная интонация, которая в письменном тексте проявляется следующим образом: отсутствие знаков препинания (например, восклицательных знаков); отсутствие специфических ха-

ра характеристик речи персонажей (глаголов речи типа **заорать, прошипеть, воскликнуть**; наречий образа действия); отсутствие скопления эмотивно-оценочных единиц, свидетельствующих о наличии какой-либо эмоции в высокой степени ее проявления [Шаховский 1987]; отсутствие междометий и каких-либо специальных описаний проявления эмоциональных состояний. Все эти признаки в совокупности или отдельно проявляются в тексте, актуализирующем эмоциональное состояние и отношение говорящего (ср.: *На восьмом этаже Редрик вышел, грохнул за собой дверь и, чтобы отвести душу, громко, старательно произнес: – Черт тебя дери, карга старая, вместе с сопляком слюнявым, шоколадным... (Стругацкие Пикник на обочине).*

В-четвертых, о доминировании оценочного содержания в высказывании свидетельствует специфическая реакция адресата, воспринимающего текст как суждение о ценностях, а не "спускание эмоционального пара" или организацию особого типа общения. Ср.: – *Я считаю вас негодяем. – На каком же основании? Ваша речь оскорбительна... (И. Стрелкова. Дерево жизни); – Не думаю, что ты справишься. Это дело тебе не по зубам. Да не смотри ты так на меня! – Поступай как знаешь! Я навязываться не собираюсь! – обиделся Алексей (К. Столяров. Федор Терентьевич).*

Адресат либо принимает, либо не принимает оценку самого себя или третьего лица. Можно выделить основные типы речевого поведения получателя оценки: 1) встречный комментарий оценочного суждения с точки зрения правомерности, адекватности, достоверности оснований оценки, выбора соответствующего средства оценки, уместности и перлокутивной силы; 2) эмоциональная реакция (обида, оскорбление, унижение, гнев, возмущение, благодарность и др.). Следует подчеркнуть, что существует реакция адресата, вызванная оценочным суждением, и реакция получателя на манеру речи, содержащей ЭОЛ, отличающуюся разговорно-сниженным характером, иногда вульгарной окраской, которую можно квалифицировать как бранную. В приведенных примерах высказывание прочитывается как оценочное суждение, о чем свидетельствует реакция адресата (**На каком же основании? Вы меня оскорбляете! ...обиделся Алексей**). В качестве контраста приведем еще один пример: – *Вот видишь, Лейка, – сказал смеющийся голос. – Я же тебе говорил: не надо к нему идти. Этот зазнавшийся подонок меня даже не узнает... (после этого герой узнает девушку и идет описание теплой встречи. – Т.Т.) (А.Крон. Бессонница).*

В отличие от примеров, приведенных выше, в последнем выделенные элементы не выполняют оценочной функции: нет оснований для употребления эмотивно-оценочной единицы **подонок** (низкий, подлый человек; подлец – МАС), отличающейся категорично отрицательным эмотивно-оценочным содержанием. Кроме того, показательна реакция адресата: он через минуту будет

обнимать субъекта, прибегшего к помощи ЭОЛ, верно прочитав основную интенцию говорящего – напомнить об особых, близких отношениях, допускающих подобную лексику, которая в их общении теряет оскорбительно-оценочные коннотации, становясь знаком особого типа общения.

В-пятых, в определении коммуникативно-прагматической нагрузки ЭОС, а именно доминирования оценочного содержания, существенную роль играет фактор говорящего субъекта: *его темперамент, эмоциональное состояние в момент речи, языковой вкус, уровень владения коммуникативно-прагматическим потенциалом ЭОС, умение переключать языковые регистры, коммуникативная ситуация, взаимоотношения коммуникантов.*

Выше уже говорилось о том, что вербализация преимущественно оценочного содержания с помощью ЭОЛ происходит на достаточно спокойном эмоциональном фоне, "включенными" оказываются ментальные механизмы. Кроме того, весьма существенными оказываются критерии языкового вкуса, с одной стороны, и уровень владения личностью разными подсистемами русской лексики, – с другой. Иначе говоря, актуальным становится вопрос выбора и интерпретации языкового знака говорящим субъектом. Выбор лексической единицы (ЭОС) обусловлен, с одной стороны, интерпретационными возможностями лексической системы (того языкового фильтра, через который мы воспринимаем, отражаем, оцениваем действительность), а с другой стороны, интенциями говорящего субъекта, его вкусовыми предпочтениями, языковой и речевой компетенцией. В лексиконе говорящего коллектива ЭОЛ занимает специфическое место, определяемое эмотивно-оценочным содержанием и сниженно-разговорной окраской. Именно комплексная эмотивная и оценочная семантика детерминирует употребление слова. Однако, как было показано выше, комплексная семантика ЭОЛ может реализоваться "частями", причем касается это не только денотативного многокомпонентного значения, но и компонентов "эмотивность" и "оценочность". Что же предопределяет выбор эмотивно-оценочного слова в ситуации, когда говорящий не склонен актуализировать свое эмоциональное состояние, а скорее, настаивает на рациональных основаниях своего оценочного суждения? Эта интенция говорящих может быть удовлетворена с помощью предназначенных для этой роли лексической системой рациональных оценочных единиц (**хороший, смелый, добрый, интересный, серьезный (труд), трудолюбивый, ответственный, правдивый** и др.). Однако в речи появляется **придурок, кривляния, оглоед** и др. как результат **размышления и анализа** ситуации (см. примеры 1, 2, 3). Причин появления ЭОС может быть несколько, и все они так или иначе связаны с человеческим фактором.

К факторам, определяющим выбор ЭОЛ для выражения оценочного суждения, можно отнести следующие:

1. Для говорящего в семантике ЭОЛ привлекательными являются следующие моменты: интенсивность и категоричность оценочного содержания. Ср.: **негодяй, подлец, идиот** характеризуют лицо, обладающее теми или иными качествами в высокой степени их проявления, а главное, являющимися постоянными признаками субъекта (именно это мотивирует приписывание лицу соответствующей характеристики) [Трипольская 1985]. Интенсивность проявления качества, признака, а также сам характер этого признака определяют и качество, и категоричность оценочного содержания.

2. Разговорный характер ЭОЛ определяет ее использование в определенных областях коммуникации.

3. Место лексической единицы в лексиконе говорящего субъекта, ее актуальность и связи в лексической парадигме. Появление ЭОЛ, например, маловероятно в дискурсе языковой личности, явно не склонной оперировать этим лексическим фрагментом в силу самых разных причин (языковой вкус, предпочтительный тип общения и др.), и более вероятно в речи субъекта, предпочитающего в ряде ситуаций ЭОЛ.

Для симоновского героя слово **придурок** (см. пример выше) не есть экспрессивная характеристика лица, но оценочная номинация человека, не обладающего нормальным интеллектом. Ср.: Иван Авдеевич получает выговор за фамильярное слово, которое предназначено для выражения отрицательного эмоционального отношения и отрицательной оценки (Ильин оборвал его: "*Так о командире не говорят!*"), однако он настаивает, объясняя выбор слова: "*А как же теперь быть...коли он хотя и капитан, а воистину придурок?*" То есть слово для говорящего – знак, выражающий недостаточный уровень интеллекта и, следовательно, несущий оценочное суждение говорящего по этому поводу. Стоит отметить, что в лексической парадигме характеристик интеллекта имеются эмотивно-оценочные слова со сходной семантикой (**полудурок, придурковатый** др.), рациональная же оценка **глуповатый** едва ли соответствует категоричному отрицательному суждению, которое герой адресует человеку с интеллектом, не соответствующим норме. Судя по контексту, это слово в лексиконе персонажа слабо дифференцируется со словами **дурак, идиот, тупица, дурень** и др. Оно, видимо, является наиболее предпочтительным и употребимым данной языковой личностью. Кроме того, требуется уточнить и словарную интерпретацию этой эмотивной оценки: "*придурковатый – глуповатый, умственно отсталый*". В МАС это слово сопровождается лишь пометой "разговорное", эмотивно-оценочное содержание никак не эксплицируется, а оно явно представляет собой комплекс презрительно-пренебрежительных эмотивных смыслов и категорично отрицательной оценки.

Видим, что выбор этой эмотивно-оценочной единицы обусловлен комплексом причин, среди которых основной является интенция говорящего выразить

оценочное суждение, а также место этого слова в личностном лексиконе говорящего.

Обратимся к примеру из "Дома на набережной". Там слово **оглоеды** появляется как результат ментальной обработки действительности, как знак оценочного суждения субъекта, знак классификационной деятельности говорящего. Однако на ведущую интенцию говорящего накладывается не менее важная в данной коммуникативной ситуации цель – обозначение языка малого социума: "это мы так говорим, это наше слово" (компания одноклассников – героев трифоновской повести – *Т.Т.*).

Таким образом, расширение и качественное изменение языкового материала, а также постановка задачи исследовать интенциональный рисунок эмоционально-оценочного дискурса говорящего субъекта позволяют выявить особый пласт высказываний, содержащий ЭОЛ, которые передают, вопреки словарной интерпретации этой лексики, оценочное суждение. А эмотивные смыслы в этих фрагментах дискурса нейтрализуются практически до нуля. Оценочная функция ЭОЛ осложняется, как правило, иными интенциями говорящего, а выбор ЭОС обусловлен целым рядом факторов.

2.5. Интенция выражения эмоционального состояния

ЭОЛ участвует в выражении эмоционального состояния и отношения субъекта к миру. Эта ее особенность выявлена и неоднократно описана в специальных лингвистических исследованиях [Петрищева 1984, Вольф 1985, Лукьянова 1986, Шаховский 1987, Телия 1986, 1991, Графова 1991, Пиотровская 1994 и др.]. Все исследователи единодушны в том, что ЭОЛ является показателем эмоционального состояния в высокой степени его проявления [Лукьянова 1986, Петрищева 1984], ЭОЛ, особенно ее скопление в дискурсе говорящего, служит своеобразным маркером эмоционального состояния языковой личности, проживающей "горячие" и интенсивные эмоции. Попытки привязать отдельные лексемы к определенному состоянию человека признаны нецелесообразными, так как, за исключением небольшого количества языковых единиц, тяготеющих к выражению определенного чувства или отношения (**тряпка**. 4. Разг., пренебр. О бесхарактерном, слабовольном человеке – МАС; **замухрышка**. Разг., презрит.-пренебр. Невзрачный, неряшливо одетый человек – Материалы к Словарю экспрессивной лексики. НГУ), ЭОЛ слабо дифференцируется с точки зрения связи с тем или иным эмоциональным состоянием. Это объясняется ее особой вариативной и диффузной семантикой, которая позволяет языковому знаку выражать достаточно широкий спектр эмоций. Если же учитывать "склонность" отрицательных эмотивных оценок к речевой энантиосемии, то ЭОЛ может рассматриваться как универсальный знак эмоционального состояния в высокой степени его проявления. Обратимся к фрагментам дискурса, реа-

лизирующим выражение эмоционального состояния, и выявим его языковые актуализаторы.

Тот факт, что ЭОЛ выражает эмоциональное состояние говорящего, доказан с помощью простейших экспериментов, заключающихся в интервьюировании информантов, которым предлагались высказывания-реплики, насыщенные ЭОЛ и не содержащие описаний состояния субъекта. Информанты определяли наличие той или иной эмоции, содержащейся в высказывании [Петрищева 1965].

Опираясь на полученные ранее результаты, попытаемся сформулировать следующие задачи: 1) выявить и описать текстовые актуализаторы семантики эмоционального состояния говорящего субъекта; 2) исследовать процесс перерождения оценочных и эмотивных смыслов в ЛЗ исследуемого слова: погашение оценочной и актуализацию эмотивной семантики; 3) описать соотношения оценочной и эмотивной интерпретационной деятельности говорящего субъекта.

1. Текстовые актуализаторы семантики эмоционального состояния

Расширив языковой материал от уровня контекста до текстового фрагмента, описывающего коммуникативную ситуацию, мы выявляем текст-описание, включающий языковые маркеры эмоционального состояния (ЭС): речь, движение, мимику, жесты, физиологические реакции человека, сопровождающие его состояние, то есть одновременно рассматриваем выражение и описание ЭС. При сопоставлении данных лингвистики об эмотивных смыслах с психологическими исследованиями эмоций выясняется, что основная информация об эмоциональном состоянии субъекта передается прежде всего через невербальные средства коммуникации (жесты и мимику), далее по значимости стоит интонация, лишь затем идет уровень лексических единиц. Наблюдения и эксперименты позволили дать описание отдельных эмоциональных состояний человека (речь идет о фундаментальных эмоциях), выяснилось, что каждой из фундаментальных эмоций соответствуют определенные физиологические изменения, физические действия субъекта. Так, расширенные ноздри, сжатые в кулаки руки и вытянувшееся, немного поданное вперед тело говорят об испытываемой агрессии, гневе, раздражении. Наблюдаемые проявления эмоций принято называть симптомами [Изард 1980]. Они характеризуются повторяемостью, воспроизводимостью и сочетаемостью (они наблюдаются в совокупности, но набор симптомов может несколько варьироваться). Это позволяет принять симптомы эмоций за систему кодов или язык. Именно этот код эмоций и является отправной точкой в исследовании текстов, эксплицирующих описание и выражение эмоциональных состояний, мотивируя обращение к комплексному анализу соответствующих текстовых фрагментов, в которых содержатся все указанные маркеры эмоционального состояния. Ср.:

Но вдруг он прислушался и, сделавши **страшное лицо**, побежал в сторону и скоро исчез за деревьями, в облаках дыма.

– Кто это привязал лошадь к яблоне? – слышался его **отчаянный, душу раздирающий крик**. – Какой это **мерзавец и каналья** осмелился привязать лошадь к яблоне? **Боже мой, боже мой! Перепортили, перемерзили, пересквернили, перепакостили!** Пропал сад! Погиб сад! Боже мой!

Когда он вернулся к Коврину, лицо у него было **изнеможенное, оскорбленное**.

– Ну что поделаешь с этим **анафемским** народом? – сказал он **плачущим голосом, разводя руками** (Чехов. *Черный монах*).

Волнение, отчаяние, гнев и бессилие героя ("эмоциональные переживания, вероятно, гораздо чаще встречаются в виде сложных последовательностей, чем изолированно" [Ортони, Клоур, Коллинз 1996: 350-351]) переданы с помощью описания лица, особенностей движения и, главное, особенностей речи, ее интонационной окраски, громкости, тембра. На вербальном уровне маркерами ЭС являются междометия, эмотивно-оценочные слова, лексический повтор, эксплицитный высокий уровень эмоционального накала.

Учитывая семантическую диффузность и вариативность ЭОЛ, можно предположить, что язык предоставляет для выражения ЭС практически неограниченный набор лексических средств. Однако у говорящего задействованным оказывается небольшой объем ЭОЛ, которую он приспособливает для реализации различных интенций. Так, у него существуют некоторые шаблоны, сочетания ЭОС, минимально варьируя которые, он выражает эмоциональное состояние. Повторяемость вербальных реакций соотносима с повторяемостью комплексов симптомов тех или иных эмоций. Обратимся к дискурсу данной языковой личности. В том же тексте А.П.Чехова ("*Черный монах*") герой неоднократно выражает тревогу, отчаяние, страх, гнев по поводу небрежного отношения к саду с помощью одной и той же тирады. Ср.: *Но тут настоящий Егор Семенович, спохватившись, делал страшное лицо, хватал себя за голову и кричал: – **Черти! Пересквернили, перепоганили, перемерзили! Пропал сад! Погиб сад!*** (Чехов. *Черный монах*).

В первом случае ЭС порождается предварительной оценочной интерпретацией события (герой фиксирует действие третьего лица, оценивает его как отрицательное, что вызывает отрицательное эмоциональное состояние. Во втором – постоянные страх и отчаяние за судьбу сада трансформируются в гнев, возмущение и отчаяние. ЭОЛ же в контекстах подобного типа свидетельствует об отрицательном ЭС, а оценочная семантика явно не актуализирована: **мерзавец, каналья** не характеризуют *мерзкого, подлого человека, негодяя или плута*,

мошенника, пройдоху (МАС), а оценочная семантика глаголов **пересквернить, перепоганить, перемерзить** не соответствуют реальному положению вещей.

Привычный комплекс эмоций (их сочетаемость тоже обусловлена повторением одной ситуации-каузатора) определяет и выбор языковых средств выражения, которые также становятся привычными, в какой-то степени автоматическими : стимул – реакция. Однако их повторяемость превращает выражение эмоции в некий ритуал, который помогает человеку "выпустить эмоциональный пар" и выйти из отрицательного эмоционального состояния.

Наблюдение над дискурсом разных языковых личностей, выражающих с помощью ЭОЛ свое эмоциональное состояние, подтверждает предположение о достаточно однообразных вербальных комплексах (допускающих, однако, определенное варьирование), которые являются типовой реакцией на сходные эмоциональные раздражители. Ср: *У меня одних теток штук пятьдесят, – и все эти мои двоюродные подонки... Вокруг были одни подонки, честное слово... (Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи / пер. Р. Райт-Ковалевой).*

В повести герой пребывает в состоянии эмоционального возбуждения (раздражение, гнев, отчаяние, ненависть и др.), и ЭОЛ в его речи – показатель этого возбуждения и отрицательного отношения к миру. Набор лексем с подобной эмотивной семантикой невелик: **подонки, мерзкий, дурацкий, ужасный, отвратительный**.

В области выражения эмоционального состояния отмечается бедность лексического состава, его дублированность, своего рода, закрепленность за различными эмоциями (либо положительной, либо отрицательной ориентации). Как известно, в разговорной речи, эмоционально окрашенной и спонтанной, также наблюдается "сужение" лексического пространства [Земская, Китайгородская 1981, Сиротина 1974]. Эмоциональный накал является своего рода тормозом, затрудняющим поиск нужного лексического элемента, и говорящий субъект обращается к ранее освоенному фрагменту вербальных сетей, выражающему ту или иную эмоцию или комплекс эмоций. В состоянии эмоционального возбуждения уменьшается "проводимость" вербальных сетей и ослабевают ассоциативные связи между смысловыми элементами. Эксперименты А.Р.Лурия доказывают, что смысловые связи в семантической генерализации ослабевают, когда говорящий пребывает в состоянии крайней усталости, стресса, аффекта [Лурия, Виноградова 1971]. Исследуя дискурс языковой личности, мы вводим понятие предпочтительных лексических единиц, понятие языкового вкуса. Применительно же к выражению ЭС следует внести некоторые коррективы: выбор и интерпретация языкового знака обусловлены, в первую очередь, эмоциональным состоянием говорящего, а во вторую, – его вкусовыми и личностными свойствами.

В следующем примере ЭОЛ является вербальным (не единственным!) средством выражения бешенства, причем немногочисленность ЭОЛ объясняется тем, что субъект стремится гнев подавить. Ср.:

*...Он смотрел на людей у столба, на рослого черного мокреца в тренировочном костюме, пропитанном водой, на мальчика, который тоже был без плаща, в промокнутом костюмчике и сандалиях, и на девочку, босую, в платье, облепившем тело. Затем он **рывком распахнул дверцу и выскочил на дорогу... Он ощутил приступ нестерпимого бешенства... На негнущихся ногах он подошел вплотную к мокрецу.***

*–Что здесь происходит? – **выдавил он сквозь зубы.** А потом девочке, глядевшей на него с удивлением: – **Ирма, немедленно иди в машину!** – А потом снова мокрецу: – **Черт бы вас побрал, негодяи,** что вы делаете? – И снова Ирме: – **Марш в машину, кому говорят!?** (Стругацкие. Гадкие лебеди).*

Сочетание императива и ЭОЛ, имеющих разных адресатов, свидетельствуют о состоянии бешенства, которое представлено в тексте-описании. Данное ЭС вызвано предшествующим страхом за судьбу девочки. Оценочная семантика ЭОЛ остается не востребованной: предыдущий текст убеждает, что оценка адресата героем не лежит в сугубо отрицательном поле.

Следующий пример демонстрирует выражение последовательности эмоций страха и порожденного им раздражения:

*Щекн вдруг исчезает. Только когти шарахнули по асфальту. И вот он уже около будки, и поздно уже кидаться за ним, хватать за задние ноги, волочить **дурака** прочь, и скорчер мой теперь уже совершенно бесполезен, а **проклятый Голован** приоткрывает дверцу и долго, бесконечно долго смотрит внутрь "стакана"... Потом... возвращается... Щекн униженный. Щекн уничтоженный. Щекн, безоговорочно признавший свою полную непригодность... Я гляжу на "стакан", чувствуя, как струйки пота на висках высыхают, стягивая кожу, как уходит из мышц мучительная дрожь, сменяясь тоскливой тягучей болью, и больше всего на свете мне хочется сейчас **прошипеть: "С-скотина!..."** и со всего размаха, с рыдающим выдохом **залепить оплеуху по этой унылой, дурацкой, упрямой, безмозгой лобастой башке.** Но я говорю только: – Нам повезло... (Стругацкие. Жук в муравейнике).*

Пережитая эмоция страха в высокой степени своего проявления требует выражения и снятия, для чего говорящий прибегает к ЭОЛ, в которой эмотивно-оценочное содержание сочетается с компонентом "интенсивность". Именно интенсивность эмотивных смыслов делает эту лексику пригодной и оправданной, а денотативно-оценочное содержание языкового знака не актуализируется говорящим.

Таким образом, ЭОЛ служит маркером ЭС говорящего, более того, для языковой личности, возможно, существуют ЭОС, являющиеся относительно за-

крепленным языковым средством выражения определенных эмоций. Оценочное содержание языкового знака в данных коммуникативных ситуациях нейтрализуется, кроме того, оценка события, факта, лица говорящим в предтексте может идти вразрез со знаком эмоционального проживания ситуации.

Оценочная немотивированность ЭОЛ в дискурсе, интенционально ориентированным на выражение ЭС, делает данные лексические единицы сходными с бранным употреблением ЭОЛ. В целом соглашаясь с разграничением бранной и эмоциональной окрашенной лексики (однако, отмечая неудачность принятой в книге терминологии), предложенной Е.Ф. Петрищевой [1984], внесем ряд коррективов, которые становятся очевидными, если в анализе фрагментов дискурса во главу угла поставить критерий интенционального рисунка высказывания. Бранная лексика (а в этой функции могут употребляться практически любые ЭОС) является обязательно адресатно ориентированной. Цель ее – задеть, оскорбить, унижить, обругать адресата. Это делает необходимым присутствие собеседника, которому адресовано бранное высказывание. Эмоциональное состояние говорящего, безусловно, способствует появлению бранной лексики [Петрищева 1984], однако главную роль будет играть интенция воздействовать на адресата (см. раздел об интенции воздействия говорящего субъекта, употребляющего ЭОЛ). В высказываниях, ориентированных на выражение ЭС говорящего субъекта, ЭОЛ, в том числе и относимая к бранной, выполняет другую функцию – функцию выражения и снятия эмоций. Здесь бранимый субъект может отсутствовать (примеры из "Черного монаха"), это могут быть фрагменты внутреннего монолога, представленные в художественном тексте, а получателем дискурса является субъект, не являющийся каузатором вербализованной эмоции. Именно фактор адресата и характер интенций говорящего субъекта позволяют дифференцировать внешне сходные характеристики ЭОЛ, отличающейся десемантизацией предметного содержания и актуализацией семантики "плохо" (именно эти признаки бранной лексики выделяет Н.Д.Арутюнова [1980]).

Во всех проанализированных фрагментах содержатся, кроме разобранных нами языковых средств выражения ЭС и ЭО, лексические показатели, описывающие эти эмоциональные состояния: *отчаянный, душу раздирающий крик, страшное лицо, плачущий голос; он ощутил приступ нестерпимого бешенства, выдавил сквозь зубы, чувствуя, как струйки пота высыхают на висках, стягивая кожу, как уходит из мышц мучительная дрожь, сменяясь тоскливой, тягучей болью* и др. **Они являются яркими маркерами основной интенции говорящего – выразить свое ЭС.**

Итак, мы охарактеризовали специфические лексические черты эмотивного дискурса. Были выявлены словарное однообразие, небрежность, автоматизм в выборе слова, отсутствие саморедактирования. Все эти особенности лексиче-

ского воплощения целеустановок говорящих могут показаться бесперспективными с точки зрения характеристики говорящего субъекта. Однако это не так. И в этой ситуации мы можем наблюдать проявление языковых и психологических особенностей личности. Неконтролируемость лексического материала, пренебрежение коммуникативными нормами и правилами делают личность очень открытой и уязвимой: здесь проявляется в полной мере его пристрастия, вкусы, привычки, аксиологические ориентиры, а также умение переключать языковые регистры. Ср.:

Нина кинулась к отцу, прося вступиться. Но специалист по журнальной деятельности Ульянова-Ленина был в бешенстве. Зятя он называл не иначе, как грязным антисоветчиком, вонючим предателем и змеей, пригретой на его, тестя, груди. Колотя себя по затылку лбу, он кричал о волке, коего сколь не корми, а он сожрет вдвое и еще харкнет тебе в морду (Стругацкие. Дьявол в городе).

В этом текстовом фрагменте представлена речь героя, выражающая эмоцию гнева (бешенство) сугубо специфическим образом. Здесь нет стандартных **сви- нья, подлец, негодяй**, однако употребленные слова для субъекта являются наиболее привычными, типичными, как и для его референтной группы, словами власти, уничтожающей инакомыслящих. Сказывается и область профессиональной деятельности героя (изучает журналистику Ульянова-Ленина): бранная экспрессивная лексика и фразеология разговорного употребления соседствует с книжными элементами (**сколь, коего**).

Когда мы говорим о стандартности языковых средств эмотивной оценки, надо учитывать, что речь идет не о каком-то абстрактном стандарте для всех, испытывающих эмоциональный накал, а о той наиболее частотной, легко всплывающей в памяти лексике, которая у каждого говорящего "наготове" для подобных коммуникативных ситуаций. Конечно, можно очертить примерный фрагмент словаря, который характерен для говорящего коллектива, выражающего ЭС. В первую очередь это лексика с наиболее диффузным и вариативным значением, "склонная" к десемантизации денотативного содержания. У каждого же человека имеется свой предпочтительный минимум. И этот минимум оказывается весьма информативным для экспликации языковой личности: в приведенной примере ("Дьявол в городе") используемая лексика является показателем не только ЭС и ЭО к объекту характеристики, но и сообщает о ценностных ориентирах говорящего, стандартности (несамостоятельности) мышления, отходе от общечеловеческих ценностей, о владении особым слоем бранной лексики, свойственной классово ориентированной журналистике. Прием уничтожения классовых врагов с помощью слова, их компрометация бранной лексикой – основа эмотивно-оценочного дискурса героя Стругацких.

Таким образом, под влиянием "горячих", интенсивных, объектно ориентированных и оценочных эмоций [Изард 1980] оценочная семантика "размывается" в эмоции, что требует и соответствующего лексического воплощения – слов, в семантике которых имеются связанные между собой, но в то же время и дискретные компоненты "эмотивность" и "оценочность", которые легко актуализируются или, наоборот, погашаются, а денотативное содержание является вариативным, диффузным, "склонным" к десемантизации.

2. Утрата критериев и оснований оценки в высказываниях указанного типа

Основными признаками оценочного суждения и, соответственно, обязательными элементами оценочного высказывания являются основания и критерии оценки, которые могут быть вербализованы в речи [Вольф 1985, Япон 1989]. Именно эти элементы высказывания мы используем в качестве одного из языковых средств определения интенционального рисунка эмотивно-оценочного дискурса. Основания оценки либо эксплицируются говорящим субъектом, либо он исходит из того, что адресату известно, что послужило поводом для оценочного суждения. Критерии или аксиологические ориентиры говорящего коллектива, как правило, остаются на уровне пресуппозиции, однако в ряде случаев они актуализируются в речи: когда говорящий намерен подчеркнуть специфику своей ценностной картины мира или когда ему важно сопоставить критерии приписывания оценок адресата и самого себя. Эти важнейшие элементы оценочных высказываний опускаются, когда основной целью говорящего становится выражение эмоций. Второй сопутствующей чертой таких высказываний является, как было отмечено выше, их слабая адресатность – адресат, его реальное присутствие в коммуникации, его реакция и т.д. не являются для говорящего существенными факторами коммуникативного акта.

Обратимся к фрагментам дискурса, в которых языковая личность стремится выразить свое ЭС с помощью ЭОЛ, в семантике которой оценочные элементы практически нейтрализуются. Ср.: *Счастливейший день. ...*(автор дневника оказывается в Лондоне – Т.Т.)... *Подъехала машина и в ней жена Пьера – с мальчиком Мишей 8 месяцев – умное глазастое лицо – прелестный мальчуган... Прелестная река – виды великолепные, серая белка прыгает, как кенгуру, в траве, в воде лебеди и кажется, будто и белка и лебеди здесь с 1320 или с 1230 года...*

Я забыл описать, что третьего дня происходила церемония, при помощи которой меня превращали в Litt. Doctor. Процедура величественная... На меня надели великолепную мантию... Читал я легко, непринужденно, почти без подготовки – и к своему удивлению имел громадный успех... Марина чудесный

товарищ... сэр Морис Баура повез нас в свою гениальную квартиру... две прелестные комнатки...

Встретил нас С.А.Коновалов без шапки – бесконечно милый... Был Бойлен Library – чудо! ...Чудесное издание Газлита – и красота дивная, гармоничность всего архитектурного ансамбля на меня подействовала как музыка. Видел прелестные рисунки Сомова... (К.Чуковский. Дневники). В тексте сохранена пунктуация автора.

Автор текста пребывает в счастье, что задает оценочно-модальную рамку его восприятия действительности: все, что он видит, все, с кем он общается, все, что с ним происходит, и даже самого себя он квалифицирует как в высшей степени привлекательное. В свете анализа всего эмотивно-оценочного дискурса этой языковой личности следует отметить типичный способ языкового реагирования на "положительные" раздражители: **дивный, прелестный, чудный, чудо, великолепный, чарующий** и др. являются предпочтительными эмотивно-оценочными словами в сходных коммуникативных ситуациях. Эмоциональное состояние говорящего субъекта, безусловно, влияет на отношение человека к миру в целом, на его аксиологическую деятельность.

Нам предстоит ответить на вопрос о том, с чем мы имеем дело: с **эмотивной оценкой** или с **эмоциональным отношением**. В лингвистической литературе эти понятия терминологически не определены, поэтому в исследованиях актуализируется либо общее, либо отличное в содержании этих понятий. Обратимся к словарям разных типов и к специальным работам психологов и философов. **Оценка** в известной работе А.А. Ивина определяется как суждение о ценностях [Ивин 1970]. В МАС предлагается следующее толкование *мнение, суждение о качестве, достоинствах, значении кого-, чего-либо*. **Отношение**, в свою очередь, понимается как *взгляд на что-либо, восприятие, понимание чего-либо, тот, или иной характер поведения, обращения кого-либо с кем либо, взгляд* (элемент предыдущего толкования) трактуется как *мнение, суждение по поводу кого-, чего-либо*. Общность смысловых элементов в семантических структурах многозначных слов очевидна: отношение к кому-, чему-либо базируется на мнении, суждении об этом лице или предмете. Русский ассоциативный словарь тоже фиксирует смысловую связь между этими понятиями: *стимул относиться вызывает реакцию оценивать, оценка, хорошо, плохо, доброжелательно, безразлично, положительно, с презрением, симпатия, чувствовать, нормально, отлично, офигенно, равнодушно, ругать, ругаться, чувство*.

Как видим, *отношение* говорящие понимают как проявление какой-либо эмоции (*чувствовать, чувство*), направленной на адресата, – все реакции делятся на положительные (*доброжелательно, симпатия*) и отрицательные (*с презрением, ругать, ругаться*) . К ним же примыкает и блок так называемых безразличных реакций (*безразлично, равнодушно*), так как подобное эмоциональное

недифференцирование говорящие квалифицируют, скорее, как минус, чем плюс, так как в подобных случаях актуализируется тот факт, что объект ни в какой отношении не является привлекательным для субъекта отношения. Еще один тип реакций (*хороший, плохой, отлично, нормально, офигенно*) позволяет связать понятие **отношение** не только с эмоциональным состоянием, но и с рациональной интерпретацией событий. Таким образом, **отношение** можно трактовать как характер обращения с кем-, чем-либо, базирующийся на а) суждении о ценностях (*хорошее отношение, серьезное отношение* и др.) и на б) эмоциональном состоянии субъекта. В речевых актах мы сталкиваемся с отношениями рационального и эмоционального плана. Если первое по сути есть оценка, второе – лишь почва для оценочного суждения, база, на которой может возникнуть или не возникнуть суждение о ценностях, сопряженное с эмоциональным отношением говорящего.

Возвращаясь к фрагменту дневникового текста, отметим, что в нем представлено эмоциональное отношение к окружающему миру, причем его характер определяется эмоциональной доминантой **счастлив** (*состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-либо*). А состояние довольства явно тяготеет к положительному взгляду на мир. **Прелестный** "*вызывающий восхищение*", **восхищение** "*высшая степень удовлетворения, удовольствия, восторг*". Это прилагательное, как и прочие эмотивно-оценочные слова в этом тексте, актуализирует, в первую очередь, семантику положительных эмоциональных состояний и отношений, а значение высокой степени положительной оценки занимает смысловую периферию.

Действительно, вся ЭОЛ в текстовом фрагменте дневника К.И. Чуковского не выражает собственно оценочных значений: для говорящего становятся несущественными основания и критерии оценки, в его дискурсе отсутствует имплицитно (или эксплицитно) присутствующий в любом акте оценки момент сопоставления объекта оценки с существующими стандартами и образцами. Все объекты представляются привлекательными, то есть располагающими к чувству любви.

Теперь проанализируем текстовый фрагмент, в котором языковая личность пребывает в противоположном эмоциональном состоянии:

И опять капитан, положив локти на стол, горячо уверяет художника, что есть только одна правда на свете – злая и низкая. – Ты посмотри кругом, говорит он, только вспомни всех тех, что ежедневно видим мы с тобой в пивной, в кофейне, на улице! Друг мой, я видел весь земной шар – жизнь везде такова! Все это ложь и вздор, чем будто бы живут люди: нет у них ни бога, ни совести, ни разумной цели существования, ни любви, ни дружбы, ни честно-

*сти, нет даже простой жалости. Жизнь скучный зимний день в грязном ка-
баке, не более... (Бунин. Сны Чанга).*

Здесь герой давно и окончательно несчастлив. Его отношение к жизни, оценка тех или иных событий лежит в плоскости отрицательной модальности. Внешне высказывания сходны с оценочными (**злая, низкая, ложь, вздор** и др.), имеются основания оценки (**нет бога, нет совести, нет любви** и др.), однако есть основания увидеть в этом фрагменте дискурса эмоциональное отношение, продиктованное ЭС героя. Во-первых, психологи квалифицируют подобные высказывания как обладающие высокой степенью генерализации (Бендлер, Гриндер). Ср.: **только одна правда, всех тех..., весь земной шар, везде, все, нет ни бога, ни совести, ни дружбы... – "ничего доброго"**. Адекватность оценки практически приближаются к нулю, поскольку объект оценки утрачивает реальные очертания, а основания оценки размываются. Остается лишь субъект эмоционального состояния и отношения к действительности. К.Изард считает эмоциональную систему определяющей мотивационной системой человека. Эмоции влияют на тело человека (система эмоциональных симптомов), они определяют восприятие действительности (обрадованный субъект склонен воспринимать мир сквозь "розовые очки", для страдающего или опечаленного человека характерна тенденция интерпретировать любые замечания как критические). Эмоции влияют и на мышление [Изард 1980: 21-23], следовательно, такому влиянию подвержены и ментальные оценочные акты.

В дневниковом тексте К.И.Чуковского наблюдается сходная ситуация: объектов приложения чувства приязни очень много, практически все, что в этот день попадает в поле зрения автора. Следовательно, утрачивается еще один признак оценочного речевого акта – определение объекта оценки и включение его в сопоставительный ряд с признанными стандартами и образцами.

Итак, в подобных фрагментах дискурса теряет определенность объект оценки (генерализация объекта оценки – в психологическом понимании этого термина), размываются или даже утрачиваются основания оценки, индивидуализируются и перестают соотноситься с представлениями об оценочных ориентирах, принятыми в социуме, критерии оценки. Эти процессы могут быть вербализованы в дискурсе и свидетельствуют, что в рассмотренных ситуациях преобладает эмотивная интерпретация события, подавляющая, а иногда и нейтрализующая аксиологическую деятельность субъекта.

2.6. Интенция создания определенной атмосферы общения

В процессе коммуникации говорящий многократно изменяет тип общения, приспособляясь к многим переменным коммуникативной ситуации: месту, времени, межличностным отношениям, собственным целеустановкам. М.М. Бахтин писал: "Новый тип общения всегда порождает и новые формы речевой

жизни: новые речевые жанры, переосмысление или упразднение некоторых старых форм и т.п. ... Например, когда двое вступают в близкие приятельские отношения, дистанция между ними уменьшается (они на "короткой ноге"), и потому формы речевого общения между ними резко меняются: появляется фамильярное "ты, меняется форма обращения и имени..., появляются бранные выражения, употребляемые в ласковом смысле, становится возможным взаимное осмеяние (где нет коротких отношений, объектом осмеяния может быть только кто-то "третий"...") [Бахтин 1990: 22].

Процесс подобного изменения типа общения Т.Г. Винокур называет "коммуникативной интимизацией" [Винокур 1993: 103].

Насыщенный ЭОД преследует цель регулировать коммуникативный процесс, создать определенный тип общения: неофициальный, дружески фамильярный или грубо-фамильярный. В высказываниях с указанными целеустановками ярко прослеживается амбивалентность ЭОЛ: в зависимости от особенностей речевого акта одни и те же единицы могут создавать прямо противоположный тип общения. Какие же семантические механизмы обеспечивают такую коммуникативную амбивалентность?

Во-первых, это специфика диффузного эмотивно-оценочного значения, в котором коннотативное содержание представлено семами разных рангов (эмотивная оценка от категорично отрицательной до снисходительно-насмешливой, например), во-вторых, "склонность" эмотивно-оценочного содержания к речевой энантиосемии, в третьих, возможные процессы актуализации и погашения (нейтрализации) коннотативных компонентов, их семантическая конкуренция со стилистическим значением в содержательной структуре слова. Таким образом, реализуя разного рода семантические выдвигания, эмотивно-оценочное слово оказывается в состоянии обслуживать практически неограниченный круг целеустановок говорящего субъекта.

Отметим, что основным лексическим средством создания различных типов коммуникации является негативно ориентированная лексика как основа разговорной речи.

В работах, так или иначе посвященных культуре речи, часто затрагиваются вопросы "засорения разговорной речи диалектными, просторечными элементами, жаргонной лексикой", "негативной роли этой лексики с отрицательной оценочностью, придающей диалогу конфликтный характер". Более того, считается, "что вульгарная оценочная лексика, даже в тех случаях, когда она не несет обидного для собеседника смысла, **всегда** (выделено нами – *Т.Т.*) отрицательно сказывается на тональности общения, так как делает разговорную речь грубой, неприятной с эстетической точки зрения" [Богуславская, Гиниатуллин 1994: 144-146].

Настоящее исследование предполагает доказать, что такая характеристика ЭОЛ как средства создания определенного типа общения является односторонней, не учитывающей семантико-прагматической специфики слова.

В структуре коммуникативной ситуации явно выделяются элементы, непосредственно определяющие основную тональность диалога или полилога. Это личность адресанта и адресата, их взаимоотношения, социальные роли и роли в коммуникации, место общения и присутствие третьих лиц. Изменение одной из перечисленных составляющих коммуникативной ситуации влечет за собой изменение типа общения. Обратимся к анализу следующих коммуникативных ситуаций с учетом их составляющих параметров.

1. Параметр взаимоотношений коммуникантов

Когда на первый план, определяя коммуникативную ситуацию, выходят взаимоотношения собеседников, ЭОЛ становится знаком, маркером неформального, дружеского, дружески-фамильярного или, напротив, грубо-фамильярного типа общения. ЭОЛ – показатель межличностных отношений.

ЭОЛ с неположительным содержанием является показателем добрых, хороших отношений между коммуникантами. Ср.:

– Во-о-вка!.. Глаза Афанасьева раскрылись широко. – Вовка, мерзавец!.. Теперь же хотелось немедленно дотянуться руками до парня, вырвать у смерти, трясти, кричать прямо в лицо: спасибо, друг, за письмо... (В. Анчишкин. Арктический роман); – Андрей, на тебя готовится покушение, – сказал отец. Лучников облегченно расхохотался. – Ну, вот я так и знал – начнет ржать. – Арсений Николаевич повернулся к Бутурлину (В. Аксенов. Остров Крым); – Привет, пап, – сказал старший мальчик. – Ну как тебе работалось – хорошо? – Папа, ты пойдешь купаться? – спросил средний. – Вода что надо, папа, – сказал младший. – Здравствуйте, папаша, – с улыбкой сказал Роджер. – Ну, как ваши малярные дела, мистер Хадсон? – С малярными делами на сегодня покончено, джентельмены. – Вот здорово! – сказал средний мальчик (Э. Хемингуэй. Острова в океане /Пер. Н. Волжиной, Е. Калашниковой); – Вы, девки! Не трогайте моих предков! – кричал Анто. Папаша, можно я возьму твой "турбо"? Нельзя? Как это говорят у вас в Москве, – "жмот"? Ты – старый жмот! Дед! Одолжи на часок "ролс"? Жмоты проклятые! Врэвакуанты! Яки поделится последней рубахой. – Я вам дам "лэндровер" с цепями, – сказал дед Арсений с улыбкой. – Иначе вы сверзитесь с серпантина в бухту (В. Аксенов. Остров Крым).

Выделенные лексемы в словаре отличаются ярким негативным эмотивно-оценочным содержанием: прилагательное **малярные** связано с языковой метафорой **маляр** "плохой художник, мазила" (ТСО); пренебр. "о плохом живописце, художнике" (МАС). Однако в приведенном отрывке оно явно не выражает негативного отношения к художнику (все знают, что Томас Хадсон – хороший,

серьезный художник), эмотивно-оценочное слово **малярные**, как и шутливое **папаша**, задают тон общения, делая его легким, непринужденным, шутливым, дружески подтрунивающим. Адресат (Хадсон) "принимает" **малярные дела**, интерпретируя таким образом семантико-прагматическую функцию эмотивно-оценочных единиц и соответственно понимая целеполагание дискурса говорящего, демонстрирует определенную языковую и речевую компетенцию, а также доброжелательное отношение к собеседнику, умение понять и поддержать (оценить) языковую игру.

В третьем примере говорящий не столько обличает жадных отца и деда (он прекрасно знает, что это не так, что машину и прочее он получит), сколько демонстрирует подружкам, что он с "предками" на равной, дружеской ноге. ЭОЛ предназначена не для эмотивной оценки (резкой и отрицательной, которую имеет слово **жмоты** в лексической системе языка), а для создания особой атмосферы коммуникации. Так это прочитывают и адресаты: дед, улыбаясь, предлагает другую машину, извиняя, вернее, понимая манеру общения внука. Следует заметить, что в этом случае в силу вступают и дополнительные силы – участие третьих лиц, что стимулирует говорящего сделать свою речь более демонстративной.

"Начнет **ржать**" – это также не знак эмоционального отношения к поступку (такую реакцию отец и ожидал), но языковой показатель, с помощью которого говорящий пытается в нелегком разговоре поддержать имеющийся дружеский контакт с адресатом.

Бранное **мерзавец** (первый пример) не передает негативных оценочных смыслов, это лишь знак свойских, дружеских отношений и результат пережитого чувства страха за жизнь человека.

В ряде случаев, не являясь маркером взаимоотношений в целом, ЭОС является знаком особого ситуативного доверия и понимания. Ср.:

*В этот миг возникло между ними то полное, возможное лишь в редкие минуты жизни, понимание, которому не нужны слова и мысли. И для Людмилы Николаевны не было неожиданностью, когда Штрум, казалось, некстати проговорил: – Мила, Мила, но согласись, ведь я правильно **срезался** с Шишаковым (В. Гроссман. Жизнь и судьба).*

Манера речи (**срезался** "схватился, сцепился") тоже играет свою роль, определяя сложившуюся ситуацию.

Наиболее очевидной эта функция ЭОЛ становится в случаях коммуникативного рассогласования, когда предлагаемый тон не устраивает одного из собеседников. Ср.:

Сильва (*солидно*). Севостьянов Семен Парамонович.

Кудимов. Парамонович? **Комик!**

Сильва. **Комик? Простите, это вы о ком?**

Кудимов. *Артист (Хлопнул Сильву по плечу).*

Сильва (холодно). *Что за фамильярности вы себе позволяете?*

Кудимов. *Да ладно тебе!.. Черт побери! Почему ты говоришь мне “вы”?*

Сильва. *А почему вы говорите мне “ты”? Мне и моему другу? Нас это шокирует.*

Кудимов (весело). *Парни! Что за формальности? Мне эта субординация во как осточертела. Давайте проще! Выьем по этому поводу!*

Сильва (Бусыгину). *Солдат всегда солдат. Его не переделаешь. (Кудимову). Прошу вас.*

Кудимов. *Да что вы, в самом деле! Парламент здесь, что ли?*

Сильва. *Навроде этого (Вампилов. Старший сын).*

Предлагаемый одним из участников полилога тип коммуникации, основанный на использовании ЭОЛ, явно не принимается адресатами по определенным причинам: с этим человеком они не желают быть на дружеской ноге. Таким образом, для Кудимова ЭОЛ есть средство наладить контакт со сверстниками, расположить их к себе, организовать дружески фамильярный тип общения, а для Сильвы и Бусыгина отказ от ЭОЛ, всяческое подчеркивание этикетных моментов коммуникации – способ заявить о своем эмоциональном отношении к Кудимову.

Таким образом, ЭОЛ, частично нейтрализуя отрицательные эмотивно-оценочные смыслы, актуализирует в дискурсе ведущую стилистическую окраску лексической единицы, предназначенной для неформального, разговорного общения. Факторами, нейтрализующими отрицательные коннотации, будут взаимоотношения коммуникантов, а также фоновые знания об их эмотивно-оценочном отношении к предмету речи, которые определяют соответственное прочтение интенций, выраженных в ЭОД.

ЭОЛ является маркером негативных отношений коммуникантов.

Отметим сразу, что прямой эмотивной оценки собеседника в дискурсе говорящего может и не содержаться, ЭОЛ может быть ориентирована на иные объекты, однако косвенным образом, формируя определенный тип коммуникации, ЭОЛ ориентирована и на самого адресата. Ср.:

Был уверен, что звонит Толмачев. Но голос был незнакомый, какой-то расхлябанный, хулиганский. – Здравствуй, Дуся, новый год... Не узнаешь? А? –хрипел хулиган. – То узнаешь, то не узнаешь. Вот задница. А который час-то? Ну второй, подумаешь, детские времена. Интеллигенция об эту пору еще не ложится... Решает вопросы... (Ю. Трифонов. Дом на набережной).

Начиная от хамского тона, кончая грубо просторечной лексикой, весь фрагмент ориентирован на навязывание определенного типа общения, актуализирующего и эмотивное отношение к адресату. **Расхлябанный, хулиганский,**

хулиган, хрипел, являясь оценкой предложенного тона адресата, свидетельствуют, что интенции говорящего восприняты как негативные. Однако знаком оценочного отношения говорящего (Шулепникова) ЭОЛ вряд ли является: отношение Шулепникова к Глебову не исчерпывается лишь такими примитивно хамскими проявлениями.

– Тебе пенициллин помогает? – **Ни фига!** – Захожу, а они **шары и выкачали...** (разг. речь; примеры взяты из сб. "Человек. Текст. Культура". 1994).

Возможно, в подобных случаях ЭОЛ является знаком неуважения, пренебрежения к адресату, который может так интерпретировать интенции говорящего. Ср.:

– **Гляди, какой вежливый мальчонка!** – удивился худой пассажир. – **Мои знай только обзывают друг друга сукиными сынами, да еще в моем присутствии** (Н. Думбадзе. Закон вечности).

Однако вполне вероятно и другое прочтение коммуникативной установки: стремление к "крутой образности разговорной речи" [Апресян 1992: 52], создание непринужденной обстановки, в которой актуализированы неформальные отношения коммуникантов.

Изменение привычного языка межличностного общения, в частности отказ от ЭОЛ, может быть показателем изменившихся отношений между коммуникантами. Ср.: **И прошу Вас не "обзывать" больше меня всякими словами: теперь эти слова приобрели для меня свой подлинный смысл, а не условное выражение симпатии**, как было раньше (В. Анчишкин. Арктический роман)

2. ЭОЛ – показатель изменения темы с более серьезной на легкую, или наоборот.

В рамках хороших, дружеских отношений ЭОС, будучи показателем этих отношений, может иметь дополнительную прагматическую нагрузку – быть маркером смены темы коммуникации. Ср.:

– **Хороший у тебя сын, Андрюша**, – мямлил вконец осоловевший Бутурлин. – **Ищущий, живой, с такими девушками дружит. Вот мои мерзавцы-белоподкладочники только и шастают по салонам врэвакуантов, скрипка, фортепиано, играют всякую дребедень от Гайдна до Стравинского...** понимаете ли, духовная элита. **Мерзость!** – Ну, Фредди, хватит уже, – сказал Лучников – старший. – **Теперь мы уже одни...** Фредди Бутурлин **тут же причесался, одернул куртку и сказал: – Я готов, господа!** (В. Аксенов. Остров Крым); – **Ты либо ханжа, либо алкоголик ...А точнее, просто скверный клоун.** – **Младшего ногой пнуть каждый может**, – Крячко состроил обиженную гримасу и **без перехода продолжал серьезно: – Федула они не просчитали...**(Н. Леонов. Сыщик).

Пока шел ни к чему не обязывающий разговор (первый пример), ЭОЛ организовывала непринужденную, несерьезную речь персонажа, переход же к разговору, для которого собрались герои, требует иного тона, и, судя по поведению (вербальному и невербальному) героя, иного лексического воплощения. Во втором примере взаимные псевдообвинения (игра в обвинения) суть некоторая разрядка в серьезном разговоре, к которому герои возвращаются.

3. ЭОЛ – средство актуализации или, напротив, нейтрализации специфики социальных ролей коммуникантов.

Если коммуниканты занимают неравные позиции на иерархической лестнице, то ЭОЛ становится невозможной в регламентированной коммуникации "снизу – вверх", а в противоположной позиции сужает свои прагматические возможности до передачи отрицательной или положительной эмотивной оценки, адресованной нижестоящему. Однако в ряде случаев ЭОЛ является своеобразным средством нейтрализации социального (возрастного) неравенства. Ср.:

Конечно же, он ясно видел, что я недоволен заданием, что задание представляется мне не только странным, но и, мягко выражаясь, нелепым. Однако по каким-то причинам он не мог сказать мне больше, чем уже сказал. И не хотел отпустить меня без того, чтобы не сказать хоть что-нибудь.

– Помнишь, – проговорил он, – на планете по имени Саракш некто по имени Странник гонялся за шустрым молокососом по имени Мак...

Я помнил.

*– Так вот, – сказал Экселенц. – Странник тогда **не поспел**. А мы с тобой должны **поспеть**. Потому что планета теперь называется не Саракш, а Земля. А Лев Абалкин – **не молокосос**. – Загадками изволите говорить, шеф? – сказал я, чтобы скрыть охватившее меня беспокойство. – Иди работай, сказал он (Стругацкие. Жук в муравейнике); Кстати о вокзале, – улыбнулся Гуров. – Ты мне порядком надоел, **мотай** на Белорусский, разбирайся с носильщиком. – Когда я пахал в МУРе и был начальником отдела, – начал философствовать Станислав, – **ты никогда не позволял себе разговаривать с подчиненными в подобном тоне. Мотай... Разбирайся...** – Он открыл дверь и, уже закрывая ее, закончил: – **А еще интеллигент!** (Н. Леонов. Сыщик).*

Первый фрагмент – диалог начальника и подчиненного. Шеф в определенный момент, стремясь сохранить доверие коллеги, меняет тон разговора, и это в первую очередь отражается на ЭОЛ – ее появление свидетельствует о том, что официальная часть разговора (начальника и подчиненного) закончилась, теперь, в воспоминаниях, призванных смягчить впечатление от предыдущего разговора, состоявшего из приказов и распоряжений, социальное неравенство не актуально, это уже беседа дружески расположенных коллег.

Второй фрагмент – нейтрализация с помощью ЭОЛ социального неравенства сокоммуникантов.

Таким образом, ЭОЛ формирует различные, даже противоположные, типы коммуникации, актуализируя специфику взаимоотношений сокоммуникантов.

4. Фактор адресата

Понимание фрагмента дискурса – это процесс встречной активности адресата, в ходе которого он воспринимает языковой знак, опознает и идентифицирует их, соотнося их со своими языковыми и энциклопедическими знаниями.

Н.Д. Арутюновой [1981] принадлежит мысль о том, что фамильярная лексика "спровоцирована" адресатом, она, как правило, адресована второму лицу.

Роль адресата в выборе слова, эмотивно-оценочного слова, в частности, конечно, значительна, хотя следует уточнить, что ЭОЛ адресуется как второму лицу, так и отсутствующему человеку, а также самому субъекту речи [Трипольская 1991].

Как отмечает В.Д. Девкин [1979], в разговорной речи, предполагающей реального адресата, наиболее существенными будут: степень близости коммуникантов, обсуждаемая тема, присутствие третьих лиц и интенции говорящего.

В ЭОД к отмеченным параметрам добавляются такие, как: уровень коммуникативной компетенции адресата, его языковой вкус, умение переключать языковые регистры, а также "считывать" неосновные интенции, выражаемые с помощью ЭОЛ.

В рассмотренных фрагментах дискурса ведущей интенцией (иногда единственной) является стремление говорящего строить коммуникацию в нужном ему ключе, демонстрируя адресату значимость их взаимоотношений.

В реальной коммуникации наиболее типичным будет совмещение нескольких функций ЭОС, что обусловлено множественностью речевых намерений говорящего, которые находятся в разных соотношениях друг с другом. Выявленные выше параметры коммуникативной ситуации, которые играют существенную роль в организации типа коммуникации, зачастую проявляются одновременно. Рассмотрим примеры такого соотношения интенции коммуникативного регулирования с другими намерениями говорящего.

Герой повести Ю. Полякова "Работа над ошибками" Стась Фоменко, директор школы, речь которого в большинстве случаев регламентирована его социальным статусом и его официальными отношениями с коллегами и родителями учеников, оставшись наедине со своим институтским приятелем (в настоящем его подчиненным, учителем литературы), "перестает" быть директором. И это в первую очередь проявляется в смене языкового регистра (появляется ЭОЛ, разговорная, жаргонная лексика), меняется и тон общения: речь персонажа становится дружески-фамильярной, раскованной, "своей". Ср.: 1. Фоменко раздраженно хлопнул рамой, и землеройные устройства перешли на зловецкий

шепот. – **Сумасшедший дом!** – определил место своей работы Стась. – Но участок я у них все-таки **вырву!** Жалко, что директорский **пацан** хорошо учится! – Нормально. – Да-а, если б дети всех начальников были **балбесами**, школа **процветала бы!** Директор школы, чтоб ты знал, – это **Остан Бендер: не извернешься, ничего не будет...** Не жизнь, а какая-то **игра наоборот**. Воспитание трудом! Звучит? Вот ученики на прядильной фабрике и распутывают вручную бракованные нитки. Чему они научатся? Ничему! Только на **собственной шкуре** почувствуют, **сколько дерьма гонят их мамочки!** – мой руководитель направился к сейфу и **с ненавистью допил минеральную** воду... (Ю. Поляков. Работа над ошибками).

Второй фрагмент дискурса соотносится с другой коммуникативной ситуацией:

2. В кабинет вошла дефицитно одетая женщина. Преобразившийся Стась поднялся ей навстречу, изысканно поприветствовал, усадил и стал интересоваться, как дела на работе, дома.

– Одна к вам просьба будет: трудно вашему Сереже учиться, не получается... Мы тут на педсовете обсудили, специалисту показывали... Давайте-ка с будущего года определим в спецшколу, в 359-ю. – В дефективную? – возвысила голос мамаша. – Но ведь другие дети нормально успевают, – утешал Стась, – а Сережа до сих пор по слогам читает. Вы поймите, мы добра хотим... – **Никогда! Мы свои права знаем!** – ответила она и победно вышла из кабинета. – **Они знают!** – вскипел Стась.

Видим, что речь героя-директора существенно отличается от речи Стася-приятеля. В персонифицированной речи выстраивается микропарадигма: наличие/отсутствие ЭОЛ в зависимости от социальной роли субъекта, от адресата и их взаимоотношений, а также от места общения и присутствия третьих лиц. Очевидно, что свои оценочные суждения и эмоциональное состояние герой вербализует по-разному в разных коммуникативных ситуациях. В первую очередь меняется словарь. Обратимся к семантико-прагматическому анализу ЭОЛ в первом фрагменте дискурса героя. Во-первых, субъект пребывает в состоянии раздражения, которое в ходе монолога перерастает в ненависть. Кроме того, указанный предмет речи (состояние современной школы) вызывает у него негативную оценку. Казалось бы, уже достаточно оснований для обращения к ЭОЛ, однако в сходных по эмоциональной окраске и ценностному отношению ситуациях, отличных по соотношению указанных выше параметров, герой иначе выражает эмотивно-оценочное видение мира. Следовательно, есть еще одна интенция, воплощенная в диалоге Фоменко и Петрушова – интенция регулирования типа коммуникации. Подтвердить это предположение можно с помощью сопоставления фрагментов дискурса ЯЛ, в которых будут меняться параметры

коммуникативной ситуации (при условии сохранения эмотивно-оценочного отношения к предмету речи), а также анализируя специфику ЭОЛ в речи персонажа.

Второй фрагмент (и многие другие в тексте повести) дискурса героя, где доминирует его социальная роль, вообще не содержит ЭОЛ, хотя предметом речи по-прежнему являются разные отрицательные стороны процесса образования и воспитания детей.

Лексический анализ ЭОЛ показывает следующее: выступая в эмоциональном регистре речи [Золотова 1998: 389-400], субъект использует широкий спектр отрицательных эмотивно-оценочных значений (в его эмотивной и ценностной картине мира представлен весь спектр соответствующих значений): от шутливо-иронического **Остап Бендер**, до грубо бранного дерьмо, от издевательски-презрительного **мамочки**, до привычно-неодобрительного **балбесы**. Говорящий стремится вербализовать весь комплекс эмоций, чтобы снять их и получить сочувствие и понимание друга. Скопление ЭОЛ в дискурсе героя и, следовательно, на пространстве текста свидетельствует об интенсивных, горячих эмоциях субъекта, а также маркирует его речь в неформальной, дружеской обстановке. В силу этого происходит некоторая нивелировка эмотивно-оценочного содержания: эмотивная оценка в дискурсе приложена к такому множеству объектов (директор современной школы, родители, бракованная продукция наших предприятий, власть, не желающая достойно содержать школу, ученики и др.), что сема "оценка" частично "гасится", выдвигая на первый план выражение эмоционального состояния субъекта и актуализируя определенный тип коммуникации.

Таким образом, мы выявили коммуникативные параметры, определяющие тип общения говорящих. Они же способствуют или не способствуют появлению в речи ЭОЛ. Интенция "создание определенного типа коммуникации" часто переплетается с другими: эмотивной оценкой, созданием своего речевого имиджа, смягчением или усилением предписаний в волюнтаристическом регистре речи [Золотова 1998].

2.7. Интенция воздействия на поведение, эмоциональное состояние и ценностную парадигму адресата

Л. Блумбилду [1968] принадлежит развернутое представление об акте речевого сообщения: речи предшествует и за ней следует практическое событие – действие коммуникантов, испытывающих воздействие речи. Речь служит средством регуляции деятельности собеседника.

Отталкиваясь от того, что языку, кроме прочих, свойственна функция регулирования поведения адресата, отметим, что в языке имеются "участки", непосредственно ориентированные на выражение прескрипции (например, система

наклонений, в частности множество значений формы повелительного наклонения, которые составляют ядро волюнтаривного регистра речи [Золотова 1998], или директивов в теории речевых жанров [Серль 1986], или императивных речевых жанров [Шмелева 1990].

ЭОЛ – это сильный инструмент воздействия [Киселева 1978]. В.К. Харченко [1992], исследуя функции метафоры в речи, отмечает эмоционально-оценочную и ауто-суггестивную, подчеркивая, что метафорический характер слова делает его более сильным инструментом в этой области коммуникации. Метафорическая лексика – один из структурно-семантических разрядов ЭОЛ. Поэтому эта лексика является частотным языковым средством в волюнтаривном регистре речи, хотя, конечно, занимает в нем не центральную позицию. Данное свойство оценочного знака не раз отмечалось лингвистами. Так, Р. Хэар прямо определяет оценочное значение "в терминах коммуникативной установки, связывая высказывание с действием". Оценка, по Р.Хэару, выражает рекомендацию, предписание. И далее: "Оценочные предикаты прямо наводят на мысль о наличии у сообщения особой цели... Язык оценок удивительно хорошо приспособлен к употреблению в ситуации принятия решений, инструкции о выборе или изменении принципов выбора и модификации стандартов" [1985: 136]. Эти мысли Р.Хэара получили дальнейшее развитие, в частности, и в отечественной лингвистике. Например, в работах Т.В. Маркеловой ставится вопрос о соотношении оценки и модальности, который решается на материале высказываний с императивной семантикой. [Маркелова 1996].

Мы располагаем несколько иным языковым материалом – ЭОЛ, выражающей эмоциональное состояние и оценочное суждение. Поэтому возможной оказывается постановка вопроса об интенциях воздействия ЭОД на адресата, в том числе и воздействия на конкретные действия человека. Типы воздействия здесь не исчерпываются только императивом, это прямое влияние на эмоциональное состояние адресата, его поведение (конкретные поступки также), его ценностные представления.

1. ЭОЛ в имплицитных и эксплицитных императивных высказываниях

ЭОЛ в волюнтаривном регистре речи может быть единственным языковым средством выражения императивных значений, а может служить средством поддержки прескриптивной семантики, выраженной глаголом. Ср.:

Сильва (*Васеньке*). *А ты посмотри, что она будет делать, когда ты ее не будешь любить.* Бусыгин. ***Прекрати, что ты мелешь... Балбес. Что ты натворил...***(А. Вампилов. *Старший сын*); – ***Не трогайте девушку!*** – ***прикрикнула на нас Раиса Ефимовна. – Шалопай!*** (В.Анчипкин. *Арктический роман*) *Учитель вдруг сорвался с места, забежал с той стороны церкви, куда она должна была упасть, стал под стеной. – Ответишь за убийство! Идиот!*

(тому, кто собирается разрушить церковь – Т.Т.) (В. Шукшин); – **Вон!** – **завопила Дарья Петровна, – вон, беспризорный карманник! Тебя тут не хватало! Я тебя кочергой!..** (М. Булгаков. Собачье сердце); **Штрум в бешенстве рывкнул: – Дура, не смей дерзить матери!** (В. Гроссман. Жизнь и судьба); – **Ну куда ты прешь, дуб неотесанный!** (И. Друцэ. Белая церковь).

Во всех приведенных примерах ЭОЛ сопровождает глагольный императив или другие языковые единицы со сходной семантикой. Какова же ее роль в высказываниях этого типа? ЭОС несет эмотивно-оценочную интерпретацию события, поведения, действия лица, которые должны быть, с точки зрения говорящего, прерваны. С помощью ЭОЛ с отрицательным эмотивно-оценочным содержанием говорящий обосновывает свой приказ, требование прекратить совершаемое действие. В этой функции ЭОС претерпевает ряд семантических модификаций: в высказываниях **Дура! Не смей дерзить матери! Прекрати! Что ты мелешь? Балбес!** слово **дура** и **балбес** не являются отрицательной характеристикой глупого человека, это, скорее, бранное употребление, предназначенное дать общую эмотивно-оценочную квалификацию. Кроме императивной семантики глагольного слова, отрицательной оценочной семантики, в высказываниях могут содержаться и угрозы на случай, если действие не будет прекращено, а также риторические вопросы со значением запрещения действия (в них наблюдается повышение эмотивного элемента).

Второй тип высказываний с императивной семантикой не содержит форм повелительного наклонения. Основным и иногда единственным языковым средством выражения данного модального значения будет эмотивно-оценочное слово с отрицательной семантикой:

– **Сумасшедший! Тебя же током убьет!** (человек разбирает розетку, не отключив ток – Т.Т.) (разг. речь; муж. высшее); – **Трепач!** – **вдруг резко сказал, вернее, выкрикнул капитан. – С вашим языком не в авиации служить, а коров пасти** (чтобы прервать говорливого старшину, который разглашает в парикмахерской военные тайны – Т.Т.) (В. Богомолов. В августе сорок четвертого); – **Ты, охламон! Как с девушкой разговариваешь?** (Ю. Трифонов. Утоление жажды).

Здесь функция ЭОЛ несколько иная: эмотивно-оценочное слово, эксплицитно выражая эмоции и оценки говорящего, имплицитно передает запрет на обозначенные действия. Косвенный запрет выводится слушателем, благодаря неразрывной связи в языковой картине мира между каким-либо поступком и его оценочной и эмоциональной интерпретацией говорящим социумом. **Трепач** обозначает болтливого человека, не умеющего хранить секреты. Как мужской этот недостаток оценивается весьма строго: *“с вашим языком не в авиации служить, а коров пасти”*.

Мы наблюдаем слитное выражение оценочного и модального (императивного) значений. Это явление известно лингвистике. Так, Т.А. Колосова отмечает в последнее время тенденцию к "сращению означающих, их консолидации", к "сжатию", к "семантико-синтаксической сорбции" [1980].

Коммуникативная ситуация, семантика слова, интонационные особенности речи являются маркерами косвенного требования замолчать. Кроме того, существенным является и то, кому принадлежит это слово-запрет (приказ, требование). Так, Т.Г. Винокур отмечает, что "при выделении функции РП (речевого поведения. – Т.Г.) мы имеем в виду не только, говоря словами Дж. Остина, "слово как действие", но слово как действие определенного деятеля в определенных условиях, т.е. тот объем понятия, который отражается в составляющих РП" [Винокур 1993: 55]. Социальная позиция или коммуникативная роль говорящего также могут быть маркером ситуации запрета или приказа.

Таким образом, эмотивно-оценочная семантика способствует выражению директивных значений или же является комплексным языковым средством вербализации модальных и оценочных значений.

Лексика с противоположным оценочным значением представлена в высказываниях, стимулирующих продолжение каких-либо желаемых действий: словесное поощрение, похвала, одобрение, комплимент. Естественно, момент волеизъявления в них будет не так очевиден, он вытекает из положительной оценки содеянного, которая будет смысловой доминантой этих высказываний (см. выше).

2. Изменение эмоционального состояния и ценностной парадигмы адресата

В наши коммуникативные намерения часто входит стремление изменить эмоциональное состояние собеседника: рассмешить, разгневать, шокировать, удивить, вывести из равновесия, способствовать приятному или неприятному эмоциональному состоянию. Одним из вербальных средств достижения этих целей является ЭОЛ. В случаях эмоционального манипулирования адресатом для говорящего ЭОЛ – средство сильного воздействия на эмоциональную сферу человека. Причем использующий ЭОЛ, не имея намерения выразить эмотивную оценку, манипулирует этим содержанием, чтобы повлиять на адресата. Ср.:

В карманах есть что-нибудь? – тихо спросил капитан Кватерблад. – Выкладывайте... – Гады, – сказал Редрик. – Заразы. Он сунул руку за пазуху и швырнул на стол пачку банкнот. Банкноты полетели во все стороны. – Ого! – произнес капитан Кватерблад. – Еще? – Жабы вониючие! – заорал Редрик, выхватил из кармана вторую пачку и с размаху швырнул себе под ноги. – Жрите! Подавитесь! – Очень интересно, – произнес капитан... спокойно. – А те-

перь собери все это. – Бог подаст! – сказал Редрик ему. – Холуи твои подберут. Сам подберешь! (Стругацкие. Пикник на обочине).

Главная задача говорящего – вывести из себя полицейских, разозлить их, так как в разгневанном состоянии человек плохо контролирует себя и действительность, а Редрику Шухарту надо выиграть время, а потом сбежать. Он играет в отчаявшегося, загнанного и агрессивного сталкера, который именно так, с его точки зрения, и должен реагировать на арест. ЭОЛ, которой насыщен дискурс ЯЛ, имеет резко отрицательное эмотивное содержание. Именно этот факт (наряду с обращением на "ты" и явно не соответствующими ситуации и социальным ролям коммуникантов распоряжениями Редрика) способствует достижению намерений субъекта. Говорящий явно эксплуатирует отрицательную эмотивно-оценочную семантику лексических единиц (презрительную, бранную, оскорбительную), чтобы повлиять на эмоциональное состояние адресата. Выражение этих эмотивно-оценочных значений является не целью РА, а средством достижения иных коммуникативных намерений.

Подобные высказывания строятся с основой на следующие типы знаний в информатории говорящего: сведения психологического характера, которые позволяют манипулировать другим человеком, связанные с ними знания собственно лингвистического характера (семантико-прагматический потенциал эмотивно-оценочного слова), а также знания ценностной парадигмы (престижные /непрестижные качества, свойства личности).

Лексика с положительным эмотивно-оценочным содержанием рассчитана на воздействие положительного плана. Особую роль в этом занимают деминутивы в силу специфики своей уменьшительно-ласкательной семантики. Они многофункциональны в речи [Виноградов 1972, Лопатин 1987, Апресян 1988], их частотными функциями являются выражение своего эмоционального состояния и отношения и воздействие на эмоциональное состояние адресата. Ср.:

– Я вижу, у вас тут не все есть, – с подлой улыбкой сказал женщинам Гангут. – А что вам надо? – Сыру. – пробормотал Луч. – Хотели сырку купить.

Женщины мило заулыбались. Вот эта способность русских баб мгновенно переходить от хмурости и мрачной настороженности к душевной теплоте – вот это клад. Непонятный чужой человек вызывает подозрительность, человек же, желающий купить сырку, становится понятен и получает добрую улыбку (В. Аксенов. Остров Крым);

Здесь реализуется одна из многочисленных функций деминутивов – передать собеседнику информацию о своем благорасположении и желании расположить к себе адресата.

Действительно, деминутивы коммуникативно мотивированы в ситуациях просьбы, призыва к совместным действиям, стремления подбодрить, выразить

сочувствие, поиска контакта, смягчения различных негативных высказываний и др. Общим моментом для всех перечисленных типов ситуаций будет то, что говорящий заинтересован в максимальной доброжелательности адресата и /или в том, чтобы передать ему информацию о своем доброжелательном отношении [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981]. Ср.:

Буфетчик медленно поднялся, поднял рука, чтобы поправить шляпу, и убедился, что ее на голове нету. Ужасно ему не хотелось возвращаться, но шляпы было жалко. Немного поколебавшись, он все-таки ... позвонил.

–Что вам еще? – спросила его проклятая Гелла.

–Я шляпочку забыл, – шепнул буфетчик, тыча себя в лысину.

Гелла повернулась, буфетчик мысленно плюнул и закрыл глаза (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В.В. Лопатин отмечает тенденцию к скоплению деминутивов на одном синтагматическом отрезке и согласование по коннотативным семам [Лопатин 1987]. В приведенном текстовом фрагменте деминутив **шляпочка** ("маленький" и "вызывающий положительные эмоции") семантически согласуется с глаголом **шепнул** : актуализируются семы "нижайшая просьба", "извинение за беспокойство", а также и социальный компонент (просящий осознает свое зависимое положение). Все эти элементы, составляющие актуальный смысл глагола **шепнул**, являются имплицитными и производными, связанными в семной структуре значения с ядерными ("тихий голос") через промежуточное звено "голос, которым не отдают команд" ассоциативными связями.

В подобных высказываниях реализуется лишь одна "грань" семантико-прагматического потенциала деминутивов. Их семантическая вариативность и гибкость позволяют говорящим приспособить деминутив для реализации своих намерений, ориентированных на выражение эмотивного состояния как позитивного, так и негативного плана. Ю.Д. Апресян отмечает многообразие смысловых оттенков, связанных с прагматической функцией деминутивов [Апресян 1988].

В силу своей семантико-прагматической специфики деминутивы могут породить коммуникативные помехи. Ср.:

– Бабулечка-красотулечка, пятнашку не разменяете? – заискивающе обратился он. – Какая я вам бабулечка! – взвилась продавщица (Е. Комаринский).

Употребляя шутливое **бабулечка-красотулечка** в целях расположить к себе адресата, говорящий надеется, что его языковой выбор поймут и оценят, однако ожидания не оправдались: возможно, у коммуникантов в деминутиве актуализируются разные смыслы. Говорящий, используя деминутив, стремится расположить к себе адресата, но для последнего значимым оказывается слово

бабулечка, в котором актуальный смысл будет "старый", а эту болезненную тему не смягчает ни уменьшительно-ласкательный суффикс, ни эмотивно-оценочное слово **красотулечка**.

Выше шла речь о намеренном влиянии на эмоциональную сферу адресата, однако не стоит упускать из виду тот факт, что в ряде случаев такое влияние происходит помимо или даже вопреки усилиям говорящего. Воплощая определенные интенции, коммуникант может, не желая того, изменять эмоциональное состояние адресата, скорее, в негативную сторону. Это связано с недоучетом фактора адресата: он может не принимать ЭОЛ как средство создания дружеской интимизации общения, расценивая ее как знак негативного отношения говорящего, что неизбежно влияет и на его эмоциональный настрой.

Психологи отмечают также способность эмотивно-оценочной лексики (метафоры, в частности) служить средством внушения и самовнушения (аутосуггестивная функция метафоры), то есть регулировать собственное эмоциональное состояние. Г.Н. Сытин называет это воздействие "методом словесно-образного эмоционально-волевого управления состоянием человека" [Сытин 1990].

3. Влияние ЭОД на эмотивно-оценочную картину адресата

Формирование мнений, суждений и их эмотивная интерпретация также могут осуществляться с помощью ЭОЛ, в которой "состоялась" категоризация типовых эмоций, вызванных оценочным взглядом на действительность.

Примером вербализации указанной интенции в "чистом виде" могут служить тексты типа "Что такое хорошо и что такое плохо?", в которых ЭОЛ, передавая яркую эмоциональную оценку, формирует детские представления о морально-нравственных нормах, принятых в данном языковом социуме. Специфика функционирования ЭОЛ в этом тексте заключается в экспликации ее эмотивно-оценочного содержания, в его неоднократном варьировании и повторении с помощью оценочных и эмотивно-оценочных единиц, что вполне соответствует основной интенции пишущего – формированию или коррекции эмотивно-оценочной парадигмы адресата – ребенка младшего возраста. Ср.:

Если бьет дрянной драчун слабого мальчишку, я такого не хочу даже вставить в книжку; Этот в грязь залез и рад, что грязна рубаха. Про такого говорят: он плохой, неряха; От вороны карапуз убежал, заохав. Мальчик этот просто трус, это очень плохо (В. Маяковский).

Отрицательная оценочная семантика ЭОС **драчун** эксплицирована с помощью ЭОС общеоценочного значения **дрянной** и личностного отношения автора *я такого не хочу даже вставить в книжку*; в семной структуре слова **неряха** эмотивно-оценочное негативное содержание также является имплицитным, производным, в тексте оно дублируется – **плохой**. Все это языковые маркеры

интенции автора, употребляющего ЭОЛ с целью формирования фрагмента ценностной картины мира.

Реализация с помощью ЭОЛ интенции воздействия на ценностную картину мира адресата особенно характерна для детской литературы, отличающейся высокой степенью назидательности. Именно для детского сознания свойственно усвоение основных аксиологических ориентиров общества. А эмотивно-оценочная лексика максимально подходит для реализации указанных намерений: во-первых, представляя собой гетерогенную семную структуру, ЭОС апеллирует одновременно к рациональной и эмоциональной сфере психики адресата, часто подключая и механизмы образной интерпретации действительности (ср.: "Эстетическая информация обладает большим потенциалом внушаемости: она воздействует на поведение человека посредством апелляции к эмоциональной сфере психики и через нее к сознанию" [Киселева 1978: 23]. Кроме того, будучи разговорным средством, ЭОЛ как бы снимает излишнюю строгость, официальность общения, переводя его в ранг дружески доверительного. Ср.:

*...только сейчас я понимаю, что папа и дядя Миша совершенно разные люди: то, что нравится дяде Мише, кажется нехорошим папе; а то, что любит папа, того не любит дядя Миша. Между ними всегда идет какой-то внутренний спор, ни на минуту не затихающий (...) Только раз, когда мама ... заплакала: "Бедный Миша", папа сказал: – Не бедный, нет: несчастный. Потому что **баловень, барчук**. Все в жизни получил даром, работать не умеет... Какая это жизнь! <...>*

*Папа и дядя Миша здороваются... – Приехал, **баловень**? <...>*

*– Ну как, Яков? Ты доволен? Ты понимаешь, что **баловень** берется за работу? – Очень хорошо! – говорит папа, обнимая дядю Мишу <...>*

*– **Баловень**... – бормочет Иван Константинович. – Именно, что **баловень**... Загубило его это баловство... – Почему, дедушка? – спрашивает Тамара. – ...**Баловство** – это все, что задарма, понимаешь? (А. Бруштейн. Дорога уходит вдаль).*

Многочисленные обращения к данной теме, эмотивная (в том числе и метафорическая) оценка неработающего человека (**баловень, баловство, барчук**), варьирование и дублирование эмотивно-оценочной информации (*Разве это жизнь? Загубило его это баловство и др.*), противопоставление разных жизненных позиций, актуализация оснований оценки заставляют адресата (в повести это семи- девятилетняя девочка), а также и читателей осмыслить моральные нормы социума и эмоционально-оценочную квалификацию отклонений от нее.

Таким образом, под влиянием речи происходит либо формирование, либо уточнение (изменение) эмотивно-оценочной интерпретации действительности.

Проследим это на ряде текстовых фрагментов, в которых герой неоднократно обращается к окказиональному слову **гасить** в речи сестры, сначала пытаясь понять смысл, вкладываемый ею, затем постепенно наращивая свое представление о характеризуемом типе человеческого поведения и его эмотивной оценке. Иными словами, в тексте отражен процесс формирования концепта и его эмотивно-оценочного осмысления. Ср.:

1) – *Один год потерти, как-нибудь, ладно? – Угу. Она меня не обижает. – Еще бы посмела! Ты будь от нее подальше. Она страшная... – Почему? – Разве ты не заметил, она **г а с и т** (разрядка автора – Т.Т.) все хорошее, возвышенное. Если бы просто не понимала. Но у нее хватает силы **г а с и т ь**. Она оглушает все...*

2) *Я ушел к себе. Мне было невыносимо противно. Радость мою словно облили помоями. **Вот что Лиза называла словом г а с и т ь**.*

3) *Сегодня я опять задумался над Лизиным словом “гасить”. Страшное слово, недаром она его произносит всегда с содроганием. Гасить можно по-разному. Покойный Львов гасил иронией. Здравствующий поныне Оленев гасит своим авторитетом. Некоторые гасят практицизмом. Сомнение не гасит, равнодушие гасит...медленно, но неуклонно. Можно погасить мысль изобретателя. Можно погасить мечту. Можно погасить веру в свои силы. Можно ли погасить талант? Не знаю. Должно быть, все же нельзя, если талант большой. Наша мачеха... гасит похвалой. Оказывается, и похвала может гасить, если это похвала человека ничтожного и гнусного (В. Мухина-Петринская. Обсерватория в дюнах).*

Субъект запоминает и постепенно осваивает чужое слово **гасить** (в словаре такое значение не зафиксировано, но оно легко выводится из основного – гасить огонь; огонь – символ жизни, отсюда гасить – “уничтожать все прекрасное, возвышенное в человеческой душе различными способами”. В последнем обращении к слову **гасить** уже снята разрядка – знак особого, до конца не понятого, чужого слова. Теперь уже герой, пройдя этап эмоционального освоения (второй пример), наполняет понятие личностными характеристиками, достраивая его и таким образом присваивая.

Это пример эмотивно-оценочного воздействия одного человека на другого. Под влиянием эмотивно-оценочной парадигмы одного субъекта формируется соответствующий фрагмент картины мира адресата. Сопутствующим фактором является ролевая характеристика говорящего в коммуникации “его авторитет, умение и желание делиться жизненным опытом, оказывать эмоциональное давление, а в крайнем случае – навязывать свой опыт окружающим.

Можно предположить, что подобное влияние тем сильнее, чем необычнее, нестандартнее языковая единица для выражения обсуждаемого понятия. Воспринимая чужое (авторское) слово, человек начинает размышлять над его денотативным и коннотативным содержанием, вступая в диалог с собеседником и

тем самым формируя под влиянием чужой эмотивно-оценочной картины мира свои представления.

Таким образом, мы выявили и охарактеризовали интенцию воздействия на поведение, эмоциональное состояние и эмотивно-оценочную картину мира собеседника. Адресат считывает ведущую интенцию говорящего, опираясь на разные типы знаний, а также на собственно языковые маркеры, содержащиеся в соответствующих фрагментах ЭОД. Так, для вербализации интенции формирования фрагментов картины мира особую значимость приобретают следующие показатели реализуемых намерений: неоднократное повторение ЭОС, дублирование и варьирование его эмотивно-оценочного содержания, актуализация оснований оценки, аксиологических норм и стандартов социума, вербализованная попытка встроить понятие и его эмотивно-оценочный "ореол" в личную ценностную парадигму.

Интенция воздействия на поведение, конкретные действия человека реализуется обычно в сочетании ЭОЛ с разными языковыми средствами с императивной семантикой, а воздействие на эмоциональное состояние адресата сопряжено с обилием ЭОЛ, как правило, с однотипной по знаку яркой эмотивной семантикой, апеллирующей к эмоциональной стороне нашей психики.

2.8. Интенция создания своего речевого имиджа

В комплекс проблем, связанных с ЯЛ, неизбежно включается проблема "словесного моделирования, т.е. создания языкового автопортрета" [Ляпон 1989] или проблема самоадресации, связанная с вариантами речевого поведения [Винокур 1993]. Эмотивно-оценочная лексика, относящаяся к альтернативной сфере словаря и обладающая подвижной и диффузной эмотивно-оценочной семантикой, играет существенную роль в этом процессе. Как мы уже показали, ЭОЛ обслуживает различные "участки" ЭОД, способствуя реализации разнообразных интенций говорящего социума. В построении своего "языкового автопортрета" говорящие могут использовать ЭОЛ в любых прагматических функциях, которые, накладываясь, совмещаясь, будут конкурировать с намерением актуализировать свою особую манеру речи.

Совершенно справедливо отмечает М.В. Ляпон, что "высшая ступень языкового самосознания личности – это способность анализировать своеобразие речевого почерка, поиск мотивов, реально обусловивших те или иные принципы употребления языка" [Ляпон 1989: 27-28]. Способность к анализу своего речевого поведения – это, как кажется, существенное основание при характеристике ЯЛ, при выделении разных типов ЯЛ, потому что стремление к "своему" языку, к языковой индивидуальности проявляет в разной, конечно, степени каждый говорящий. "Творческая личность, обладающая, согласно современным

характеристикам, высшим уровнем языковой компетенции (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов), может стремиться к тому, чтобы, с одной стороны, пронести постоянство, целостность и независимость своего стилевого облика через нужды различных коммуникативных сфер, а с другой стороны, именно благодаря этому сформировать его многомерность, готовность варьировать РП как личное, регулярно осуществляемое умение выполнять разные речевые роли, составляемые из присвоенного разностилевого репертуара языковых средств применительно к обстоятельствам общения" [Винокур 1993: 54].

В структуре интенций создание своего речевого имиджа занимает особое положение (как и намерение создать особый тип коммуникации, например). Это речевое целеполагание "высшего порядка", не связанное напрямую с языковым воплощением конкретных мотивов речевого акта. Этот мотив коммуникации как бы разлит над всем дискурсом говорящих или над его фрагментом. Очевидно, выражение оценочного суждения, своего эмоционального состояния, намерение повлиять на эмоциональный настрой собеседника и др. могут переплетаться со стремлением самоактуализации в речи. Поэтому логично говорить о доминантной интенции, которая в определенных коммуникативных ситуациях выходит на первый план. Отметим, что проблема выбора и интерпретации говорящим ЭОС, то есть "словесного само моделирования", имеет еще одну особенность: творческое отношение к языковому знаку проявляется не в любом эмоциональном состоянии, а лишь в тех, которым не свойственны горячие, интенсивные, субъектно или объектно ориентированные эмоции. При проживании последних происходит явное сужение лексического пространства, при котором на поверхности языковой памяти остаются лишь шаблонные, неоригинальные средства эмотивно-оценочного словаря. Не реализуется, как правило, и саморедктирование речи – эмоциональный накал мешает осмыслению языкового выбора.

Поскольку ЭОЛ – это зона выбора предпочтительного знака, то количественная и качественная характеристика ее употребления позволяет судить о намерениях и свойствах говорящего. Так, можно наметить полюсные явления, когда говорящий практически не использует эти языковые единицы и когда, напротив, эта лексика становится заметной речевой характеристикой. Хотя ЭОЛ предназначена для выражения эмотивно-оценочного отношения к миру, иногда говорящие отдают предпочтение в коммуникативных ситуациях, когда эта лексика не возбраняется, рациональным оценочным единицам. Это не значит, что эмоциональное состояние говорящих не выражается – с помощью интонации, например, могут быть переданы различные эмоциональные оттенки.

О чем это может свидетельствовать? О том, что человек не всегда способен переключать языковые регистры. Высокоразвитая языковая личность не только выбирает подъязык, но и способна строить текст со смешением подъязыков

[Богин 1984]. Возможно, это показатель определенного языкового консерватизма (на фоне общего раскрепощения разговорного языка), возможно, характеристика темперамента; стремление держать адресата на расстоянии. Таким образом, в выборе языкового знака (ЭОЛ) могут проявляться как интеллектуально-психические черты субъекта, так и его коммуникативная компетенция.

Теперь обратимся к типу говорящих, активно использующих ЭОЛ. Картина выявляется, естественно, не однородная, в ней можно наметить некоторые типы. Так, своеобразным является “наивное” использование ЭОЛ. В этом случае едва ли можно говорить о языковом выборе, скорее, субъект владеет лишь одной подсистемой (например, просторечием, которое является “низким стилем” литературного языка), у него нет четкого представления об уместности/неуместности языковых средств, как нет и собственно лингвистических знаний о семантико-прагматической специфике эмотивно-оценочного слова. Такое преломление фрагмента лексической системы языка в личностном лексиконе, безусловно, ведет и к другим модификациям, касающимся словарного уровня языка. Когда “размывается”, утрачивается представление о специфике эмотивно-оценочного значения, закономерно утрачивается и представление о противопоставлении нейтрального и эмотивно маркированного слова. Как только теряется нейтральный фон, на котором ЭОЛ выражает определенные коннотативные смыслы, сами эти смыслы тускнеют и угасают. Остается их яркая разговорно-просторечная окраска, которая усиливается вследствие их концентрации. Примером такого использования ЭОЛ может служить речь учительницы Е.М. Гириной в повести Ю. Полякова “Работа над ошибками”. Ср.:

– Это хамство! – неожиданно крикнула Гиря и швырнула красный карандаш. – Неужели никто не может сказать Казаковцевой, что в таких кофтах по школе-то не ходят!... Причем здесь мундир-то? Совесть надо иметь! Она бы еще майку одела... Да не цепляйтесь вы к словам-то!... А что делать-то, если он на голову садится? – вдруг в лучших рыночных традициях заголосила Гиря. – Смотрит на меня белыми глазами и ржет!... У Кирибеева и ...Челышевой неожиданно наладилась отношения, и они целый урок “внаглуу”, как сказала Гиря, перебрасывались записочками... Всегда накурит, насвинячит! – тяжело глянула вдогонку Гиря... Гиря своего мужа при всех “чудилой” называет, держит ради ребенка...А не распускать руки-то! – вставила Гиря... Гнать его в шею! – энергично предложила Евдокия Матвеевна. – Он весь класс мутит...Вертеп? Лимита чертова, по улице-то спокойно не пройдешь... Хватит вам подъялдыкивать-то! У вас-то он не хулиганит! – закричала Евдокия Матвеевна...

Практически каждая реплика персонажа, произнесенная либо в учительской в присутствии коллег-учителей, либо в классе, содержит ЭОЛ. Безусловно, ге-

роиня выражает свое эмоциональное состояние (всегдашнее раздражение) и оценочные суждения, тоже сугубо негативного плана. ЭОЛ – это для нее единственный, безвариантный способ эмотивно-оценочного реагирования, в котором оценочная шкала сужается до двух элементов "хорошо – плохо", причем доминируют негативные смыслы. Все многообразие эмотивно-оценочных смыслов, свойственных этому фрагменту словаря, утрачивается в картине мира субъекта, как утрачивают способность к эмотивно-оценочному варьированию анализируемые единицы. В совокупности они характеризуют просторечную манеру, отличающуюся эмотивно-оценочным однообразием, усилением грубо-фамильярных потенций слова, которые поддерживаются нелитературными выражениями типа **одеть** и бесконечным **то** (*руки-то, подъялдыкивать-то, к словам-то, делать-то* и др.). Адресаты же характеризуют речь Гириной как "лучшие рыночные традиции" – то есть ЭОЛ в личностном лексиконе персонажа эксплицирует черты грубого, малограмотного просторечия. Таким образом, речевой имидж создан, однако едва ли можно его расценивать как осознанную языковую деятельность субъекта, который отличается "наивным", недифференцированным употреблением ЭОЛ. Следовательно, само понятие "словесного моделирования" и языкового портрета нуждается в уточнении: языковой портрет, или речевой имидж, могут возникать в результате целенаправленных усилий языковой личности и объективироваться для окружающих помимо устремления самого субъекта речи. Естественно, за этими речевыми имиджами стоят языковые личности разного уровня развития и компетентности.

Подобная семантико-стилистическая модификация эмотивно-оценочного значения – явление достаточно распространенное. Эмотивно-оценочное слово находится в нейтральном контексте [Петрищева1984], то есть при нем нет никаких экспликаторов эмотивно-оценочной семантики. По этой причине подобные контексты рассматривались как "слабые" [Чудинов 1976] и играли в семантических описаниях ЭОЛ второстепенную роль. Ср.: *С малых лет таскался он (старик. – Т.Т.) по тайге, промышлял (В. Шукшин. Рассказы)*. Если перестать в каждом эмотивно-оценочном слове усматривать лишь функцию эмотивной оценки, то становится очевидным, что контексты этого типа не являются "слабыми": для говорящего ЭОЛ – это не средство выражения эмоционального отношения и ценностного суждения, но средство воздействия на адресата, стремление создать особый тип речи – свойски, дружески ориентированного общения.

К подобному коммуникативному эффекту приводит злоупотребление ЭОЛ в речи ЯЛ, которые в целом характеризуются умением переключать языковые регистры и располагают сведениями о семантико-прагматическом потенциале эмотивно-оценочного слова. Цель коммуниканта в этом случае иная – напри-

мер, создание своего речевого имиджа, однако результат может оказаться сходным с "наивным" употреблением ЭОЛ. В качестве примера рассмотрим дискурс А. Лысенко (интервью, данное им Е. Додолеву для газеты "Неделя"):

Вроде она уже проходит по рангу крутой передачи...; вроде они все крутые...; создается аура крутой передачи...; смотрю по видушнику фильмы, какие-то крутые там фильмы...; наберет силу и долбанет так, что...; многие хотят, чтобы мы долбали коммунистов...; я могу долбать передачу...; старик, ну что вы столько долбаете коммунистов...; а он долбал и ругал; ...она очень лихая (о газете. – Т.Т.)... Нет. И по верстке она достаточно "кирпичевая"...; она долбает и тех, и этих...

Эти отрывки из интервью насыщены навязчивым повтором одних и тех же эмотивно-оценочных слов, которые оказываются пригодными в силу своей семантической диффузности для отражения самых разнообразных ситуаций. Можно предположить, что человек, владеющий литературным языком и умеющий выбирать пригодный для коммуникации подъязык, отдает предпочтение указанным (и другим, подобным) единицам, преследуя определенные цели. Мотивом подобного языкового предпочтения может стать стремление к "словесному само моделированию", предполагающему противопоставить свою речь "нового" чиновника существующим шаблонам официоза в нашем языковом сознании, или установить определенную атмосферу общения (дружески доверительную и непринужденную), или подстроиться под речевую манеру своих более молодых коллег – телевидение ведь заметно "помолодело". Кроме того, ЭОЛ могла бы служить средством создания экспрессивности, выразительности речи.

Обратимся к перлокутивному эффекту его ЭОД. На фоне того, что "одних критикуют, других порицают, третьих бранят или ругают", глагол **долбать** (долбить – 1. Пробивать отверстие, делать углубление... 2. Длительно и упорно ударять... 3. Беспреданно напоминать о чем-л., повторяя одно и то же, твердить. 4. Механически повторяя, учить наизусть, зубрить – МАС) является яркой экспрессивной единицей, реализующей семантику репрессивного воздействия на окружающих с яркой семой "чрезмерность", которая логически выводится из производящего значения и фиксируется в словарных значениях 3 и 4. Данная ядерная сема в переносных значениях глагола является семантическим стержнем для этой семантической структуры, способствуя развитию окказиональных употреблений, обозначающих действие "чрезмерно" интенсивное.

Однако в исследуемом дискурсе у этого экспрессивного глагола нет нейтрального синонимического фона. В результате этого, а также в силу его многократного повторения коннотативные признаки его тускнеют. Поэтому предполагаемая цель – сделать свою речь выразительной – осталась не реализован-

ной. Что касается прочих, то о перлокутивных эффектах дискурса говорящего должен делать вывод адресат, на которого эта речевая манера была рассчитана. Сам же говорящий должен осуществить последний этап порождения речи – контроль (Л. Выготский, А.Н. Леонтьев). Такой контроль, предпринятый коммуникантом, зачастую остается за кадром, вербализованная оценка своего поступка не очень распространена, тем ценнее она для исследования речевой манеры говорящего. Ср.: – *Что это, чувачки, – спрашиваю, – изба-читальня образовалась? Красный чум?*

Всегда, когда вижу эту компанию, стараюсь подделаться под их манеру, хотя и презираю себя за это (В. Аксенов. Золотая моя железка); – Володя?.. Ой, здравствуй! – Хелло! – Воскликнул Володя. ...и остро почувствовал свою фальшь – и это "хелло", и наигранное удивление...; – Скооперируемся? – на-вернул Володя. – А то я тоже с тоски загибаюсь. (В.Шукишин. Медик Володя)

Если в этих примерах вербализовано отношение к собственной манере речи в целом (хотя наиболее яркими приметам в ней будут экспрессивные слова), то в следующих актуализируется не только факт выбора слова, но и осмысливается его пригодность или не пригодность к конкретным условиям коммуникации с точки зрения специфики эмотивно-оценочного содержания. На этом участке ЭОД эксплицируются знания собственно лингвистического характера в тезаурусе говорящих, которые обеспечивают успешность коммуникации. Отметим, что языковые маркеры осознанного выбора слова в речи будут различными, выделим наиболее типичные из них:

1. Автокомментарий по поводу выбранного знака, выраженный разными способами, в том числе и с помощью средств метатекста.

Ср.: Помните стенды "Их разыскивает милиция"? Так вот их искали, чтобы отдать им власть... Когда я вижу их в первом ряду, их, мягко говоря, мордуленции, а грубо говоря, мордovorоты, вижу, как они стреляют пробками шампанского на сцену, переговариваются друг с другом по своим сотовым телефонам, я чувствую себя 50-летним награжденным Орденом Дружбы народов народным офицером Российской Федерации (монолог Г. Хазанова на юбилее А. Райкина); Меня, кстати, ласкают словечком "жеребец". Я, оказывается, "великовозрастный жеребец" и должен знать и понимать все на свете, а я всего-навсего неотесанный хам (Ш.Тот. Как дела, молодой человек?); Спектакль Захарова прелестен, очарователен – я специально говорю эти легкие слова, так как это "игра в мяч" (человека, играющего в мяч, спрашивают, что он будет делать, если мир рухнет. "Играть в мяч", – отвечает он) (телепередача "Киновод". Вед. А. Малов).

Введение ЭОЛ есть осознанный акт в речепорождении говорящих, о чем свидетельствуют элементы метатекста.

В лексической системе **мордуленция и мордovorot** являются коннотативно маркированными, эмотивно-оценочные семы того и другого слова отражают негативный полюс оценочной парадигмы. Различия весьма невелики, поэтому можно предположить, что, сталкивая "мягкую" и "грубую" характеристики, говорящий лишь ярче актуализирует резко отрицательное эмоциональное отношение и ценностное суждение, "играя" коннотативным содержанием ЭОЛ. Во втором примере адресат выражает отношение к ЭОЛ в речи адресанта с помощью оценочной энантиосемии "ласкают", "словечко", которая возникает в результате столкновения их положительных смыслов с отрицательным эмотивно-оценочным содержанием слова **жеребец и неотесанный хам**. В третьем контексте говорящий актуализирует личностные смыслы "легкие слова" в значениях прилагательных **прелестный, очаровательный**. Это производные, периферийные, слабовероятностные [Стернин 1985] и ассоциативные компоненты ЛЗ. Они, безусловно, связаны с положительным эмотивно-оценочным содержанием прилагательных, но определяющим для их появления будут сочетаемостные возможности этих единиц [Булыгина 1991] и внутренняя форма.

2. Контрастное употребление ЭОЛ или эмотивно-оценочного и нейтрального слов

Синонимические или антонимические объединения слов в дискурсе могут принадлежать одному лицу (говорящий выбирает из них более подходящее) или характеризовать речь разных коммуникантов, которые обсуждают или отвергают лексический выбор друг друга. Ср: *Мы **отступали** (Белая армия. – Т.Т.), **попросту, драпали**. Махно смешал наши тылы, Москву мы не взяли (В. Аксенов. Остров Крым); – **Выходите за меня замуж. Я буду вам поддержкой. Правда, я – поддержка **париш... слабая** (М. Булгаков. Дни Турбиных); – Ты что, пугать меня вздумал!? Да я тебе **го... бабку оторву, подонок!** (разг. речь; муж.; среднее); /Журналист/: **Значит, вы ждали этого указа президента, за вами теперь, как говорится, не заржавеет?** /Генерал МВД/: Да, конечно, **за нами дело не станет. Мы готовы к борьбе с бандитизмом (телеинтервью); /Николка/: Что ты, Ларион? Тоже **врезался?** /Ларион/: Николка, когда речь идет о Елене Васильевне, **такие слова как "врезался", неуместны... Она золотая...** /Николка/: **Рыжая она, рыжая...** Потому-то все, как увидят, сразу начинают букеты... У нас всегда этих веников стояло... (М. Булгаков. Дни Турбиных); – Дима у них **старичок, вернее даже, старикашка** (разг. речь; жен., высшее).*****

Ш. Балли так объясняет появление в речи синонимических рядов: в живой речи нам редко удается сразу, без повторений, выразить свою мысль. Это свойство в различной степени обнаруживается у всех людей, ибо определяется самой природой человеческого мышления. Среди факторов, обуславливающих появление синонимов, выделяются следующие: во-первых, спонтанно зарож-

дающаяся мысль во всех своих колебаниях выражается не сразу, а постепенно... во-вторых, наплыв чувств, в-третьих, "стремление преодолеть умственную инерцию слушателя" [Балли 1961: 124].

Синонимический ряд в речи одного говорящего или сокоммуникантов представлен, как правило, нейтральным и эмотивно-оценочным словом (**голова – башка, не заржавеет – дело не станет, рыжая – золотая, отступали – драпали**) или эмотивно-оценочными единицами (**старичок – старикашка**).

Говорящий отдает предпочтение эмотивно-оценочному слову, когда, как ему кажется, не может выразить с помощью нейтрального свое эмоциональное состояние и эмоциональную оценку (**отступали – драпали**). Предпочтительным оказывается слово, передающее следующее значение "беспорядочно, быстро, возможно, бросая оружие, бесславно, позорно"; **башке** отдано предпочтение в силу эмоционального накала (гнев, возмущение, ненависть), кроме того, **бить** принято **морду (а не лицо), отрывать башку**, если говорить о сочетаемостных особенностях эмотивно-оценочных слов: негативная эмотивно-оценочная информация сочетается (семное согласование – [М.В.Никитин 1983]) с элементами "интенсивность", "чрезмерность", заключенными в глаголах. **Золотая** для Лариосика применительно к Елене – это не только характеристика "внешняя" (цвет волос), но и "внутренняя": светлая (ср. в тексте романа "Елена светлая"), сияющая, прекрасная, замечательно добрая, необыкновенная. Именно снижая высокую патетику Лариона, возвращая его на землю, Николка "заземляет" образ Елены, в противовес **золотой**, называя Елену **рыжей**.

Отказ же от ЭОЛ обусловлен противоположными причинами: один из коммуникантов (или сам говорящий) снимает возможные (может быть, и не актуализированные в этом высказывании) негативные эмотивно-оценочные смыслы или стилистическую окраску, снижающую манеру речи и тем самым принижающую и содержание высказывания. Ср.: Ларион отмечает слово **врезался** "сильно, внезапно влюбился" как непригодное, когда речь идет о Елене. Его сниженно-разговорный характер, возможное "несерьезное" отношение к любви, неуважение к Елене – все это делает эмотивно-оценочное слово, вполне пригодное для дружески фамильярной беседы героев, невозможным в разговоре о Елене.

Предпочтение нейтрального выражения в речи генерала-милиционера, когда журналист употребляет "не заржавеет", может обозначать неприятие манеры речи собеседника: если журналисты могут позволить себе многое, то должностное лицо отвечает за свои слова.

Когда говорящий уточняет свой выбор в области ЭОЛ, он стремится скорректировать эмотивно-оценочную семантику слова: **старичок** (о мальчике) актуализирует сему "вести себя, как старик, быть как старик: не играть, быть не

по годам серьезным, горбиться и др.", а **старикашка**, кроме более сильной семы "эмотивная оценка", передает значение "вредный, сварливый, въедливый, ехидный и др."

3. Говорящий использует ЭОЛ, противоречащую либо контексту, либо ситуации, либо своему языковому вкусу

В этом случае ЭОС обращает на себя внимание, так как воспринимается на фоне ожидаемой нейтральной синонимической единицы (ср.: экспрессивно-синонимические значения у В.В. Виноградова воспринимаются такими, благодаря нейтральному синонимическому фону), отказ от которой есть своеобразный маркер ситуации выбора и интерпретации говорящим языкового знака. Сам факт осознанного выбора имплицитен, однако по косвенным признакам мы можем судить о творческом отношении к слову, об осознании специфики данного языкового знака. Ср.:

*Турист Каммерер, бывший Прогрессор и человек вообще грубоватый по натуре, довольно невежливо прервал это поучительное повествование, заявив, что лично он нипочем не согласился бы жить на одном курорте с **ополоумевшим** артистом.* (повествование ведется от лица М. Каммерера, который, изображая грубоватого туриста, анализирует свою "речевую маску". – Т.Т.). *Это было опрометчивое замечание, и туриста Каммерера незамедлительно поставили на место. Прежде всего слово "ополоумевший" было проанализировано, вдребезги раскритиковано и отмечено прочь как медицински безграмотное, а вдобавок еще и вульгарное* (Стругацкие. *Жук в муравейнике*); – *Тут меня опять забаббахали. Меня спрашивали, за что я хочу, чтобы меня посадили... В 56-ом меня взяли в Эрмитаж на место больных и беременных...* (Телеинтервью с Л. Гумилевым); – *Какой он добрый, милый, как он хочет мне помочь* (Б. Пастернак. – Т.Т.), – *сказала Анна Андреевна, – но какой он дикий! Во-первых, он компрометирует меня как женщину. Да, да! – она засмеялась. – Я так и вижу дурацкую морду комментатора, который выводит из этого письма Бог знает что* (Л. Чуковская // *Нева*. 1989. №7); – *Когда меня чихвостят, я, конечно, не люблю. Но, с другой стороны, критика помогает* (Телеинтервью с Э. Рязановым).

В данном текстовом фрагменте Стругацких герой изображает беспардонного журналиста, которому нужно спровоцировать конфликт, который позволит прервать ставший ненужным разговор, поэтому осознанный выбор неподходящего для коммуникативной ситуации слова **ополоумевший** свидетельствует о психологической и языковой компетентности говорящего. Адресат незамедлительно и ожидаемо на него реагирует.

В речи же Л. Гумилева глагол **забббахали** также явно "выпадает" из ситуации, обращая на себя внимание и активизируя соответствующий синонимиче-

ский ряд, включающий и нейтральные слова. Предпочтение говорящего, возможно, объясняется лагерной темой, возникшей в ходе интервью, возможно, стремлением говорящего "щегольнуть" необычным для публичного выступления словом.

Дурацкая морда совершенно не типична для дискурса А. Ахматовой, воспроизведенного Л. Чуковской. Появление разговорно-просторечного слова нельзя объяснить эмоциональным состоянием ("она засмеялась"). ЭОС с грубо негативным содержанием характеризует интенцию дать оценку так, как хочется: в этой ситуации, в разговоре с этим адресатом такая манера речи возможна.

В дискурсе Э.Рязанова эмотивно-оценочное **чихвостят** "прост. Бранить, ругать" и "бить, избивать"(МАС) объясняется, видимо, комплексом причин: во-первых, оно является для говорящего семантически адекватным (сема "чрезмерность", "отрицательная оценка" характеризуют действия критики); во-вторых, оно обладает выразительностью, яркостью (очень значим его стилистический и семантический контраст с прочими элементами); в-третьих, оно удовлетворяет потребности ЯЛ как-то оригинально проявить себя в дискурсе. Последнее подтверждается многочисленными примерами из речи, из книги говорящего субъекта. Например:

*Андрей Миронов поразил меня своей храбростью и отчаянностью. Он имел все права отказаться, ведь накануне уже произошел несчастный случай. Но эпизод был необходим. Андрей это знал, и чувство актерского долга возобладало над личным страхом. По моей команде (Господи, какой у меня в это время был **мандраж!**) Миронов полез со сфинкса вниз. Лев, который лежал, встал. В фильме на лице Андрея отражается вся внутренняя борьба, которая происходила в нем в тот момент. Он одновременно и страшился льва, и преодолевал ужас... Андрей сделал три дубля. Он трижды спускался со сфинкса и точил лясы со львом. Сцена снята без всяких поддавок, в ней нет никакого обмана (Э. Рязанов).*

Мандраж – слово, которое появляется в тексте на фоне нейтрального описания состояния актера (*храбрость, отчаянность, страх, ужас, страшился, преодолевал...*) как знак эмоционального состояния автора текста. Возможно, в этой микропарадигме (нейтральная и ЭОЛ) распределение идет следующим образом: рационально-оценочные единицы – для описания героического поведения актера, а сниженно-разговорное эмотивно-оценочное слово – для представления своего переживания. А возможно, автор, хоть и путем вставной конструкции, не дает забыть читателю о себе и сосредоточить все внимание на бесстрашном Миронове: яркое ЭОС, рязановское слово, притягивает внимание читателя.

ЭОС может стать "визитной карточкой" говорящего: не только частотной единицей в его речи, но и воплощающей личностные смыслы, языковой вкус и

склонность к языковому экспериментированию. Как правило, “свое” слово изменяет значимость в словаре ЯЛ по сравнению со значимостью в лексической системе языка. Ср.:

*Штрум, читая его работы, всегда удивлялся: человек, который так изящно, смело мыслил, лаконично выражал и доказывал сложнейшие и тонкие идеи и так нудно и многословно во время чаепития **травил баланду**. Сам Штрум, как многие люди, выросшие в книжной, интеллигентной среде, любил **козырнуть** в разговоре такими словами, как “мура”, “буза”, **обозвать** в разговоре со старым академиком сварливую ученую даму “**стервой**”... (В. Гроссман. Жизнь и судьба).*

*– Он **пошляк**, – говорила Бета низким смеющимся голосом. **Неважно о ком – о незадачливом поклоннике или авторе модного романа. Это было ее единственное, но любимое ругательное слово. Из духа противоречия я вступался: – А мне он нравится. – Значит, вы тоже пошляк. – А я считаю пошлостью зачислять в пошляки всех, кто не разделяет ваших вкусов (А. Крон. Бессонница);***

*– **Послушай, гладиолус**, – сказал Фрейман, – тебе еще никто в любви не объяснялся? **Нет? Тогда я буду первый** <...> **Приехал Мотылев. Он был радостно возбужден. Глаза его блистали. – Расколос, гладиолус? – с мрачным юмором спросил Илюша** <...> **– Дрянной ты человек, гладиолус!** (Кларов, Безуглов).*

В лексиконе Штрума (первый фрагмент) ЭОЛ со сниженно-просторечной окраской приобретает особую значимость, реализуя интенцию “проявить себя как ЯЛ в необычном лексическом воплощении”. В этих случаях эмоционально-оценочные потенции этой лексики могут оказаться не востребуемыми.

Второй текстовый фрагмент (А. Крон) представляет реализацию в речи разных коммуникантов слова **пошляк**. Для героини это способ вербализации отрицательной мотивной оценки, приложимой практически к любому объекту характеристики, то есть в ее лексиконе слово занимает позицию общеоценочной единицы, которая служит для выражения самых разных эмоционально-оценочных коннотаций: от насмешливо-иронического до презрительного, от сочувственно-уничижительного до крайне недоброжелательного отношения к предмету речи. Денотативное содержание слова, достаточно размытое и в лексической системе языка, в лексиконе героини теряет свои очертания. Для героя же слово **пошляк** связано очевидной деривационной связью со словом **пошлость** и обозначает пошлого человека.

Если рассмотренный пример демонстрирует существенное расширение референтной зоны эмоционально-оценочного значения, которое варьируется, не меняя знака оценки, то следующие текстовые фрагменты представляют функциони-

рование нейтрального в словаре слова **гладиолус**, которое в личностном лексиконе говорящего приобретает не свойственные ему ранее функции – становится эмотивно-оценочной единицей, выражающей любые (от минуса до плюса) квалификативные значения.

Наравне со "своим" словом значимым показателем личностного лексикона, языкового вкуса, эстетических и психологических особенностей личности является "чужое слово, т.е. не свойственное говорящему, но появившееся в силу определенных коммуникативных намерений, например, встроиться в разговор людей, говорящих таким образом. Подобная интенция объясняется неоднородным характером малого социума: в нем всегда выделяется лидер, речевая манера которого влияет на речь собеседников, начинающих подражать лидеру [Крысин 1989]:

– С ума меня сведет "Арарат"! – Булика хлопнул себя рукой по лбу. – Весь год он только и готовится, чтобы обыграть нас! Проиграть другим – ему наплевать! – И наши играют с "Араратом" всегда с мандражем! – вырвалось у отца Иорама. – Bravo, батюшка!. Где ты этому слову научился? – удивился Булика (Н. Думбадзе. Закон вечности).

Больные в палате бурно обсуждают футбольные неудачи любимой команды. Полилог ведут писатель, сапожник и священник. Вернее, священник до поры остается лишь слушателем, а затем неожиданно и для себя (*вырвалось у отца Иорама*) вступает в беседу, переходя под влиянием эмоций и спортивной темы на язык футбольных болельщиков. Собеседники, привыкшие к особо сдержанной манере речи героя, реагируют на "чужое" слово в его речи. Оно есть результат языкового влияния компании, возможно, показатель эмоционального состояния персонажа.

Как пишет М.В. Ляпон, "один из самых специфически человеческих и, может быть, самых действенных операторов оценки – принцип "люблю – не люблю", предсказывающий изнутри выбор тех или иных лексических средств, влияющий на выбор той или иной ...модели, на композиционный рисунок фразы, ее синтаксический строй, определяющий потребности в модальном корригировании, диктующий ту или иную стратегию воздействия на адресата" [Ляпон 1989: 27].

ЭОЛ же является той лексической сферой, где говорящий может, проявляя языковой вкус, компетенцию, удовлетворить свою потребность в языковом самопредъявлении, в языковом само моделировании.

2.9. Интенция создания языка малого социума

Понятие "язык малого социума" принадлежит Л.П. Крысину. Им же выявлены некоторые типичные черты "речевого поведения человека в малых соци-

альных общностях": именно здесь обнаруживаются свойства индивида как "производителя" определенных высказываний. Без этого невозможно судить о многих сторонах речевого поведения человека как существа социального [Крысин 1989].

Обычно в качестве языковых средств, маркирующих принадлежность говорящего к какому-либо социуму, рассматривают жаргонную лексику, реже отдельные лексемы, характерные для семьи, компании, группы. ЭОЛ в этом аспекте пока не анализировалась. Использование ее для реализации указанных намерений имеет ряд специфических характеристик: во-первых, в этой коммуникативной области зачастую накладываются интенции "выражение эмотивной оценки", "создание своего речевого имиджа" и "создание типа коммуникации" и др.; во-вторых, происходит семантико-прагматическое приспособление ЭОЛ к ситуации – мы имеем в виду те смысловые сдвиги, которые наблюдаются в ЛЗ данных единиц.

Поставленная задача определяет и специфику языкового материала: выявить и описать ЭОЛ в языке малого социума можно только на пространстве целостного дискурса языковых личностей, принадлежащих к какой-либо социальной общности. Поэтому предметом настоящего анализа является дискурс героев повести Э.Сигла "История любви" в переводе-пересказе Ю. Полякова, которые могут быть рассмотрены как модели реальных языковых личностей [Караулов 1989: 6]. Некоторых пояснений требует обращение к тексту Э. Сигла, переведенному (пересказанному) Ю. Поляковым. Сам переводчик отмечает: "Несмотря на внешнюю простоту, "История любви" довольно сложна по эмоциональной и культурной насыщенности. Есть в ней и та особая интонация, без чего "История любви" превратилась бы в обычную литературную "слезовыжималку". Потерять эту интонацию при переводе – значит, потерять почти все! Думаю, еще и поэтому повесть Сигла так долго не переводилась... мы предлагаем нашу версию "Истории любви", выполненную специально для "Юности" (Ю. Поляков //Юность.1990. №7).

Настоящему анализу предшествовал специальный сопоставительный анализ лексической организации английского оригинала и русского перевода. Он подтвердил характер работы переводчика: последний стремился передать атмосферу повести, особый ее тон, персонифицированную речь героев, их особый язык с помощью характерной для русскоязычного социума ЭОЛ, средств жаргона, может быть даже, теряя в передаче национальной специфики речевого портрета американских студентов 70-х. Переводчик, думается, преднамеренно убрал жаргонную лексику, ставшую уже не актуальной, имеющую затемненную внутреннюю форму, заменив на современные средства экспрессивного языка. Ю. Поляков пишет, что стремился сделать повесть актуальной для со-

временных молодых людей, а также и тех, кто мог бы прочитать бестселлер в пору своей молодости.

"Трудности перевода", "особая интонация" – это в первую очередь касается языка героев, студентов университета, стремящихся в собственном языке воплотить стремление к независимости, протест, бунт против мира взрослых, деловых, неискренних, а также заявить о своей индивидуальности, непохожести на других. Кроме того, это актуализация с помощью языка своей общности с другими молодыми людьми, занимающими одно с ними социальное, возрастное положение, а главное – придерживающимися тех же взглядов на жизнь. Их язык отличается от литературного не только набором специфических единиц (этот аспект социальных жаргонов детально исследован в русистике), но и приспособлением нормативных единиц к своим коммуникативным потребностям. Говорящие как бы смещают привычные акценты в семантике слов, изменив их функциональные характеристики. В первую очередь это относится к эмотивно-оценочной лексике, принадлежащей к "низкому стилю" (Ф.П. Филин) литературного языка.

Поскольку во главу угла настоящего исследования поставлена языковая личность (как представитель языка малого социума) в ее отношении к действительности и языковому знаку, правомерно будет обратиться к вопросу о причинах и условиях выбора языкового знака (ЭОЛ, которая относится к альтернативной зоне словаря). Выбор лексической единицы обусловлен, с одной стороны, интерпретационными возможностями лексической системы языка (того языкового фильтра, через который мы воспринимаем, отражаем и квалифицируем действительность), а с другой стороны, интенциями говорящего, его вкусовыми предпочтениями, языковой и речевой компетенцией, а также принадлежностью его к определенному языковому социуму.

Как известно, прототипической функцией указанного словарного фонда является функция эмотивной оценки. Однако, как показано выше, этим семантико-функциональный потенциал ЭОЛ не исчерпывается.

Обратимся к тем семантико-прагматическим особенностям, которые приобретает ЭОС в дискурсе героев, вербализуя их потребность в "своем" языке.

В речи персонажей ЭОЛ в той или иной степени передает их эмотивное отношение к действительности, однако не эта интенция говорящих, использующих в своем дискурсе ЭОЛ, будет ведущей. Помним, что молодежный жаргон является своего рода игрой, "общественной забавой, подчиненной принципам эмоциональной экспрессивности" (Б.А. Серебренников). Чтобы обосновать нашу гипотезу о специфических интенциях, стоящих за ЭОЛ, обратимся к тексту:

–Эй! – мне захотелось поделиться с ней одним остроумным наблюдением.
– Из-за меня ты бросилась за борт. – **Не выпендривайся**, – ответила она. –

Третий – это всего лишь третий. – Знаешь что, стерва? – Что, недоносок? – Я чертовски многим тебе обязан, – серьезно закончил я <...>

В тот вечер он выставила меня из палаты. – На это совещание допускаются только американцы итальянского происхождения, – сообщила он. – Так что ползи отсюда Бэрет <...> – Она сказала, чтобы ты заползал, – прошептал Фил так, словно внутри у него была какая-то глухая пустота <...> – Закрой эту чертову дверь! <...> – У тебя виноватый вид, Оливер, ты изводишь себя <...> ... Я хотел смотреть на нее, не отрываясь, – всегда, вечно... И все же опустил глаза. – Неужели ты не можешь сделать для меня такую ерундовину? Я прошу Олли <...> – Да черт с ним с Парижем, и музыкой, и со всей остальной чепухой. Думаешь, ты меня всего этого лишил? Да мне наплевать на это. Ты что, не веришь? <...> Тогда убирайся отсюда. Нечего тебе делать у моего чертова смертного одра.

Вся негативная адресатно ориентированная лексика появляется не в моменты соответствующих эмоциональных состояний (интенсивные, горячие (гнев), холодные (презрение) негативные эмоции), не в ситуациях оценочной квалификации адресата (герои уважительно, нежно, дружески относятся друг к другу), но является на протяжении всего текста повести знаком своего, особого языка, манеры общения, свойственной их кругу. Следовательно, если ЭОЛ выполняет такую функцию в дискурсе героев, в ее семной структуре, очевидно, произошли существенные семантические изменения. Во-первых, произошло погашение оценочных негативных смыслов, связанных с этими единицами в лексической системе языка. Это еще раз подтверждает высказанную нами гипотезу о достаточно высокой степени дискретности компонентов "оценочность" и "эмотивность" в семной структуре ЭОС. Погашение одного типа элементов влечет за собой целый ряд изменений на семном уровне: актуализируется компонент эмотивность, нейтрализовав отрицательный знак передаваемых эмоций. В результате повышается общий уровень эмотивности речи, а также происходит актуализация яркой разговорно-фамильярной окраски, характерной для этой лексики. Все это существенно повышает уровень экспрессивности дискурса в целом.

Доказательством выше сказанного может быть, во-первых, явление семантического рассогласования по коннотативным семам и по стилистической окраске ЭОЛ с другими элементами лексической организации текста. Ср.: **стерва** в качестве обращения к человеку, которому говорящий, по его собственным словам, **чертовски многим обязан; тогда убирайся от моего чертова смертного одра** и здесь же **пожалуйста, обними меня покрепче, спасибо, Олли**. А ЭОЛ обычно согласуется по знаку эмоции и оценки с другими элементами контекста [Е.П. Петрищева 1984, Шаховский 1987].

Во-вторых, особое неоценочное функционирование ЭОЛ, отмечаемое в указанных ситуациях, становится очевидным при сопоставлении этих текстовых фрагментов с теми, в которых действительно вербализуются оценки и связанные с ними эмоции. Оказывается, собственно эмотивно-оценочную, оценочную и эмотивную функции выполняет в дискурсе героев в большинстве случаев не ЭОЛ, говорящие отдают предпочтение другим языковым средствам: рациональным оценкам, интонации, определенным конструкциям. Это объясняется, видимо, тем, что лексика с ярким эмотивно-оценочным содержанием, свойственная непринужденному общению как знак эмотивной оценки, оказывается уже востребованной для выражения выше указанных интенций языковых личностей. Иными словами, в личностном лексиконе ЯЛ – представителей малого социума – произошла функциональная переориентация лексических единиц с эмотивно-оценочным значением. Чтобы проиллюстрировать сказанное, обратимся к дискурсу персонажей:

– *Для выпускника Гарварда он **очень скучный** собеседник <...> Он **просто вызывающе бездушен** – что бы я ни сделал, все воспринимает как должное<...> Я попытался объяснить ей, что мой отец – это и всего лишь **форма и никакого содержания** <...> Я люблю Рэя Стрэттона. Конечно, он **не гений и не великий** футболист (на поле ему не хватает скорости), но он **всегда был хорошим соседом по комнате и надежным другом.***

Во всех приведенных примерах оценка отличается осознанностью оснований, отсутствием излишней эмоциональности и выражена единицами, тяготеющими по своему содержанию к рациональным оценкам. Усиление степени оценочного содержания и введение эмотивности осуществляются за счет интенсификаторов типа **вызывающе бездушен, очень скучный**. Яркой, грубо просторечной эмотивно-оценочной лексики в РА оценки мы не обнаруживаем.

Теперь обратимся к текстовым фрагментам, в которых герои выражают свое эмоциональное состояние:

*У меня **хватило хладнокровия**, чтобы припарковаться возле рыбного рестораника, после чего я повернулся к Дженнифер – **злой как черт.***

– Ты в самом деле так думаешь? – Я думаю, что это одна из причин, – произнесла она совершенно спокойно. – **Дженни, значит, ты не веришь, что я люблю тебя !?** – **закричал я.** – Любишь, – ответила она все так же тихо, – но как-то странно... Ты ведь любишь еще и мое булочно-крэнстонское происхождение...

*Я не знал, что ответить, и **ограничился заурядным "нет"**, но зато повторил это слово несколько раз и с разной интонацией. Я был настолько расстроен, что мне даже пришла в голову мысль: а вдруг в ее ужасном предположении есть доля правды.*

В этом фрагменте содержатся показатели эмоционального состояния героя: **злой как черт,хватило хладнокровия**. Языковыми же средствами выражения злобы, раздражения, бессилия являются интонация (вопросительно-восклицательное предложение, многократное повторение одного слова с разными интонациями) и формальное средство несогласия **нет**.

Я выхватил из ее рук телефонную трубку, затем выдрал телефон из розетки и швырнул его через всю комнату.

– Черт бы тебя подрал, Дженни! Убирайся из моей жизни ко всем чертям...

Вновь в ситуации, допускающей появление ЭОЛ (первый пример), мы ее не находим вовсе или в очень ограниченном количестве (второй пример, в котором состояние – **выхватил, вырвал, швырнул через всю комнату** – явно не соответствует интенсивности лексического выражения). Это подтверждает нашу гипотезу о функциональной переориентации ЭОЛ в лексиконе ЯЛ.

В-третьих, свидетельством того, что ЭОЛ с погашенной отрицательной оценочностью маркирует индивидуальную манеру речи молодых студентов, создает их речевой имидж, является их способность переключать языковые регистры: разговаривая с представителями других социумов, герои стремятся перейти на общепринятый язык. Л.П. Крысин отмечает, что малые социальные группы открыты и проницаемы, поэтому легко переключаются на общепринятый язык, однако следы своего языка присутствуют в их речи [Крысин 1989]:

– Оливер! – Да, мистер Джонас? – он пригласил меня в свой кабинет. – Вы знакомы с делом Бека? – спросил он.

Разумеется, я был знаком. Роберта Бека, фоторепортера... до полусмерти отметили чикагские полицейские, когда он пытался сфотографировать какую-то уличную заварушку. Джонас считал это делом важным.

– Кажется, фараоны надавали ему по шее, сэр, – беспечно ответил я Джонасу.

ЭОЛ во внутреннем монологе героя характерна для его манеры речи, однако, переходя и к реальной коммуникации, ЯЛ остается в привычном языковой регистре (об "инерции стиля" см. [Шмелев Д.Н. 1977]).

В ситуациях, когда жестче работает функция "контроль" в процессе порождения речи (например, в общении с отцом как представителем поколения взрослых, уважаемых, искренних), ЭОЛ – показатель своего языка – отсутствует вовсе. Ср.:

– Ну, как живешь, сын?

Для человека, окончившего Гарвард, он удивительно скучный собеседник.

– Прекрасно, сэр, прекрасно...

Подобное общение с отцом сам герой характеризует как "недоразговор": на этом языке "взрослых и благополучных" ничего существенного и не может быть сказано. Тогда свой язык, важной чертой которого является специфическое использование ЭОЛ, становится и средством выражения "настоящих" мыслей и чувств.

Показателен пример, когда герой начинает разговор с отцом Дженни на общепринятом языке, относя его к поколению-антагонисту, а Дженни, иначе воспринимая своего отца, включает его в беседу на их, особом языке:

– Спасибо, сэр. Я очень тронут. Честное слово. Вы же знаете, как я отношусь к вашей дочери, сэр. И к вам, сэр... – Оливер, – перебила меня Дженни, да кончай ты лепетать, как недоделанный... – Дженнифер, – оборвал ее отец, – ты могла бы воздержаться от сквернословия! Все-таки этот сукин сын – наш гость!

Кроме того, грубо-фамильярная и негативно оценочная лексика становится своеобразной защитой, маскировкой героев в выражении своих чувств: во-первых, их "настоящие" чувства не могут быть выражены на "лживом" языке общепринятой морали, во-вторых, за подобной лексикой можно спрятаться, как-то отстраниться от переживаний, став таким образом ироничным, более защищенным от мира, менее уязвимым.

ЭОЛ, составляющая специфику речевого портрета героев, оказывается языковым средством многослойной подтекстовой информации всего произведения: это и свидетельство конфликта поколений, и бунта, и стремления найти свой язык, свой путь, научиться выражать чувства, которые никто до них не переживал. Вот о трудностях передачи именно этой, особой атмосферы повести предупреждал в предисловии переводчик. Если же эта имплицитная информация не прочитывается, ЭОЛ становится лишь средством обиходно-просторечного языка с грубо отрицательными коннотациями. Тогда и речь героев будет восприниматься как эпатирующая, грубая, вульгарная. Примеры такого прочтения имеются, особенно среди лиц старшего поколения (специальный опрос, проведенный дипломницей НГПУ). Иначе на язык произведения реагируют современные студенты (повесть написана в начале семидесятых). Они принимают такой способ общения, причем лексический выбор героев не заслоняет переживаемых ими чувств, делая текст многослойным.

Адекватно ЭОЛ в дискурсе персонажей может быть воспринята лишь в контексте всей повести: отдельные фрагменты текста едва ли дают полное представление о семантико-прагматических характеристиках этой подсистемы словаря в парадигме художественного текста. Текст отражает дискурс определенного социума со всеми особенностями языковых единиц (ЭОЛ, в частности), для него свойственных.

Таким образом, нами выявлено еще одно целеполагание говорящих, воплощенное в ЭОЛ – создание "своего" языка, языка малой социальной общности.

Настоящее исследование еще раз подтверждает мысль о том, что понятие "свое" слово не исчерпывается характеристикой "частотность в речи ЯЛ", своим оно становится в том случае, если произошли существенные изменения в его семной структуре, а также изменилась и его значимость в личностном лексиконе говорящего по сравнению со значимостью этой лексической единицы в словаре.

Заключение

В настоящей работе реализована задача комплексного описания ЭОД в его лексическом воплощении, включающее когнитивное и прагматическое исследование. В ходе описания была подтверждена гипотеза о том, что специфика ЭОД обуславливается определенными типами знаний-мнений, представленными в тезаурусе усредненной языковой личности:

1) знания о ценностных ориентирах, неразрывно связанные с обобщенными представлениями о соотносимых с ними эмоциях;

2) информация о типах речевого поведения, о речевых стратегиях, о путях построения эмотивно-оценочных речевых актов (сценарных фреймах);

3) знания собственно лингвистического характера, предполагающие освоение семантической, стилистической и прагматической специфики эмотивно-оценочного слова.

Выявленные типы когнитивной информации в тезаурусе говорящих определили конкретные задачи исследования ЭОД.

Описанию фрагментов эмотивно-оценочной картины мира посвящен первый раздел книги, а исследованию структуры интенций ЭОД – второй.

В анализе эмотивно-оценочной картины мира были выявлены ее ведущие для современного социума фрагменты: это "интеллектуальные" и "морально-нравственные" концепты, между которыми наблюдаются тесные, взаимопроникающие связи, отражающие наивную картину мира (в данном случае не противоречащую научным, психологическим представлениям о личности как системе взаимосвязанных элементов).

Весьма неоднозначной оказалась эмотивно-оценочная интерпретация говорящим социумом понятия **глупого человека, глупого поступка, поведения**. Безусловно, отрицательная реакция на глупость и положительная на высокий интеллект являются определенной универсалией, характерной для разных языковых коллективов, а выявленные неотрицательные реакции (сочувственные, одобрительные, жалостливые, обнадеживающие), связанные с различными ситуациями, характеризуют особенности русской языковой картины. Так, эти представления отражают специфические черты нашего менталитета: жалостливо-сочувствующее отношение, корнями уходящее в христианские традиции (блаженны нищие духом), а также представление о "внешней" глупости, под которой обнаруживается ум, смекалка, житейский опыт, которые до поры до времени не проявляются (сказочный Иванушка-дурачок).

Представления же о бесчестии, подлости и благородстве являются составляющими современного морально-нравственного климата общества. Исследование концепта "подлость, безнравственность", который в ценностной парадигме занимает сугубо негативный полюс, позволило выявить его "составляю-

щие": по современным представлениям, это предательство, трусость, от которой страдает другой человек, ложь (клевета, навет), а также изощренное коварство. В представлениях морально-нравственного характера наблюдаются явные изменения, по сравнению с понятиями о подлости и благородстве, например, в XIX веке.

Именно периферийная зона эмотивно-оценочных реакций, является материалом для выявления специфических черт аксиологических ориентиров и связанных с ними типовых эмоций современного социума.

Выявленная типология интенций ЭОД представляет собой полевое устройство, ядром которой являются интенция эмотивной оценки и интенция выражения эмоционального состояния. Эти интенции соотносятся с прототипической функцией эмотивной оценки ЭОЛ. Прочие интенции: создание особого типа коммуникации; воздействие на поступки, эмоциональное состояние, ценностные представления адресата; создание своего речевого имиджа; организация языка малого социума; выражение ценностного суждения (мнения) – в реальной коммуникации в той или иной степени соотносятся с ведущей, пересекаются, накладываются, по-разному взаимодействуя в интенциональном рисунке дискурса. Целеустановка рассматривалась нами как один из элементов когнитивного сценария (сценарного фрейма), для языкового воплощения которой говорящий выбирал подходящую стратегию и языковые единицы с соответствующими семантико-прагматическими показателями.

Исследование типов интенций показало, что они разной степени сложности: более простые, организующие отдельный РА, и более сложные, характерные для дискурса ЯЛ в целом.

Воплощение указанных интенций с помощью ЭОЛ связано с разного рода семантико-прагматическими модификациями эмотивно-оценочного значения: погашениями оценочных или эмотивных смыслов, актуализацией стилистического, социального, эстетического и др. компонентов значения.

В результате предпринятого исследования мы выявили особенности эмотивно-оценочной интерпретации действительности говорящим социумом, а также определили основные интенции, воплощаемые в ЭОД коммуникантами. И специфика эмотивно-оценочной картины мира (основные концепты морально-нравственной и интеллектуальной парадигмы и их эмотивно-оценочная интерпретация), и особенности воплощаемых в ЭОД целеустановок говорящих вскрывают характерные психологические, социокультурные и коммуникативные черты современного русскоязычного социума.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Апресян Ю.Д. О состоянии русского языка. Русская речь. М., 1992. № 2.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. Т.2: Интегральное описание языка и системная лексикография.

Арнольд И.В. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения слова // XXII Герценовские чтения. Иностранные языки. Л., 1970.

Арнольд И.В. Интерпретация художественного текста (Типы выдвиганий и проблема экспрессивности) // Экспрессивные средства английского языка. Л., 1975.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (Логико-семантические проблемы). М., 1976.

Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексических значений // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М., 1984.

Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // НЗЛ. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Арутюнова Н.Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т.Г. Винокур. М., 1996.

Арутюнова Н.Д. Модальные и семантические операторы // Облик слова: Сборник статей памяти Д.Н. Шмелева. М., 1997а.

Арутюнова Н.Д. О стыде и стуже // Вопр. языкознания. 1997б. №2.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.

Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1986.

Бабенко Л.Г. Русская эмотивная лексика как функциональная система: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Свердловск, 1990.

Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной лингвистики. // Изв. АН. Серия лит. и языка. 1997. Т.56, №1.

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Работы 20-ых годов. Киев, 1994.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М, 1990.

- Безносков С.П.** Особенности оценочного стиля личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук Л., 1982.
- Блумфилд Л.** Язык. М., 1968.
- Богин Г.И.** Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1984.
- Богданов В.В.** Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Л., 1990.
- Богуславская Н.Е., Гиниатуллин И.А.** Культурно-речевые аспекты разговорного текста // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург, 1994.
- Болотнова Н.С.** Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994.
- Болотов В.И.** Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности (основы эмотивной стилистики текста). Ташкент, 1981.
- Бондарко А.В.** Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
- Брутян Г.А.** Языковая картина мира и ее роль в познании // Методологические проблемы анализа языка. Ереван. 1976.
- Булыгина Е.Ю.** Экспрессивные прилагательные современного русского языка (семантический, прагматический и лексикографический аспекты): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991.
- Булыгина Т.В.** О границах и содержании прагматики. //Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. М., 1981. Т. 40. №4.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.** Оценка при вторичной коммуникации // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996.
- Булыгина Т.Н., Шмелев А.Д.** Оценочные речевые акты извне и изнутри // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Ванхала-Анишевски М.** Интерперсональные отношения в русском письменном научном дискурсе // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Васильев Л.М.** Современная лингвистическая семантика. М., 1990.
- Вежбицкая А.** Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус // Язык и структура знаний. М., 1990.
- Вежбицкая А.** Речевые акты // НЗЛ. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.
- Вежбицкая А.** Язык. Культура. Познание. М, 1996.
- Вежбицкая А.** Семантические универсалии и описание языков. М. 1999.
- Вендлер Э.** Иллокутивное самоубийство // НЗЛ. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.
- Виноградов В.В.** Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972.

- Винокур Т.Г.** Закономерности стилистического употребления языковых единиц. М., 1980.
- Винокур Т.Г.** Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 1993.
- Волгин И.** Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах // Октябрь. 1989. №5.
- Вольф Е.М.** Варьирование в оценочных структурах // Семантическое и формальное варьирование. М, 1979.
- Вольф Е.М.** Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Вольф Е.М.** Функциональная семантика. Описание эмоциональных состояний // Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность. М., 1996.
- Воркачев С.Г.** Безразличие и презрение. // Вопр. языкознания. 1992. №1.
- Воркачев С.Г.** Семантизация концепта *любовь* в русской и испанской лексикографии (сопоставительный аспект) // Язык и эмоции. Волгоград, 1995.
- Выготский Л.С.** Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т.2.
- Гак В.Г.** Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста. // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1997. №3.
- Гак В.Г.** Языковые преобразования. М., 1998.
- Гачев Г.** Национальные образы мира. Америка. М., 1997.
- Гловинская М.Я.** Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Гловинская М.Я.** Что такое "плохо" (Фрагмент наивной этики) // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т.Г. Винокур. М., 1996.
- Голубева-Монаткина Н.И.** Язык и культура (о русской эмигрантской речи в Канаде) // Облик слова: Сборник статей памяти Д.Н. Шмелева. М., 1997.
- Графова Т.А.** Коммуникативный аспект эмотивно окрашенной лексики // Лингвистическое и психологическое исследование языка и речи. М., 1986.
- Графова Т.А.** Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
- Гуревич А.Я.** Исторический синтез и Школа "Анналов". М., 1993.
- Гуревич П.С.** Культурология. М., 1996.
- Девкин В.Д.** Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М., 1979.
- Дейк Т.А.Ван.** Язык. Коммуникация. Познание. М., 1989.
- Демьянков В.З.** Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопр. языкознания. 1994. №4.
- Демьянков В.З.** Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. М, 1981. Т.40, №4.

- Демьянков В.З.** Диминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
- Динсмор Дж.** Ментальные пространства с функциональной точки зрения // Язык и интеллект. М., 1995.
- Долинин К.А.** Проблема речевых жанров через 40 лет после статьи М.М. Бахтина // Русистика. Лингвистическая парадигма конца 20-го века. СПб., 1998.
- Доценко Е.Л.** Психология манипуляции. М., 1996.
- Дьяченко И.С.** Демонстрируемые и скрываемые качества в системе личности. М., 1995.
- Ермакова О.Н., Земская Е.А.** К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Ермакова О.П.** Об иронии и метафоре // Облик слова: Сборник статей памяти Д.Н. Шмелева. М., 1997.
- Ермакова О.П.** Семантические процессы в русском молодежном жаргоне // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т.Г. Винокур. М., 1996.
- Земская Е.А.** Заметки о русском языке, культуре и быте (по материалам семейного архива Булгаковых) // Облик слова: Сборник статей памяти Д.Н. Шмелева. М., 1997.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.** Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- Знаменская Н.В.** Представление и понимание индивидуальных качеств личности в процессе самооценивания. Казань, 1996.
- Золотова Г.А.** Труды В.В. Виноградова и проблемы текста // Вестник МГУ, 1995. №4.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.** Коммуникативные регистры речи // Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1988.
- Ивин А.А.** Основания логики оценок. М., 1970.
- Изард К.** Эмоции человека. М., 1980.
- Ильенко С.Г.** К поискам ориентиров речевой конфликтологии // Аспекты речевой конфликтологии. СПб., 1996.
- Исследование языкового мышления в лингвистике. М., 1985.
- Какорина. Е.В.** Стилистические заметки о современном политическом дискурсе // Облик слова: Сборник статей памяти Д.Н. Шмелева. М., 1997.
- Карасик В.И.** Оценочный кодекс в словаре // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц. М., 1991.
- Карасик В.И.** Язык социального статуса. М., 1992.
- Караулов Ю.Н.** Словарь как компонент описания языков: Принципы описания языков мира. М., 1976 а.
- Караулов Ю.Н.** Общая и русская идеография. М., 1976 б.

- Караулов Ю.Н.** Лингвистическое конструирование и тезаурус языковой личности. М., 1981.
- Караулов Ю.Н.** Русский и язык и языковая личность. М., 1987.
- Караулов Ю.Н.** Языковая личность // Энциклопедия Русский язык. М., 1997.
- Касевич В.Б.** О когнитивной лингвистике // Общее языкознание и теория грамматики. Материалы чтений, посвященных 90-летию С.Д. Кацнельсона. СПб., 1998.
- Категория искусственного интеллекта в лингвистической семантике: Фреймы и сценарии. М., 1987.
- Кацнельсон С.Д.** Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Квасюк И.И.** Структура и семантика отрицательной эмотивной лексики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- Киселева Л.А.** Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.
- Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б.** Слушающие и речевой акт. // НЗЛ. М., 1985. Вып.16: Лингвистическая прагматика.
- Колосова Т.А.** Русское сложное предложение симметричной структуры. Воронеж, 1980.
- Колшанский Г.В.** Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1976.
- Колшанский Г.В.** Контекстная семантика. М., 1980.
- Колшанский Г.В.** Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
- Кобозева И.М.** "Теория речевых актов" как один из вариантов теории речевой деятельности // НЗЛ. М., 1986. Вып.17: Теория речевых актов.
- Кондаков И.В.** Введение в историю русской культуры. М., 1997.
- Корнелиус Х., Фейр Д.** Выиграть может каждый. М., 1992.
- Крысин Л.П.** О речевом поведении человека в малых социальных общностях // Язык и личность. М., 1989.
- Крысин Л.П.** Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Кубрякова Е.С.** Прагматика и когнитивная лингвистика // Прагматические аспекты языкового функционирования. М., 1991.
- Кубрякова Е.С.** Обеспечение речевой деятельности и проблема внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.
- Кубрякова Е.С.** Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. РАН. Сер. лит-ры и языка. 1994. Т.53. №3.
- Кубрякова Е.С.** Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З.** и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

- Лаврентьева Н.Б.** Экспрессивно-выразительная глагольная лексика (на материале говоров Новосибирской области): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1980.
- Лакофф Дж.** Мышление в зеркале классификаторов // НЗЛ. М., 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка.
- Лакофф Дж., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Леонтьев А.А.** Психология общения. Тарту, 1974.
- Леонтьев А.А.** Деятельность Сознание. Личность. М., 1975.
- Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
- Лопатин В.В.** Словообразовательные средства субъективно-оценочной прагматики высказывания и текста // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. Виноградовские чтения XIУ – ХУ. М., 1987.
- Лукьянова Н.А.** Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск, 1986.
- Лурия А.Р., Виноградова О.С.** Объективное исследование динамики семантических систем // Семантическая структура слова: Психолингвистические исследования. М., 1971.
- Лурия А.Р.** Язык и сознание. М., 1979.
- Ляпон М.В.** Оценочная ситуация и словесное моделирование // Язык и личность. М., 1989.
- Ляпон М.В.** "Грамматика" самооценки // Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. Виноградовские чтения XIX – XX. М., 1992.
- Ляпон М.В.** ЯЛ: поиск доминанты // Язык система. Язык – текст. Язык – способность: К 60-летию Ю.Н. Караулова. М., 1995.
- Маркелова Т. В.** Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1996.
- Матвеева Т.В.** Актуализация в тексте скрытых интенций воздействия автора на получателя // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц. М., 1991.
- Матвеева Т.В.** Семантические основания экспрессивности глагола (на материале говоров Среднего Урала): Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1979.
- Минский М.** Остроумие и логика когнитивного бессознательного // НЗЛ. М., 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка.
- Минский М.** Фреймы для представления знаний. М., 1979.
- Мягкова Е.Ю.** "Русский ассоциативный словарь" и проблемы исследования эмоциональной лексики // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.

- Никитин М.В.** Лексическое значение слова. М., 1983.
- Никитина Л.Б.** Семантика и прагматика оценочных высказываний об интеллекте (к проблеме образа человека в современном русском языке): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1996.
- Новоселова О.А.** Семантика оценочных прилагательных и их лексикографическое описание (на материале русских говоров Сибири): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1990.
- Носенко Э.Л.** Эмоциональное состояние и речь. Киев, 1981.
- Ортони А, Клоур Дж., Коллинз А.** Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. М., 1995.
- Остин Дж. Л.** Слово как действие // НЗЛ. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.
- Падучева Е.В.** Семантика. Прагматика. Референция // Семантические исследования. М., 1996.
- Падучева Е.В.** Феномен Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Пиотровская Л.А.** Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования. СПб., 1994.
- Платонов К.К.** Структура и развитие личности. М., 1986.
- Постовалова В.И.** Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
- Постовалова В.И.** Наука о языке в свете идеала цельного знания. // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
- Потебня А.А.** Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.
- Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Проничев В.П.** Комплимент как средство создания речевого комфорта // Аспекты речевой конфликтологии. СПб., 1996.
- Рахилина Е.В.** Основные идеи когнитивной семантики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997.
- Рахилина Е.В.** Когнитивная семантика: история, персонажи, идеи, результаты // Семиотика и информатика. М., 1998. Вып. 36.
- Самарин Ю.А.** Очерки психологии ума. М., 1962.
- Серебренников Б.А.** Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
- Серль Дж.Р.** Косвенные речевые акты. // М., 1986. НЗЛ. Вып.17: Теория речевых актов.
- Серль Дж.Р.** Метафора, ирония, косвенные речевые акты. Теория метафоры. М., 1990.
- Серль Дж.Р.** Классификация иллокутивных актов // НЗЛ. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.

- Серль Дж.Р.** Что такое речевой акт? // НЗЛ. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.
- Симонов П.В., Ершов П.М.** Темперамент, характер, личность. М., 1984.
- Сиротинина О.Б.** Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
- Сорокин Ю.А.** Речевые маркеры этнических и институциональных портретов и автопортретов (какими мы видим себя и других). // Вопр. языкознания. 1995. № 6.
- Степанов Ю.С.** Изменяемый "образ языка" в науку 20-го века // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
- Степанов Ю.С.** Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
- Степанов Ю.С.** Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
- Степанова В.В.** Проблемы коммуникативного исследования лексики // Функционирование языковых единиц и категорий. Таллинн, 1993.
- Степанова В.В.** Функциональные ориентиры в семантике слова и их текстовое воплощение // Проблемы исследования слова в художественном тексте. Л., 1990.
- Степанова В.В.** Лексическая структура текста (Парадигматика и синтагматика) // Проблемы лингвистической семантики. Череповец, 1996.
- Стернин И.А.** Коммуникативное поведение и национальная культура народа // Филологические записки. Воронеж, 1993. Вып.1.
- Стернин И.А.** Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
- Стивенсон Ч.** Некоторые прагматические аспекты значения // НЗЛ. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.
- Сулименко Н.Е.** От трех до пяти: о путях формирования языковой личности ребенка // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте. Новосибирск, 1994 а.
- Сулименко Н.Е.** Антропоцентрические аспекты изучения лексики: Учебное пособие к спецкурсу. СПб., 1994 б.
- Сулименко Н.Е.** Лексика в процессах текстопорождения // Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака. Новосибирск, 1996.
- Сулименко Н.Е.** Текстовое слово в представлении звуковой картины мира // Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992.
- Сытин Г.Н.** Животворящая сила // Помоги себе сам. М., 1990.
- Сэпир Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Телия В.Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
- Телия В.Н.** Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
- Телия В.Н.** Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты. М., 1996.

- Трипольская Т.А.** Семантическая структура экспрессивного слова и ее лексикографическое описание (на материале эмоционально-оценочных существительных со значением лица): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985.
- Трипольская Т.А.** Высказывания с экспрессивными характеристиками лица (семантика и прагматика) // Семантические и прагматические аспекты высказывания. Новосибирск, 1991.
- Трипольская Т.А.** Речевые стратегии самооценки как средство описания языковой личности // Языковое образование и воспитание языковой личности (в школе и в вузе). СПб., 1995.
- Трипольская Т.А.** Оценка и эмоция: параметры взаимодействия // Проблемы языкового образования и воспитания личности. СПб., 1998.
- Уфимцева А.А.** Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
- Уфимцева А.А.** Структура языкового сознания русских: 70-90-е годы // Этническое и языковое самосознание. М., 1995.
- Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Зачесова И.А.** Речь человека в общении. М., 1989.
- Федосюк М.Ю.** Нерешенные вопросы теории речевых жанров. // Вопр. языкознания. 1997. №5.
- Федосюк М.Ю.** Семантика существительных речевой деятельности и теории речевых жанров // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997.
- Филмор Ч.** Фреймы и семантика понимания //НЗЛ. М., 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка.
- Франк Д.** Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // НЗЛ. М., 1986. Вып.17: Теория речевых актов.
- Фрумкина Р.М.** О специфике гипотез в психолингвистике // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980.
- Фрумкина Р.М.** Проблема "Язык и мышление" в свете ценностных ориентаций // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989.
- Фрумкина Р.М.** Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
- Фрумкина Р.М.** Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // НТИ, 1992. Сер. 2, №3.
- Харченко В.К.** Функции метафоры. Воронеж, 1992.
- Хорни К.** Невротическая личность нашего времени. М., 1993.
- Хэар Р.М.** Дескрипция и оценка // НЗЛ. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.

Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994.

Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.

Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М., 1991.

Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.

Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997.

Черняк В.Д. Проблема синонимии и лексико-грамматическая классификация слов. Л., 1989.

Черняк В.Д. Формирование синонимических сетей и некоторые закономерности воплощения языковой личности в тексте // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте. Новосибирск, 1994.

Чудинов А.П. Дифференциация семного и лексико-семантического варьирования глагольной семантики // Функциональная семантика слова. Свердловск., 1992.

Чудинов А.П. Слова семантически сильной и слабой позиции в контексте (к вопросу об иллюстративном материале в словарях) // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1976.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.

Шаховский В.И. Эмотивная картина мира и язык // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической парадигмы. Екатеринбург, 1995 а.

Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, 1996.

Шаховский В.И. Языковая личность в лингвистике эмоций // Языковая личность и семантика. Волгоград, 1994.

Шаховский В.И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации. // Филологические науки. 1998, №2.

Шаховский В.И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции. Волгоград, 1995б.

Шаховский В.И. Эмотивные лексические единицы в аспекте потенциальной и реальной прагматики // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц. М., 1991.

Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над "Русским семантическим словарем" // Вопр. языкознания. 1999. №1.

Шмелев А.Д. "Русская ментальность" в зеркале лексических данных // Этническое и языковое самосознание. М., 1995.

Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М, 1977.

Шмелев Д.Н. Функционально-стилистическая дифференциация языковых средств // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М, 1989.

Шмелева Т.В. Речевой жанр: возможности описания и использования в преподавании языка. Берлин. 1990. № 2.

Щученко В.А. Образы русской культуры: к проблеме объективного осмысления национального ценностного мира // Ценностный мир русской культуры. СПб., 1995.

Экман П. Почему дети лгут? М., 1993.

Эмоциональные и познавательные характеристики общения. Ростов-на-Дону, 1990.

Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.

Юнг К.Г. Психологические типы. М., 1992.

Язык, дискурс, личность. Тверь, 1990.

Язык и наука конца 20-го века. М., 1995.

Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М., 1984.

Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. М., 1996. № 1-2-3.

Яковлева. Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

Allen J., Schubert L. Language and Discourse in the TRAINS Project // Communication from an Artificial Intelligence Perspective. Theoretical and Applied issues. Edited by A. Ortony, J. Slack, O. Stok. Berlin, 1992.

Appelt D.E. Communication and Attitude Revision // Communication from an Artificial Intelligence Perspective. Theoretical and Applied issues. Edited by A. Ortony, J. Slack, O. Stok. Berlin, 1992.

Duchacek O. Le champ conceptuel de la beaute en francais moderne, Praha, 1960.

Ducrot O. Dire et ne pas dire // Principales de semantique ling. P. : Herman, 1972.

Greimas A.-J., Courtes J. Semantique : Dict. raisonne de la theorie du lang. P. : Classiques Hachette, 1979.

Hobbs J.R. Metaphor and Abduction // Communication from an Artificial Intelligence Perspective. Theoretical and Applied issues. Edited by A. Ortony, J. Slack, O. Stok. Berlin, 1992.

Jackendoff R. Morphological and semantic regularities in the lexicon // Language. P., 1975. Vol. 51. № 3.

Jacobs P.S. Why Text Planning (Stile) Isn't Planning // Communication from an Artificial Intelligence Perspective. Theoretical and Applied issues. Edited by A. Ortony, J. Slack, O. Stok. Berlin, 1992.

Ortony A., Slak J., Stok O. Cognitive Science, Artificial Intelligence and Communication // Communication from an Artificial Intelligence Perspective. Theoretical and Applied issues. Edited by A. Ortony, J. Slack, O. Stok. Berlin, 1992.

Sloman A. Prolegomena to a Theory of Communication and Affect // Communication from an Artificial Intelligence Perspective. Theoretical and Applied issues. Edited by A. Ortony, J. Slack, O. Stok. Berlin, 1992.

Zeevat H., Seha R. Integrating Pragmatics into Update Semantics // Communication from an Artificial Intelligence Perspective. Theoretical and Applied issues. Edited by A. Ortony, J. Slack, O. Stok. Berlin, 1992.

Словари

Абрамов Н.Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 1994.

Горбачевич К.С. Словарь синонимов русского языка. М., 1996.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978-1980. Т. I–IV.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. и др. Русский ассоциативный словарь. М., 1994–1998. Книги 1–6.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л.А. Новикова. М., 1985.

Новое в русской лексике. Словарные материалы – 84. М., 1989.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством академика Ю.Д. Апресяна М., 1997. Вып. 1.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989.

Психология. Словарь. / Под ред. Петровского А.В., Ярошевского М.Б. М., 1990.

Руднев В.П. Словарь русской культуры XX века. М., 1997.

Русский семантический словарь. М., 1982.

Словарь новых слов и значений (середина 50-х – середина 80-х годов). М., 1995.

Словарь русского языка. М., 1981-1984. Т. I– IV.

Словарь синонимов Русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1970–1971. Т.1–2.

Словарь синонимов: Справочное пособие / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1976.

Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1960–1965. Т. 1–17.

Фразеологический словарь русского литературного языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1987.

СОДЕРЖАНИЕ

Эмотивно-оценочный дискурс: определение, признаки, пути исследования	3
1. Ценностные концепты в языковой картине мира	
1.1. Эмотивно-оценочная картина мира говорящего социума	12
1.2. Концепт <i>подлость</i> в эмотивно-оценочной картине мира	19
1.3. <i>Умный</i> и <i>глупый</i> в ценностной картине мира говорящих	31
2. Эмотивно-оценочная лексика в дискурсе: структура интенций говорящего субъекта	42
2.1. Типология интенций, вербализованных в эмотивно-оценочном дискурсе	49
2.2. Прямые и косвенные речевые стратегии в ЭОД: виды и способы их текстовой экспликации	53
2.3. Интенция выражения эмотивной оценки	63
2.3.1. Речевые акты похвалы и комплимента с позиций когнитивной и прагматической лингвистики	64
2.3.2. Речевой акт самооценки (самопохвалы) с позиций когнитивной и прагматической лингвистики	85
2.4. Интенция выражения оценочного суждения	98
2.5. Интенция выражения эмоционального состояния	104
2.6. Интенция создания определенной атмосферы общения	114
2.7. Интенция воздействия на поведение, эмоциональное состояние и ценностную парадигму адресата	123
2.8. Интенция создания своего речевого имиджа	132
2.9. Интенция создания языка малого социума	144
Заключение	151
Библиографический список	153

Татьяна Александровна Трипольская
Эмотивно-оценочный дискурс:
когнитивный и прагматический аспекты
Научное издание

Редактор В.В.Козлова
Компьютерная верстка *Трипольская А.А.*
Лицензия ЛР № 020059 от 24.03.97

Сдано в набор 18.12.98. Подписано к печати 28.06.99. Формат бумаги
60×84/16.

Печать RISO. Уч.-изд. л. 10.0. Усл. печ. л. 10.0. Тираж 300 экз.
Заказ № 34

Педуниверситет, г. Новосибирск, 126, Виллюйская, 28.